Panther

23690

best stories from new worlds II

edited by

michael moorcock

panther science fiction

Лучшие НФ-рассказы из "Новых миров". Выпуск 2

Роджер Желязны, Майкл Муркок, Брайан Уилсон Олдисс, Чарльз Плэтт, Томас Майкл Диш, Джеймс Грэм Баллард, Баррингтон Джон Бейли, Кит Рид, Джордж Коллин, Дэвид Массон, Джон Томас Слейдек

Аннотация
Лучшие НФ-рассказы из "Новых миров". Выпуск 2. Best S.F. Stories from New Worlds 2
Предисловие
Брайан Уилсон Олдисс. Еще один "Малыш". Another Little Boy. Рассказ, 1966 год
Джон Слейдек. Поэты из Миллгрова, Айова. The Poets of Millgrove, Iowa. Рассказ, 1966 год
Дэвид Массон. Трансконечный выбор. The Transfinite Choice. Рассказ, 1966 год
Дж.Г. Баллард. Ты: КомА: Мэрилин Монро. You: Coma: Marilyn Monroe. Рассказ, 1966 год
Чарльз Плэтт. Хит "Абсолютного опыта". The Total Experience Kick. Рассказ, 1966 год

Томас Диш. Три рассказа

Состязание. The Contest. Микрорассказ, 1967 год

Пустая комната. The Empty Room. Микрорассказ, 1967 год

Погружение "Вест-Энда". The Descent of the West End. Микрорассказ, 1967 год

Джордж Коллин. Необычайные приключения Мартина Борга. The Singular Quest of Martin Borg. Рассказ, 1965 год

Баррингтон Бейли. Самонадеянность. The Countenance. [под псевдонимом P. F. Woods]. Рассказ, 1964 год

Майкл Муркок. Странный сад Фелипе Саджиттариуса. The Pleasure Garden of Felipe Sagittarius. [также под псевдонимом James Colvin]. Рассказ, 1965 год

Кит Рид. Азофроматем. Sisohpromatem. Рассказ, 1967 год

Желязны Роджер. Жизнь, которую я ждал. For a Breath I Tarry. Повесть, 1966 год

Аннотация

Best S.F. Stories from New Worlds 2
A Panther Book
First published by Panther Books Limited 1968
Stories copyright (C) New Worlds SF 1964, 1965, 1966
This anthology copyright (C) Michael Moorcock 1968

Одна из классических антологий, отражающих приоритеты редакции журнала "Новые миры". В отличие от антологий SF Reprise, которые представляли собой просто перепечатки журнальных номеров, в серии "Лучшего" довольно ярко отражены ключевые темы и приемы "Новой волны". 8 антологий, составленных Муркоком, послужили основой для фундаментального издания "Новые миры: антология". Но в 1980-х Муркок попытался создать канон - а направление, которое он разрабатывал в 1960-х, следует назвать неканоническим. Как обычно, некоторые классические рассказы представлены

в давно известных переводах - такие случаи отмечены особо

Лучшие НФ-рассказы из "Новых миров". *Выпуск 2*

Best S.F. Stories from New Worlds 2

Предисловие

Рассказы из этого сборника дают довольно полное представление о короткой прозе, которую мы публиковали в "Новых мирах" в последние два-три года. В некоторых текстах сразу же опознается традиционная научная фантастика, а другие выходят за рамки прежних условностей НФ, как, например, работа Дж. Г. Балларда или три коротких произведения Томаса М. Диша. У нас не было четкого представления о том, какие темы нужно раскрывать в рассказе и как его следует писать. Единственное исключение - рассказ должен содержать идею (необходимую для научной фантастики), а форма и стиль должны соответствовать идее (т.е. идею нельзя искажать в угоду форме.) такая политика уже привела к всеобщему раскрепощению научной фантастики и она отражает мнение все большего числа писателей-фантастов всех поколений. Как недавно сказал Роберт Шекли, рассуждая о своем романе "Путешествие в послезавтра" (несколько лет назад он был издан в "Журнале фэнтези и НФ" под названием "Хождение Джоэниса"): "Я решил, что

больше никогда не буду писать ничего, что мне покажется скучным". Вряд ли можно возразить против того, что текст, который скучен автору, наверняка покажется скучным и разборчивому читателю. Если автор не увлечен своей идеей, у него мало шансов заинтересовать читателя.

Авторам, которые пишут для "Новых миров", не скучно - они с энтузиазмом относятся к тому, что делают, и мы чувствуем, что этот энтузиазм передался читателям и создал в "Новых мирах" особую атмосферу, которая привлекает к нему аудиторию, даже если публике нравятся не все опубликованные нами рассказы. Как сказал один из читателей, "возникает ощущение, что действительно кое-что происходит".

Мы, конечно, надеемся, что вы почувствуете это благодаря широкому спектру историй, представленных в этом сборнике. Все они заслуживают внимания, будь то юмористические, как "Поэты из Миллгроува, штат Айова" Слейдека, "Необычные поиски Мартина Борга" Коллина, ироничные, как "Еще один "Малыш"" Олдисса, "Азофроматем" Кит Рид и рассказы Диша, трагические, как "Самоуверенность" П.Ф. Вудса, аллегорические, как "Миг бытия так краток" Р. Желязны, относительно эксперимен-

тальные, как "Ты: КомА: Мэрилин Монро" Балларда, "Сад удовольствий Фелипе Саджиттариуса" Колвина или относительно прямолинейные и дидактичные, как сочинения Платта и Массона. Все эти истории были написаны с энтузиазмом, написаны так, чтобы изложить мысли как можно более увлекательно, и, как мы надеемся, они помогут вам по-новому взглянуть на две не столь уж различные вещи - природу человека и Вселенную.

Майкл Муркок

Брайан Уилсон Олдисс
Еще один "Малыш"{1}

Another Little Boy
Рассказ, 1966 год

Сюжет этого рассказа возник в моей голове, когда я читал "Орудие убийства" Д.Г. Балларда в недавнем номере "Новых миров". Баллард умело использовал имена многих мифологических персонажей нашего времени, таких как Кеннеди и Малькольм X, а я натолкнулся на имя, которым пользовались и другие до Балларда - майор Изерли. Тем, кто пребывает в блаженном неведении, я сообщу, что майор Изерли участвовал в сбросе первых атомных бомб на Японию, а позднее ему потребовалась помощь психиатров. Мне пришло в голову, что он воплощает одну из ложных легенд нашего времени, легенду, согласно которой от ядерного оружия можно отказаться, сохранив все прочие

{1} Комментарии: 1
Перевод В. Аникеева

элементы цивилизации, которые сделали возможным и даже необходимым его появление. Примерно с тем же успехом можно предполагать, что Второй мировой можно было избежать, если бы союзники не пришли на помощь Польше в 1939-м. (Видите, я сам лезу в драку, потому что обязан атомной бомбе своей жизнью - по крайней мере, тем, что я жив сегодня).

Однако, учитывая все факты, несомненно, что сформировалось весьма романтическое чувство вины, связанное с "Бомбой"; я подозреваю, что поколение нынешних подростков выработало иммунитет к этому чувству; у них есть "Пилюли", которые решают вопросы жизни и смерти столь же увлекательно, как прежде Бомба. Я надеюсь, что это поколение не испытает чувства вины, которое терзало его предшественников.

Что подводит нас к моему небольшому рассказу. Речь, в частности, идет об этих двух конкурирующих изобретениях и о том, как отношение к одному из них может изменить отношение к другому.

Любой, кто был жил во времена Бомбы, рискует через восемьдесят лет показаться таким же комичным и старомодным, как наши предки, которые восемьдесят лет назад выступали против открытия Сен-Готардского туннеля на том основании, что, поскольку Бог воздвиг там горы, он хотел, чтобы мы переходили через них, а не сквозь них! "Еще один "Малыш" - веселое предупреждение о том, насколько идиотскими покажутся наши любимые принципы три поколения спустя!

Шеф "Всемирного агентства Задар энд Смит" подхватил обеими руками пригоршню пластмассовых безделушек, поднял на уровень глаз и высыпал на стол.

- Да, - сказал он. - Конечно. Мы немедленно займемся этим.

Он щелкнул переключателем, и лицо президента Соединенных Штатов Обеих Америк исчезло с огромного экрана, висевшего напротив стола. Электронные импульсы, формировавшие изображение, все еще подрагивали, словно живчики-сперматозоиды на приборном стеклышке под микроскопом, экран тускло светился. Он многое помнил, этот экран: в былые времена тру-

долюбивые живчики рисовали на нем славные лики - Джека Гаскаддена из Гасгазмов, например, или клоуна Джейва, не говоря уже о физиономиях глав государств и правительств, тех вообще побывало на нем без счета. Никому из них, правда, не доводилось слышать столь же решительного "да" из уст шефа знаменитого "Всемирного агентства" - Морган Задар никогда не забывал об осторожности и осмотрительности, разговаривая с заказчиками.

Валявшиеся на столе пластмассовые безделушки имели самую причудливую форму, многие из них цеплялись друг за друга будто буквы диковинной азбуки, слагаясь в слова никому не ведомого языка. Задар осторожно и сосредоточенно расцеплял их и одновременно, пользуясь компьютером, разыскивал нужных ему сотрудников - членов Правления агентства. Их было шестеро, они поочередно отзывались из своих офисов, разбросанных по всему свету: Сол Бетатром из Нью-Йорка, Дэйв Ли Ток из Пекина, Джерри Перан из Сингапура, Фесс Рид из Антарктиды, Мазда Онакава из Ибадана, Тора Пибрайт из Бонна. Тора была единственной в агентстве женщиной, занимавшей столь высокий пост, в одной из ключевых к тому же точек мира.

Они кивнули, приветствуя друг друга - тесный круг единомышленников, объединенных спутниковой связью.

- Д.Д.Спиллейн обратился к нам с поручением, - сообщил Задар. - Это величайший контракт в истории нашего агентства.

- Ох, не дай Бог, еще один фестиваль! - вздохнул Джерри Перан.

- Не исключено и это. Решать нам - "Всемирному агентству". Приближается некий юбилей. Спиллейн утверждает, что его будут широко отмечать во всех странах мира, и он хочет, чтобы Соединенные Штаты отпраздновали сию годовщину с максимальным размахом, утерев нос всем остальным.

- И что это за юбилей?

- Догадайтесь сами. Какое у нас сегодня число?

- Седьмое сентября, - ответили все хором.

- Я имею в виду год. Две тысячи сорок четвертый. Это говорит вам о чем-нибудь?

На лицах членов Правления отразилось замешательство. Тора Пибрайт спросила неуверенно:

- Двухсотлетие со дня смерти Авраама Линкольна или что-нибудь в этом роде?

- Нет, но мне нравится оригинальность хода твоих мыслей... - Задар частенько грешил

язвительностью, особенно разговаривая с женщинами. - В следующем году, шестого августа, мы должны будем устроить такой фейерверк, какого никто и никогда не видел. Свяжитесь со мной, когда будете готовы к деловому разговору.

Словно желая подчеркнуть, что тема разговора исчерпана, шеф отвернулся от экрана и вновь занялся безделушками.

Тора Пибрайт переоделась в мондриановское платье, которое плотно облегало тело, подчеркивая в нем четыре неравные, но весьма аппетитные части, и связалась с Солом Бетатромом.

- Еду к тебе в Нью-Йорк.

- Как? Собственной персоной?

- А почему нет? Слава Богу, о пуританстве все давным-давно забыли. Нам с тобой стоит вместе поломать голову над этим проектом.

- Как же, проект Х! Слушай, Тора, что же все-таки стряслось шестого августа 1945 года? Нас ведь с тобой и на свете тогда не было?

- Понятия не имею. Может, это день рождения президента Форстейна?

- Изобретение радио?

- Первая высадка на Луну?

- День рождения Артура Кларка?

- Годовщина основания Скандинавской рес-

публики?

- Скончалась Грейс Металлоус?

- Хо Ши Мин?

- Пикассо?

- Уолт Дисней? - рассмеялась Тора. - Блуждаем в потемках. Подумай все же, пока я буду в пути.

Она, не торопясь, вышла из квартиры, поднялась на лифте на 62-й этаж, затем пешком - на крышу. Внизу гигантским ковром расстилался Бонн, чуть в стороне серебром поблескивал Рейн. Высоко в небе флуоресцировала красная надпись: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОБЪЕДИНЕННУЮ ГЕРМАНИЮ - НА РОДИНУ МЭ. МЭ была одной из наиболее значительных фирм, производящих электронику, в том числе искусственные легкие и прочие протезы для человеческих тел, а также снаряжение для космонавтов. "Всемирное агентство Задар энд Смит" с успехом занималось его рекламой.

Реактивный геликоптер доставил Тору в аэропорт, где ей пришлось около двадцати минут ждать посадки на рейсовый сверхзвуковой самолет, направлявшийся в Объединенную Америку. Самолет пронзил флуоресцирующую надпись ее собственного авторства и два часа спустя приземлился в аэропорту Кеннеди. Дежурный

геликоптер высадил Тору на углу 5-й и 25-й улиц у офиса Бетатрома.

Гостью торжественно встретил сам Сол, облаченный в роскошный костюм из прозрачной цветной парчи. Столь же невысокий ростом, смуглый, как и Тора, он отличался от нее более скудным волосяным покровом.

- Может, прежде чем приступим к работе, займемся любовью? - предложил Сол. - Мы с тобой уже в пятый раз встречаемся, а до этого как-то до сих пор не доходило.

- Ох нет, спасибо, дорогой. Не чувствую нужды в этом. У меня вчера было три оргазма подряд, и сегодня я предпочла бы посидеть на диете.

- Тогда зачем было лететь? Я-то думал... - он обнял ее.

Она положила руку ему на плечо.

- Ладно, Сол, не хочу тебя разочаровывать. Пойдем.

Он поцеловал ее в губы.

- Ты невероятно мила и соблазнительна, да и волос у тебя больше, чем у других, а это меня всегда сексуально возбуждает. Кровать, бассейн или ротатор? Что бы ты ни выбрала, все готово.

Тора остановилась на бассейне.

Когда они, сплетясь в чувственных объятиях,

погрузились в маслянистый раствор, Сол сказал:

- Пока ты летела, я просмотрел ежегодный отчет Азия-секса - он тоже наш клиент, как тебе известно. Ты не поверишь, но по их подсчетам, качество оргазма в азиатских странах резко снизилось. Сексологи различают десять уровней интенсивности оргазма, так в той же Индии, например, 84% мужчин едва дотягивает лишь до седьмого уровня.

- Это, скорее всего, сказываются последствия взрыва бомбы ЕМ над Калькуттой. Это было... Так, когда же закончился индо-индонезийский конфликт?.. Да, всего два с половиной года тому назад.

- Но и по Камбодже результаты не лучше, а со времени малайско-камбоджийского конфликта минуло уже, слава Богу, не менее пяти лет.

- Ох, и куда это катится наш родимый земной шарик...

- К счастью, американский индекс интенсивности оргазма на ближайший год куда более оптимистичен...

Они помолчали некоторое время, затем поздравили друг друга со значительным превышением средней интенсивности оргазма, соответствующей их возрастной группе и общественному

положению.

Наполнив кубки пенящимся напитком, Тора и Сол принялись наконец за работу. Бетатром подключился к орбитальной библиотеке, и на экране появились соответствующие страницы всемирной энциклопедии.

- Ну и ну! - воскликнул Сол. - И в самом деле дата архивыдающаяся. В следующем году исполняется сотая годовщина начала новой эры - эры нуклеоники.

Тора наморщила лоб.

- Как нуклеоники? Я-то думала, что мы живем в эру планового спермоконтроля.

- Это тоже, но прежде всего - в эру ядерной энергии или даже ее упадка, если верить сообщениям об успехах энергетики, связанных с использованием сверхновых.

- Эра ядерной энергии... Я что-то ничего такого не могу с ходу припомнить, хотя это должно было быть чем-то очень серьезным, если Спиллейн лично обратился к Моргану.

- Ты права. И тот, кто подсунет Моргану удачный проект празднования юбилея, может рассчитывать на кресло его заместителя. Займемся этим вместе, Тора, одна голова хорошо - две гораздо лучше.

Тора свысока посмотрела на Бетатрома.

- Ты видишь, мистер Бетатром, как я смотрю на тебя свысока? Это кому же ты тут пытаешься очки втереть?

- То есть, хочешь сказать, что у тебя уже что-то есть на примете?

- Увы, дядюшка! - расхохоталась Тора. - Но даже если бы что-то и было, мне и в голову не пришло бы с тобою делиться!

- Ну и вреднюга же ты, немчура этакая, да и волос на тебе меньше, чем я надеялся!

В последующие два дня Тора Пибрайт без устали нажимала на кнопки, собирая информацию. Пятеро ее коллег в пяти иных столицах тоже не теряли времени даром. На третий день с нею связался Фесс Рид. Тора хорошо его знала как по совместной работе, так и по совместным оргиям; как-то они вместе работали по заданию Галлюциногенной монополии - это было еще до американо-американской заварухи в тридцать пятом году. Фесс осторожничал, но Тора с первых секунд разговора поняла, что ему позарез нужно что-то у нее узнать.

- Ну как ты там, Тора? Придумала что-нибудь?

- Обдумываю пару вариантов. А как у тебя?

- Да так пока... - Фесс нерешительно крутил в

руках игральные кости, не поднимая глаз к экрану. - Может, стоит возвести какой-нибудь новый колоссальный памятник или, скажем, отреставрировать Стоунхендж... Что-то в этом роде.

- Неплохая идея, Фесс! Ты уже подкинул ее Моргану?

- Гм... Да, чуть не забыл! Тебе не кажется, что Морган только пытался нас завести, а на самом деле у него уже есть какая-то задумка?

- Будто ты его не знаешь! Он же платит нам за то, чтобы мы искали свои собственные концепции. А с чего это вдруг тебе пришло такое в голову?

Фесс машинально почесал затылок.

- Да понимаешь, разговаривая с нами, он вертел что-то в руках. Не кости, как обычно. Что-то иное. Так я подумал, не было ли в том намека...

Тора была смешлива по натуре, вот и теперь расхохоталась во весь голос.

- Ох уж ты придумаешь, сыщик доморощенный! Это же были внутриматочные спирали! Ты что, спиралей никогда не видел?

- Внутриматочные спирали! Ничего себе! И знаешь, Тора, я и в самом деле никогда в жизни их не видел.

- Задар, скорее всего, получил их от корпорации внутриматочных вкладышей в качестве образ-

цов продукции. Такие спирали вставляют всем младенцам женского пола, они растут вместе с телом и препятствуют зачатию до самой старости, если не поступит деблокирующий сигнал с Центрального компьютера.

- Спирали! А я ломаю голову, что за штучками Морган забавляется... Ну, спасибо за информацию, Тора... и надеюсь услышать, что и тебе компьютер дал шанс.

- Ох спасибо, Фесс, боюсь, это уже не для меня.

Она отключилась. Ах, старина Фесс, это же надо - не узнать спираль... Но это слово... Спираль... Старинное слово, которое лишь недавно обрело новое, важное для современного ей мира значение... Сейчас внутриматочные вкладыши превратились в последнюю надежду человечества, оказавшегося на краю пропасти... Перенаселенность... Их стали в обязательном порядке использовать незадолго до ее рождения, сразу же после испано-итальянского конфликта. Или это был испано-югославский конфликт? И был ли вообще испано-югославский конфликт?..

Спираль... Когда-то это слово ассоциировалось с чем-то другим, скорее со смертью, чем с рождением. Слова, бывает, коренным образом меняют свое значение. Кажется, это каким-то образом

было связано с бомбами.

Тора набрала код орбитальной библиотеки, отыскала энциклопедический отдел и выстучала на клавиатуре компьютера ключевое слово "бомба". По экрану зазмеились строчки описания устройства бомбы ЕМ - современного средства массового уничтожения, основанного на использовании эффекта единства материи, и имевшегося на вооружении только у Великой Троицы: Китая, Объединенной Германии и СШОА. Она набрала подрубрику "История" и увеличила скорость прохождения информации. Когда где-то на границе восприятия мелькнуло слово "спираль", Тора нажала на клавишу и остановила картинку на экране.

"Спираль гонки вооружений - военная доктрина XX века, которая предусматривала, что некоторые виды вооружений, предшествовавшие бомбе ЕМ, воздействовали на противника сильнее, если использовались в качестве потенциальной угрозы, а не собственно средства ведения войны. См. также "XX век. Войны" и "Атомная бомба".

Когда Тора воспользовалась указанным кодом, экран замигал буквами, словно синхрофазотрон. Перед ее глазами разворачивалось километровой

длины описание "Холодной войны" Мгновенно потеряв нить рассуждений, она беспомощно бежала взглядом по все новым и новым фразам, пытаясь уловить связь между представляемыми фактами и австрало-антарктическим локальным конфликтом. Лишь много минут спустя Тора сориентировалась, что связи таковой вообще не существует. В тексте шла речь о каких-то до крайности запутанных взаимоотношениях между европейскими государствами и Америкой в эпоху, предшествовавшую изобретению бомбы ЕМ, а вовсе не о знаменитой войне с тем же названием. Она уже нажимала клавишу сброса, когда в глаза бросилась дата "июнь 1945 года", и она лихорадочно выстучала ее на клавиатуре.

На экране появилась новая информация. Тора следила за нею со все более растущим интересом, пока не добралась в конце концов до "Истории второй мировой войны". Она о такой даже не слышала, но и мир тогда, надо сказать, был скромнее размерами, и нога человека еще не ступала на Марс, Венеру, тот же Меркурий, не говоря уже о Новых планетах. Взгляд устало скользил по тексту, ее раздражало утомительное перечисление народов и народностей, о которых и слух-то давным-давно загинул. Какие-то эстонцы, бель-

гийцы, хорваты... Пошла информация о Японии. Тора встрепенулась, это казалось более интересным. Объединенная Германия вела оживленную торговлю с Японией. И, по правде говоря, после победы в японо-корейской войне 39-го года японцы превратились в серьезных конкурентов, особенно в области производства космического снаряжения. Их ЛОРы, гарпуны, скафандры, аварийные шлюзы и даже модульные элементы космических станций завоевывали все большую популярность на мировом рынке, вытесняя с него соответствующую продукцию МЭ и иных германских фирм.

Тора, наконец, вновь наткнулась на дату "6 августа 1945 года". Прототип ядерного оружия - маленькая атомная бомба, сброшенная с американского самолета на японский город Хиросиму. После того, как вторая бомба чуть позднее взорвалась над Нагасаки, японский император подписал акт капитуляции.

Тора погасила экран компьютера и задумалась. За всем этим крылась некая тайна. Она нажала на кнопку звонка, появился слуга Карл - в нейтральной серой униформе, с гладко выбритой головой. Переступив порог, Карл низко поклонился.

- Карл, где-то в городе должно быть место, где

собраны старые книги ну знаешь, такие с бумажными страницами в переплетах. Отыщи адрес. Обзвони музеи, древние культурные центры и тому подобное. Да, свяжись с Институтом утраченных ценностей - быть может, там что-нибудь знают.

- Слушаюсь, госпожа.

- Особенно меня интересуют книги 1945-1965 годов. И не копайся долго, займись этим немедленно.

Карл снова поклонился и вышел. Его семья проиграла в гонке за место в обществе: ни он сам, ни обе его сестры не сумели сдать тест на интеллектуальность и теперь вынуждены были на протяжении десяти лет работать в качестве прислуги - повсеместно принятая и чрезвычайно эффективная форма рабства.

Карл появился через двадцать минут, как раз тогда, когда терпение Торы готово было истощиться.

- Богатейший склад книг, о которых спрашивала госпожа, находится в Историческом музее.

- Он до сих пор существует, этот музей, кто бы мог подумать... И кто там этот, как его... директор, хранитель?

- Хайнри Годсмит. Библиотекарь.

- Я сама поеду к нему. Отвезешь меня. Подожди секунду, я только переоденусь и сменю белье.

Хайнри Годсмит трясся от вожделения, глядя на прекрасную молодую женщину. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: Тора, остановившись на секунду у входа в музей, включила свой миниатюрный микроволновой стимулятор выделения адреналина, что и довело до кипения кровь несчастного библиотекаря. Сама Тора тоже чувствовала себя несколько неловко, смущенная неожиданным открытием.

- Надо же, я и подумать не могла, что за этими дряхлыми замшелыми стенами кроется такое богатство! - воскликнула она, обшаривая взглядом полки, тесно уставленные старинными доэлектронными томами.

- В наше время мало кто интересуется прошлым, фрейляйн Пибрайт, сказал Годсмит - стройный, элегантно одетый, спортивного склада мужчина. Несмотря на то, что большую часть своего времени он проводил под землею, среди этих самых книг, лицо его было покрыто загаром, почти столь же ровным и глубоким, как и у нее. - Текущие события и все эти новые открытия в космосе постепенно стирают в нас память о том, что творилось некогда здесь, на Земле.

- А так называемая вторая мировая война...

- Люди только тем и заняты, что воюют. В последних войнах погибало по миллиону человек в секунду, так какое значение может иметь то, что случилось Бог знает когда!.. Сто лет назад, (фи! Люди тогда и понятия не имели о том, что такое жизнь!

Изумленная услышанным, Тора воскликнула:

- А я-то думала, что вы любите эти смешные штуковины, которыми ведаете!

- С чего вы взяли? Работа как работа... как и любая другая... Наверное, есть и поинтереснее. А чем вы занимаетесь, фрейляйн Пибрайт, если не секрет? Чем-то, связанным с рекламой, не так ли?

- Так уж сложилось, что я вошла в Совет директоров "Всемирного агентства Задар энд Смит".

- О, простите меня, я не хотел бы показаться вам чересчур назойливым. Чем могу служить? И, кстати, мои мужские возможности тоже к вашим услугам, если пожелаете...

- Я здесь по делу, вы тоже на службе. - Теперь, поставив нахала на место, она могла несколько расслабиться. - Мы думаем над тем, как отпраздновать столетний юбилей ядерной эры. Хочу порыться в ваших книжках, исторический отдел орбитальной библиотеки слишком скуден,

там вообще нет документов интересующей нас эпохи.

Годсмит взглянул на свои аккуратно подстриженные ногти.

- Вы не находите, что наши предки были редкими занудами? - спокойно и несколько даже доверительно спросил он. - Они терзались жуткими комплексами вины из-за секса, наркотиков, еды, войн, - словом, всего того, что нам, их потомкам, доставляет огромное удовольствие. У нас были веские причины забыть все эти бредни, вам не кажется?

Она пригляделась к нему повнимательнее.

- Вы выглядите весьма даже интеллигентно. Чем же вы занимаетесь тут, на этой бестолковой работе? - Да вот, болтаю главным образом с бестолковыми клиентками. Так как насчет минутки дикого, необузданного секса, фрейляйн, не переменили мнения?

- Я занята.

Он посмотрел на нее испытующе.

- На лесбиянку вы, вроде, не похожи.

- Вас не касается, герр Годсмит, на кого я похожа. Вернемся к деловому разговору. Я покупаю ваши книги. Доставьте их мне домой по этому вот адресу.

- Они не продаются.

- Даю миллион краутов!

- Книги не продаются. Вам придется читать их здесь, у меня под носом.

- Под чем?!

Тора неделю работала в подземелье, частенько используя лучевой антиэректор, чтобы охладить пыл нахального библиотекаря. По мере того, как углублялись ее познания в истории, в душе росли брезгливость и неприязнь. Этот антипатичный ей герр Годсмит оказался прав: общественное сознание их предков в XX веке было действительно невероятно убогим, насквозь пронизанным бесчисленными комплексами и чувством вины за самые ничтожные прегрешения. Тора захлопнула последнюю книжку - биографию какого-то майора Изерли, которого сочла безнадежным глупцом и полным идиотом. Хайнри Годсмита поблизости не оказалось, поэтому она беспрепятственно вышла из библиотеки и направилась домой, где приняла небольшую дозу галлюциногена и приказала Карлу наполнить ванну.

Погрузившись по шею в благовонную жидкость, Тора с облегчением вздохнула и расслабилась. Ее тело блаженствовало, но душа томилась неясной, едва осознаваемой тревогой. Прошло

немало времени, что если пятеро ее коллег вырвались далеко вперед в этой юбилейной гонке? Как они собираются отмечать надвигающуюся знаменательную дату 6 августа 2045 года?

Тора поочередно связалась с ними. Все они старались держать язык за зубами, но, очарованные соблазнительной наготой женского тела, заполонившего вдруг их экраны, все же приоткрыли завесу тайны.

Когда последний из них отключился, Тора занесла их предложения в электронную записную книжку, висевшую рядом с ванной, чтобы сравнить и оценить на досуге.

Сол. Массовая оргия с участием всех глав государств, транслируемая по всем основным каналам телевидения.

Джерри. Что-то вроде полярного сияния в ионосфере, наблюдаемого из любого места земного шара.

Фесс. Реконструкция Стоунхенджа, установка его гигантской пластмассовой копии на Луне.

Мазда. Уничтожение Юпитера супербомбой ЕМ и превращение его в новое мини-Солнце.

Дэйв. Всемирная межгосударственная орбитальная ярмарка с широчайшим ассортиментом новейшей электроники.

Ничего из услышанного Торе не нравилось, за исключением, быть может, оргии, предложенной Солом, но и это уже было. Мини-Солнце могло бы, конечно, развлечь публику хотя бы на некоторое время, но попробуй убедить в этом колонистов, окопавшихся на Юпитере. Кроме того, в отличие от ее концепции, ни один из проектов не имел столь явного, столь непосредственного отношения к теме юбилея. Надо встретиться с Морганом Задаром и лично изложить свой замысел. Сидение днями напролет в мрачном подземелье Годсмита принесло-таки свои плоды.

Частные апартаменты Задара находились в Монтерей. Морган принял Тору в зале, где нагие гомосексуалисты-невольники за стеклянными витринами стенных ниш плели из своих тел бесконечные гротескные фрески, посвященные феллацио, педикацио и прочим модным новшествам чувственных искусств.

Тора, действуя в строгом соответствии с официальным церемониалом, приложилась губами к руке Задара. Морган Задар - импозантный, хотя некрасивый мужчина средних лет - тяжело сопел, словно сам только что выскочил из одной из витрин. Лишь за обедом, где-то между первым и вторым блюдами, Тора осторожно коснулась

темы, занимавшей в последнее время все ее мысли.

- Вероятно, иные члены Правления уже изложили вам свои предложения по празднованию юбилея в наступающем году?

- Да, у меня уже лежат на столе несколько проектов.

- Я хотела бы предложить свой. Это нечто сенсационное.

Тора попыталась подготовить почву, красочно описывая исторический фон. Она рассказала Задару о том, как в 1945 году Северная Америка, воевавшая с Японией, использовала новейшие научные открытия и сконструировала атомную бомбу. В сравнении с современной бомбой ЕМ, формой и весом напоминавшей пуговицу, она была настоящим чудовищем: длина 14 футов, диаметр 5 футов, вес около 10 тонн. Бомбу погрузили на самолет, носивший по одним источникам название "Б-29", по другим - "Энола Гэй". Саму бомбу назвали "Малышом". Самолет доставил "Малыша" в Японию и сбросил его на город Хиросиму. "Малыш" мгновенно превратился в огненный шар диаметром в 1800 футов с температурой внутри в 100 миллионов градусов. Столь красочный эффект оказался бы находкой

для любой рекламной кампании. Около 80 тысяч человек погибло, еще 140 тысяч умерли в течение следующего года главным образом от лучевой болезни. Совсем неплохой результат. Это случилось в 8 часов 16 минут утра 6 августа 1945 года - именно этот момент можно считать началом новой великой эры - эры ядерной энергии.

- Этим взрывом, - продолжала Тора, - был положен конец войне и проторена дорога разработке более мощных и эффективных бомб, таких, как бомба ЕМ, и последующим мгновенным военным конфликтам. Несомненно, это событие было актом прогресса, грандиозным шагом вперед. И, тем не менее, наши предки почему-то испытывали совершенно иррациональное чувство вины, хотели запретить дальнейшую разработку и испытание ядерного оружия, возвели Изерли в ранг мученика, писали об этом слезливые книжки, занимались мрачными проповедями и Бог знает чем еще.

- Странное это было время, - подытожил Задар. - Люди не умели наслаждаться жизнью. Зря ты во всем этом копалась, Тора, толку от этого я никакого не вижу.

- Но именно это навело меня на первоклассную идею. Вот как мы отпразднуем юбилей: раздо-

будем дубликат "Энолы Гэй", отыщем в одном из мелких государств атомную бомбу - быть не может, чтобы хоть где-нибудь да не завалялась, - взгромоздим ее на самолет и ровно в 8 часов 16 минут 6 августа 2045 года снова бросим на Хиросиму. Ну, как вам это нравится?

Морган рассеянно почесал нос.

- Идея неплохая. Жаль только, что кое-кому она пришла в голову раньше...

У нее перехватило дыхание, потемнело в глазах.

- Не Солу... Не Фессу... Так кому же? Дэйву!

- Да нет, он вообще не из наших. Молодой человек по имени Хайнри Годсмит. Головастый парень. Я с ходу ввел его в Совет директоров агентства.

Проект представили президенту Обеих Америк, тот передал его на обсуждение во Всемирный Совет. Члены Совета, захлебываясь энтузиазмом, приняли его "на ура". Дилижансы, паровозы, автомобили - все это так или иначе уже использовалось при оказии в проведении различных международных развлекательных программ. Атомной бомбы - еще не было. Только японский делегат голосовал против, но его мнением пренебрегли - остальным государствам настолько

докучила бесчестная конкуренция японских бизнесменов, что они рады были любой возможности щелкнуть их по носу.

Задар придерживался железных правил: сотруднику, не способному мыслить оригинально, нет места на руководящей должности. Тора Пибрайт была уволена и с трудом устроилась в отдел проектирования, которым заведовал Хайнри Годсмит, чей сексуальный аппетит оказался поистине ненасытным.

Не удалось отыскать ни "Энолы Гэй", ни "Б-29", но в захолустном музее Туниса откопали "Дакоту" - антикварный самолет с поршневым мотором, более или менее похожий на тот, что требовался.

Сложнее оказалось с атомной бомбой. Но однажды Тора, сбившаяся уже с ног в напрасных поисках, случайно оказалась на правительственной конференции глав нескольких мелких государств, лишенных по Всемирной конвенции права применения бомбы ЕМ в межгосударственных конфликтах. Эти государства носили название "неприсоединившихся" и по-прежнему в своих локальных конфликтах нет-нет да и использовали обычное ядерное оружие.

В конференции принимали участие Финляндия, Кипр, Ирландия, Британия, Родезия,

Лихтенштейн, Йемен, Венесуэла, Фолкленды и Гонконг. Торе удалось оттащить в сторонку делегата Британии и изложить ему свою нужду. Министр старичок, которого звали сэр Спалдинг-Вуд, - обещал посмотреть, можно ли будет что-нибудь устроить. Не довольствуясь этим, Тора увязалась с ним аж в Британию . Она впервые оказалась на этом лежащем на отшибе и Богом забытом островке - "Всемирное агентство" так или иначе покрывало все расходы.

Протиснувшись сквозь толпу мелких торговцев и нищих, они добрались до здания парламента. Потянулась серия долгих и нудных неофициальных переговоров в тесных кабинетах, то и дело прерывавшихся вторжением вездесущих нахальных туристов. В конце концов соглашение было достигнуто, и сам премьер лично пожаловал За причитавшейся ему солидной суммой.

Пряча деньги в карман, премьер заметил:

- Хочу обратить ваше внимание, мисс Пибрайт, что это вообще-то водородная, а не атомная бомба. Я рад, что она хоть на что-то пригодилась. У нас она валялась без дела вот уже восемь десятков лет. В шестидесятых, если не ошибаюсь, годах прошлого века она была основной частью нашего сдерживающего военного потенциала. Надеюсь,

эта рухлядь все еще действует.

Подготовку к юбилею успели провести вовремя. Шестого августа 2045 года дряхлая тунисская "Дакота", скрипя и покряхтывая, под неусыпным оком телекамер, транслировавших происходящее через орбитальные спутники связи на весь затаивший дыхание свет, дотащила старинную британскую водородную бомбу до Хиросимы. В 8 часов 16 минут бомба взорвалась. Гигантский огненный шар, сверкая ярче тысячи солнц, мгновенно обрушился на город, попутно поглотив, к восторгу телезрителей, старенький самолет.

Японцы - те, что уцелели, конечно, - исходили желчью от бессильной злобы. Все остальные единодушно заявили, что подобное событие заслуживает возведения в ранг подлинно исторического. А поскольку любое историческое событие должно быть увековечено, весь мир, охваченный сентиментом в стиле прошедшего столетия, потребовал повторения упоительного зрелища "на бис".

Пилоты начали готовить второй самолет к полету над Нагасаки.

Джон Слейдек
Поэты из Миллгрова, Айова
The Poets of Millgrove, Iowa
Рассказ, 1966 год

Выброс эту повязку

Астронавт был почти счастлив, что во время бритья срезал родинку. Он всегда хотел использовать один из тех пластырей необычной формы, которые входят в стандартный набор. Но когда он порылся в дорожной сумке и достал жестяную коробочку, то обнаружил, что она пуста.

- Жанна... - пробормотал он.

- Что? - Жанна нанесла лак на ноготь и вытянула палец, чтобы как следует рассмотреть результат.

- Неужели мы всю дорогу из Калифорнии везли с собой пустую жестяную коробку из-под пластыря? - Не дожидаясь очевидного ответа, он прошел в ванную, приложил к ране кусочек туалетной бумаги и начал чистить зубы электрической щеткой. Шум заглушил звуки радио, доносившиеся из спальни, и он остался наедине со своим лицом.

Лицо астронавта, если бы его побрить лезвием "Жилетт", могло бы вызвать бурю восхищения у дочери нефтяного миллионера: "Хм, а он неплохо выглядит!" (Только не с приклеенным куском окровавленной туалетной бумаги, подумал он). В зеркале он видел квадратную розовую челюсть и великолепный раздвоенный подбородок, похожий на спелый абрикос. Его ноздри слегка раздувались, словно предчувствуя опасность, брови были серьезно распрямлены и не допускали насмешек, а лоб - каким бы он ни был - свидетельствовал, по его предположениям, о значительном уме. Даже зубы напоминали о смерти, как ровные ряды военных надгробий.

Однако сегодня на его лице появились классические морщины от "нервного напряжения". Они с Жанной проехали две тысячи миль до его родного города, где он родился, но не вырос, чтобы он мог выступить с речью на фестивале урожая в Миллгрове. Чтобы Жанна могла накрасить ногти и побеспокоиться о том, что загар пропадет. Выключая бритву из розетки, он заметил, как его загорелая кожа постепенно желтеет.

- Чудо современности! - донеслось из радиоприемника.

Астронавт нанес дезодорант под каждую руку

и под колени.

Для подростков с проблемной кожей

Он оставил ее одну в "Миллгроув Мот", о чем сообщала ей неисправная неоновая вывеска; Жанна, разглядывая пальцы на ногах, вспомнила, что ей нечего почитать. Возле туалета лежал только потрепанный и покрытый пятнами экземпляр "Популярной механики". Сидя в своем запатентованном ластексном костюме со вставками из фиберфилда, оболочкой из колитрона, никель-хромовыми и неопреновыми зажимами, шестиступенчатым эластичным поясом, который д-ы-ш-а-л, Жанна читала, как создать саму себя. Она зевала над сложными схемами и, наконец, обратилась к простой: "Дорогая, я получил работу!" - мужчина обнял женщину, которая улыбнулась и оторвала одну ногу от пола. Женщина, улыбаясь, обняла улыбающегося мужчину, который обнял ее, сжимая в руках свернутую газету. Не переставая улыбаться, они обнялись. Он обнял эту женщину, а она подняла ногу в знак приветствия.

Жанна увидела, что мужчина выбрал одно из следующих занятий:

Бухгалтерский учет

Высшая математика
Реклама
Кондиционеры
Проектирование инструментов
Сварочные процессы
Уход за двором
Санитарная инженерия в зоопарке

Но, в конце концов, как указывал журнал, жизнь - это то, во что вы ее превращаете; то, что вы строите сами. По радио зазвучали вступительные аккорды песни о водителе-лихаче и пояс Жанны в-з-д-о-х-н-ул.

Купить нечего

- Ты ведь не стал, ну, сам понимаешь, бесплодным, не так ли? - спросил ухмыляющийся шериф.

Астронавт покачал головой, затем повернулся боком к пожилому мужчине и склонился над своей колой.

- Тогда все в порядке.

В глубине магазина, сверкая стеклами очков, расхаживал среди сверкающих баночек с витаминами аптекарь Бад Гослин.

Он напевал мелодию, которую астронавт не смог разобрать.

Такая девушка нужна Табу Хантеру

Жанна ковыряла лак на ногтях ног. Дома вода в бассейне стала бы коричневой и мутной, как грязь на дне сумки для гольфа в гараже. Ключ у Нолы, подумала она. Наверняка ничего не случится. Я простужаюсь.

По радио передали рецепт. Жанне стало интересно, как поживает ее пес Фриц.

Она увидела, что натворила, и достала флакон с жидкостью для снятия лака.

Добавьте пропионат натрия, чтобы избежать повреждений

Астронавт указал на резиновые шприцы, стальные пилочки для ногтей, лавандовое мыло, парагорик, бумажные салфетки, комиксы, морфий, зеленые марки и потайной ящичек с презервативами.

- Во всем этом есть определенная поэзия, - сказал он. Ухмыляющийся шериф кивнул, и астронавт продолжил: - В этом есть своя поэзия. Да, в этом есть своя поэзия. Понятно? - Ухмыляющийся шериф и Бад Гослин кивнули друг другу.

Юная девушка держала в руках журнал "Мечта королевы экрана". Сунув четвертак в руку Бада Гослина, она скользнула к двери.

- Сюда заходят все симпатичные молодые особы, - сказал шериф, с ухмылкой глядя на свою лимон-фосфат.

- Знаю, знаю.

Бад Гослин выскочил из-за прилавка и бросился к детям, сидевшим на полу.

- Если вы, ребята, не хотите ничего покупать, - сказал он, - то нечего сидеть здесь и читать весь день. - Он выхватил у них комиксы и выпроводил мальчиков за дверь. Из-за кондиционера послышалось тихое покашливание.

- Господи, как бы я хотел быть на тридцать лет моложе. Все эти милые молодые особы заходят сюда... - сказал ухмыляющийся шериф.

"Что я здесь делаю? - спросил себя астронавт. - Это не мой город. Я здесь не вырос, только родился".

Но он чувствовал то же самое по отношению к городу, в котором вырос. "Это не мой город, что я здесь делаю?" - думал он о Лондоне, Нью-Йорке и Меномини, штат Висконсин.

Перед зданием суда стояла деревянная платформа, с которой астронавт должен был "произнести свою речь", как выразился мэр. Жанны там не было по особым причинам. Здесь ему вручат ключ от города, и поэты Миллгрова прочтут стихи в его

честь. Он скажет свою речь, а потом его повесят, как в "Неукротимом городе" вешали невинного человека, и весь день он слушал, как строят эшафот из необработанных бревен...

Он встал и сунул руку в карман.

- Ваши деньги не возьмем, - сказал аптекарь.

Сосчитайте, сколько зерен в этой банке

"Я убью его, - подумала Жанна, крася ногти на ногах "Коттон Кэнди". Лак на правой ноге смазался. - Ушел, а мне и почитать нечего".

Когда лак высох, она надела босоножки, юбку в деревенском стиле и блузку из ацетата и направилась к киоску с мороженым "Соф-Топ", расположенному по соседству. Лучи заходящего солнца придавали ее белой блузке розовый оттенок. Она выпила чашечку кофе за столиком для пикника и полюбовалась закатом. Комары облепили ее руки, чувствуя тепло. Девушка за прилавком читала "Новую Элоизу", переворачивая страницы большим пальцем. Мимо проехал мотоцикл, и мотоциклист помахал девушке за прилавком. Она не подняла глаз. Было достаточно темно, чтобы Жанна могла снять солнцезащитные очки, которые купила в Париже, но она оставила их на месте. Фриц у Нолы, заверила она

себя. Ничего не может случиться.

Удивительно и невероятно!

Сначала шествие медленно двигалось мимо платформы, увешанной лентами; вереница кукольных колясок, увешанных лентами. Маленькие девочки, одетые в белое, катили окутанные лентами коляски с пластмассовыми куклами мимо деревянной платформы, окутанной лентами. Некоторые маленькие девочки заплакали, и матери увели их с парада. Другие плавно скользили мимо, подчиняясь невидимому ритму, толкая коляски мимо мэра, ухмыляющегося шерифа, ухмыляющейся жены мэра, жены шерифа, Бада Гослина и астронавта.

Астронавт был одет в парадную форму и отдал честь, когда мимо проносили флаг. Мимо проходил оркестр средней школы Миллгроув, игравший "Them Bases". Астронавт, увидев флаг своей страны, отдал ему честь, и мимо пронесли этот флаг вместе с красно-зеленым флагом средней школы Миллгрова. Астронавт заметил, что женщина на другой стороне дороги носила французские солнцезащитные очки Жанны.

Мимо проехала вереница старинных автомобилей, каждый из которых был в точности похож на

предыдущий. Затем проехала платформа, изображающая Праздник урожая: кукуруза и тыквы сыпались из рога изобилия, который держала Бетти Мэйсон, королева праздника. Американский легион последовал за ней, маршируя в каком-то своем невидимом, неслышимом ритме, а астронавт отдал честь флагу своей страны.

Толпа собралась вокруг платформы, задрапированной тканью, в то время как мэр несколько раз поднял и опустил регулируемый микрофон.

- Проверяю, - осторожно выдохнул он в микрофон, и из динамиков донесся жуткий вой. Бад Гослин опустился на одно колено рядом с усилителем. В его очках блеснул свет. Он встал.

- Проверка, - повторил мэр, и из динамиков донесся его усиленный голос. Хихикнув, он добавил: - Пять, четыре, три, два, один. - Толпа рассмеялась.

- Что ж, я надеюсь, что все здесь хорошо проводят время, - сказал мэр. - Я знаю, что так и есть.

Сотни серебряных солнцезащитных очков повернулись в его сторону.

- Да, мы здесь, чтобы отметить наш десятый ежегодный праздник урожая, и если вы плохо проводите время, я считаю, что это ваша собственная вина! - Толпа заулыбалась.

- С нами молодой человек, которого, я уверен, все вы знаете. Мальчик, который родился прямо здесь, в Милгрове, очень простой парень, - мэр сделал паузу, в то время как толпа громко расхохоталась. - ...А если серьезно, то мальчик, который олицетворяет все прекрасное в нашем городе, мальчик, который сделал больше, увидел больше и, я думаю, путешествовал больше, чем кто-либо из нас... Итак, наш астронавт!

В толпе раздались аплодисменты.

- Это Бад Гослин, Бад Гослин, - сказал мэр, перекрывая общий шум. - Бад написал небольшое стихотворение в честь нашего астронавта. Бад?

Аптекарь с пристыженным видом вышел вперед и быстро прочитал по бумажке:

Нашему астронавту

Он взмывает высоко в небо в ночи,
Он возвращается целым и невредимым, к нашей величайшей радости.
Он самый лучший мальчик Миллгрова,
Так давайте же поприветствуем нашего астронавта!

Бад сел под негромкие аплодисменты.

- А теперь у мистера Феннера, Хэла Феннера с отделения английского языка средней школы,

есть еще одно стихотворение для нашего мальчика, - сказал мэр. Мистер Феннер был совсем молод, но носил усы. У его стихотворения не было названия.

- Приветствую тебя, жизнерадостный астронавт... - начиналось стихотворение. После ряда загадочных упоминаний о погибших солдатах Конфедерации оно заканчивалось словами: - ...проложивший к небесам путь!

- А теперь слово нашему почетному гостю, - объявил мэр. Астронавт с военной выправкой подошел к микрофону и подождал, пока стихнут аплодисменты.

- Я не знаю, что вы хотите услышать, - сказал он. - Позвольте мне начать так:

Вся эта чушь, которую вы слышите об астронавтах, - сплошное дерьмо. Какого хрена, парень забирается в эту маленькую металлическую камеру, понимаете, это ни хрена не значит. Любой, б**дь, мог бы это сделать, понимаете, о чем я?

- Поосторожнее, мистер, - раздался хриплый голос у его ног. - Здесь полно женщин.

- Они заставляют тебя проходить кучу гребаных тестов и все такое, но какого хрена! Да любой гребаный м*дак, у которого есть два глаза и две руки, может управлять этим членовозом. Любой! Все,

что у тебя есть, так этот гребаный маленький...

- Так им и скажите, капитан, - сказал молодой человек в мотоциклетной куртке. Одной рукой он обнимал женщину во французских солнцезащитных очках. Ухмыляющийся шериф больше не ухмылялся.

- Вот треклятое табло с какими-то чертовыми красными и зелеными огоньками, понятно? А ты просто щелкаешь выключателями, чтобы зеленый свет по-прежнему горел. Боже всемогущий, даже этот долбаный учитель-гомик, с его небесным путем, мог бы управлять такой хреновиной.

Шериф встал, когда мужчина в зеркальных солнцезащитных очках крикнул:

- Мы не выражаемся так при дамах, мистер. - Все в толпе перешептывались, уже не слушая, а просто пытаясь понять, что будет дальше.

- Он пьян! - закричала какая-то женщина.

Шериф схватил астронавта за руку и оттащил его подальше от микрофона. Мэр вышел вперед и несколько раз поправил его, сказав:

- Что ж, ребята, я думаю, наш мальчик все еще летает слишком высоко, хе-хе. - Он собирался развлечь толпу несколькими импровизациями, когда обнаружил, что все еще держит в руках большой деревянный ключ, выкрашенный в

золотой цвет. Мэр отвернулся, с отвращением бросил ключ на свободный стул и постоял немного, наблюдая, как астронавт и шериф спускаются с платформы. Мэр вернулся к микрофону и сказал:
- Кстати, о людях высокого полета, вы когда-нибудь слышали, как куропатка кричит? Я думаю, большинство из вас слышали, и ее голос звучит примерно так...

И мэр закричал.

Дэвид Массон
Трансконечный выбор[{2}]

The Transfinite Choice
Рассказ, 1966 год

Что-то пошло не так с пятимильным линейным ускорителем. Люди ничего не поняли, даже когда пресса, радио и телевидение поделились впечатлениями о том, как официальный представитель интерпретировал версию подозрений экспертов-атомщиков. К 1980 году они все еще спорили об этом.

Все, что знал о случившемся Неверсон Билт - в одно мгновение он стоял прямо во время первого эксперимента в новой серии, а в следующее мгновение он уже лежал на спине, и зал был совершенно пуст. Более того, в помещении, казалось, появилось множество новых приспособлений и машин, а стены покрасили в другой цвет. Царила мертвая тишина. Зал был освещен, но довольно тускло.

Неверсон попытался закричать. Он обнаружил,

{2} Комментарии: 2
Перевод С. Бархатова

что с ним все в порядке, и в конце концов добрался до дверей. Они были заперты. Он подошел к телефону внутренней связи. Телефона не оказалось на месте. Не было никаких следов аппарата или подключенных к нему устройств.

Он все еще кричал и колотил в дверь, когда из ниоткуда появилась огромная металлическая рука и подняла его. Примерно на высоте двадцати футов она протащила его через отверстие и опустила на пол в галерее, о существовании которой на такой высоте и в таком месте Неверсон ничего не помнил. Длинный шарнирный стержень приблизился к нему и ощупал со всех сторон, в то время как его руки и ноги удерживали металлические зажимы. Послышался резкий щелчок - манипулятор недовольно щелкнул и отодвинулся. Откуда-то с крыши донесся металлический голос. Он произнес:

- Имплиз.

- Кто вы такие, черт возьми, и что, по-вашему, вы, черт возьми, со мной делаете? - закричал Неверсон. - Я работал в холле и вдруг оказался совсем один. Что вы сделали с телефоном и зачем эти аппараты меня дергают? Кстати, как долго я здесь нахожусь?

- Имплиз. - Вы что, не говорите по-английски?

Кто вы, черт возьми, такой?

- Имплиз.

- Parlez-vous fran"ais? Qu'est-ce que l'on fait alors dans cette gal"re?

- Имплиз.

- Имплиз-урнлей.

- "Habla Listed espa"ol? ... Parla italiano?

- Имплиз-фарс.

- Sprechen sie Deutsch? Um Gottes Willen, was ist hier los?

- Имплезшплице.

- Черт с вами. Я ни слова не понимаю.

Тишина.

Зажимы на его конечностях затянулись, и к нему приблизился еще один длинный штырь. На конце у него было крошечное зеркальце или окошко, а рядом - пара клешней. Манипулятор залез в карманы его комбинезона, вытащил и, казалось, принялся изучать различные предметы. Наконец он извлек адресованный Неверсону конверт с отпечатанным на машинке текстом. Клешня поднесла его к окошку; письмо медленно осмотрели с обеих сторон, вверх ногами и сбоку, а также сверху донизу, включая почтовый штемпель (который на этот раз был хорошо виден). Затем манипулятор вернул конверт в карман.

Большая рука, все еще крепко сжимавшая Неверсона, закинула его в нишу в стене, затолкнула туда ноги, и дверь закрылась. Ниша взлетела вверх, словно кабина лифта, остановилась, дверь с другой стороны скользнула в сторону, и Неверсон, моргая, увидел маленькую комнату, залитую ослепительным светом. Здесь сидел маленький старичок с выбритым затылком; старичок в бледно-голубой тунике, по-видимому, склонился над пультом, орудуя переключателями и рычагами. Он сидел лицом к нише и как раз отхлебывал что-то из фляжки необычной формы, которую поставил на пол. Неверсон с трудом выбрался на свободу, сгибая и разгибая ноги и руки.

- Что, черт возьми, все это значит? Кто вы такой и что вы делаете на этом заводе? Я никогда раньше вас здесь не видел, и, похоже, вы возились с оборудованием.

- Суздуммувспайтшплице, - мягко, но решительно сказал маленький старичок, пристально глядя на Наверсона. Голос был тот же, что и прежде.

- Я вас не понимаю. *Ne comprends pas. Verstehe nicht. Ya ne ponim"yu. Anlamiyorum. No capisco. No entiendo.*

- В-ватплиз. - Старик нажал на кнопку и крикнул вниз: - Undrowda, hooh srigh. Nannriggig.

Paarurwclurz. Paarurwimvlup, nammprax navverrazawn boughillut un paarurw-rawtung, prundatt prax wennawnsimtaow! Nattgur-wuzzuzdum ... Sregjunzplize.

Раздался металлический голос. Старик нажал на кнопку. Металлические руки схватили Неверсона. Слабый укол в мочку уха. Потеря сознания.

Неверсон проснулся в полном смятении чувств. С его выбритого черепа снимали зажимы. Он лежал на кушетке обнаженный. Несколько представителей обслуживающего персонала, примерно половина из которых (к его ужасу), по-видимому, были женского пола, изучали таблицы и манипулировали кнопками. Комната казалась еще меньше предыдущей - и светлее. Температура была около 80®F. Неверсон обнаружил, что в целом может понимать речь окружающих, хотя некоторые из их существительных и даже глаголов звучали странно. Все вокруг носили цельные полупрозрачные костюмы, которые закрывали большую часть их лиц, но были прозрачны у глаз.

- Где я? - спросил он, или, скорее, он сказал "Гееяаа? (Где здесь?)" на языке окружающих людей; однако смысл был именно таким, и с этого момента мы можем пользоваться более знако-

мыми нам словами. *Но пусть никто не думает, что наш перевод - нечто большее, чем вольное переложение...*

- В глоссопсихическом центре, - произнес голос у него за спиной. Голос, как оказалось, принадлежал стоявшему там молодому человеку. - Судя по всему, вы из года один девять семь два. Проблемы в субкварковой области, вероятно, привели вас сюда, на линейный ускоритель, в год два три четыре шесть. Лингвистическое шунтирование проведено. Ваш навык, пожалуйста.

- Навык? Анализ элементарных частиц.

- Возможно, удастся использовать... Костюм готов, пожалуйста.

Неверсон облачился в полупрозрачный костюм, который, очевидно, был сшит по индивидуальной мерке. - Я проголодался, - сказал он.

*

Десять месяцев спустя, после нескольких месяцев интенсивного обучения, он получил должность в департаменте прямого контроля параметров нового мирового правительства ("Drik Premda Kindrurw'). Неверсон поблагодарил судьбу. В настоящее время население земли составляло около четырех биллионов человек, и участь большинства людей, находящихся под

безжалостным давлением растущей численности, незавидна. Запертые в маленьких квартирах (со всеми удобствами) в многоэтажных домах по всему континенту, вдоль морей и гор, они и их дети "получали образование", находились под присмотром и развлекались у гигантских телеэкранов; после рождения второго ребенка их в обязательном порядке стерилизовали, кормили настоями из водорослей, которые подавались по трубам, и никогда не выпускали на естественный дневной свет, за исключением тех случаев, когда жителей призывали на работы на открытом воздухе сроком на один год - это случалось в течение первых тридцати лет взрослой жизни, раз в пять лет. Подавляющему большинству людей было не для чего жить и не за что умирать. Когда дети подрастали (только к двадцати четырем годам - из-за скудного рациона питания), им приходилось искать новый дом, и демографические компьютеры назначали им жилье в новом квартале, построенном на новом уровне над старыми плоскими крышами, или в отдаленном районе, примыкающем к ближайшим предгорьям. Однако блоков на крышах было немного, и их было трудно возводить, поскольку многие из них мешали воздушному транспорту, межпланетным

станциям и коллекторам солнечной энергии. Количество колонистов, которых могли принять Марс, Венера и Луна, было незначительным.

Только наиболее активные и предприимчивые работники, такие как морские фермеры и мастера, обладавшие высоким уровнем интеллектуального развития, имели больше свободы передвижения, больше места для жизни и вариантов выбора занятий; они получали больше продуктов питания. Неверсон, занимавшийся прямым контролем параметров, был одним из них. Неизвестно, что стало причиной - несомненная гениальность, которую он продемонстрировал в самом начале карьеры (в конце 1960-х годов он был многообещающим аспирантом), или стимулирующий эффект несчастного случая, или воздействие на мозг, которое он испытал в глоссопсихическом центре, где ему привили понимание языка, или все вместе - но экзаменаторы сочли, что он действительно способен оценить все важные достижения, осуществленные с 1972 по 2346 год нашей эры в области физики субатомных, субэлементарных частиц (кварков), субкварков и гипосубкварков. Он обнаружил, что глоссопсихофизиолог (который, естественно, не имел представления ни о чем за

пределами своей профессии) был неправ, объясняя его "временное смещение" исключительно субкварковыми явлениями - причиной могли стать разве что гипосубкварковые феномены... Маленького старичка Неверсон больше никогда не видел; по сути, тот был ночным сторожем на старом ускорителе, ныне автоматизированном.

В любом случае, большинство новых коллег Неверсона одинаково хорошо восприняли идеи Прямого Контроля Параметров, или ПКП, как его стали называть. Официальная вступительная речь, или Пип (то есть Скука), как ее называли, была примерно такой:

- В настоящее время ПКП берет верх там, где сложный физический контроль является слишком дорогостоящим или слишком несовершенным. На данный момент мы нащупываем свой путь, но ожидаем расширения на многие подразделения. Статистические данные, как правило, скудны, молекулярные операции эффективны, генетический материал наилучший; организмы и небольшие живые группы - в норме. Обычная атака через подкварковый домен. Неправильное название "Прямой". Шунтирование по кваркам, подкваркам влияет на параметры. В каждом подразделении должно быть четыре гипо-под-

разделения: Оценка параметров, Исследования, Применение, Связи с общественностью. На практике многие из вас будут работать в нескольких областях. Есть вопросы?

Через несколько месяцев Неверсон был назначен в подающий надежды отдел Контроля Старения (ОК, "Adjung Kindrurw"). В конце концов, он стал исследователем и занялся прикладными разработками и связями с общественностью.

- Видите ли, - объяснял он дружелюбному сотруднику Общественного здоровья два года спустя, - гериатрия потерпела неудачу, она не смогла увеличить продолжительность жизни более чем на 18%, а срок активной жизни - более чем на 12%. Теперь задаются прямые параметры. Важные параметры старения проявляются в трех квази-измерениях в виде различных спиралей. Организм начинает процесс зачатия, находясь на широком основании, движется по спирали вверх по оси времени с постоянным уклоном и внутрь, как по конусу/куполу, к буквальной точке смерти, по свойственному ему наклону...

- Почему по спирали, а не по прямой?

- Прямая линия бесконечна. Циклические возвраты спирали соответствуют циклическим воздействиям внутренней/внешней среды,

например, годовым. Сравнительная длина окружности соответствует сравнительному субъективному и физиологическому времени.

- Вы имеете в виду долгие-долгие часы младенчества?

- Точно. Часы у детей проходят, как недели у взрослых, годы к старости пролетают все быстрее и быстрее, время заживления тем временем удлиняется; следовательно, спираль закручивается внутрь, окружность сокращается. При нулевом диаметре и нулевой окружности заживление бесконечно медленное, субъективное время бесконечно быстрое, смерть... Ширина жизненного пути индивидуума и общий наклон конуса зависят от рода, вида, разновидности, генов. На зачатие также влияют окружающая среда, беременность, радиация, болезнь, несчастные случаи. Слабое излучение уменьшает диаметр, болезнь превращает конус в купол, несчастный случай делает купол более плотным; выздоровление раздувает его. Смещение оси времени означало бы бессмертие!

- С каким восторгом встретили бы все эти открытия в 22 веке!

- Да, вы имеете в виду - тогда, когда компьютеры ежегодно оценивали показатели здоровья людей,

выводили графики и процентную вероятность различных причин смерти на годы вперед?

- Точно. Например, у заядлого курильщика сигарет в возрасте двадцати лет, если ему предоставить выбор, 5% шансов умереть от старости в возрасте восьмидесяти лет, 25% - от рака легких в возрасте шестидесяти лет, 30% - от рака бронхов в возрасте пятидесяти лет, 25% - от коронарного рака в возрасте сорока лет, 10% - от рака желудка в возрасте тридцати пяти лет или 5% - от дорожно-транспортных происшествий в возрасте двадцати пяти лет. Паника, самоубийства, наркомания...

- Теперь мы стремимся напрямую влиять на жизнеспособность, продлевать жизнь, обманывать компьютеры!

- Какие классы персонала?

- Менеджеры, директора, главы правительств. Позже - лучшие интеллектуалы?

- Как действовать?

- Возможны три варианта: расширить основание конуса, сделать боковые стороны конуса более крутыми, выровнять угол наклона спирали. Сначала пытаемся расширить основание конуса (зачатие); мелкие животные. В плане субкварков... Излучением воздействуем на роди-

тельские половые железы. Надеюсь, что через год будут готовы отобранные родители из касты менеджеров.

- Каков процент увеличения продолжительности жизни?

- Сначала возраст увеличится на 10%. Надеюсь, что в дальнейшем суммарное увеличение на 5% в каждом поколении от однократного уровня, если удастся найти способ...

- Бесполезная популяция, долгая жизнь невыносима!

В любом случае, этому не суждено было сбыться. В результате исследований по методу "конусообразного основания" были получены бескрылые мухи, головастики-переростки, мыши, похожие на зародышей, слабые детеныши обезьян после длительного вынашивания. Матери-мыши и родители-обезьяны, которые пережили беременность, пренебрегали своим потомством; те выросли с извращенными социальными инстинктами и провели всю 110-процентную по продолжительности жизнь, причиняя страдания себе и своим партнерам.

Билт, к тому времени возглавлявший исследовательский отдел суб-департамента, переключился на измерение угла наклона конуса, о

котором парни, занимающиеся оценкой параметров, уже имели полное представление. Пять лет спустя у него был ответ в области субкварков: крошечный передатчик субкварков, встроенный в гипофиз в кратчайшие сроки, который будет распространять свои бесконечно слабые воздействия на весь организм и, как ожидалось, через несколько недель повлияет на гены и соматическую плазму всех клеток тела, после чего передатчик оставят включенным на всю жизнь. Однако в подобном случае нельзя было добиться кумулятивного воздействия на последующие поколения.

К сожалению, они обнаружили, что в 40 процентах экспериментов на высших животных психопатическая личность была индуцирована, если передатчик имплантировали в младенчестве. Имплантация во взрослом возрасте привела к возникновению мозаичных эффектов, так что некоторые клетки продолжали нормально стареть, и у 30% испытуемых особей высших животных мозаичность привела к тому, что к среднему возрасту организм стал плохо функционировать, и припадки и рак были лишь наиболее распространенными из многих опасных проявлений.

- Мутации, - официально заявил Неверсон Билт своей исследовательской группе, - теперь нужно испытать с третьим параметром - и это спиральный градиент. Директор ПКП месяц назад согласился перевести ОП мутаций на градиент.

- Но это означает гипо-снижение! - воскликнул Эк.

- Точно! необходимая основа для гипо-субквар-ковых трансцилляций... Нет ничего плохого в том, чтобы начать эти разработки сейчас, испытав наши инструменты до того дня, когда будет вынесен вердикт по Оценке Параметров.

Два года спустя ребята из ОП нашли ответ: весь известный физический мир подчиняется одному и тому же шагу, или "градиенту", естественной скорости течения времени. Это было сложным образом связано с энтропией, но основная скорость оставалась неизменной.

Потребовалось еще одиннадцать лет, в течение которых Неверсон жил, спал и ел, не расставаясь со спирально-градиентным методом, прежде чем его гипо-суб-департамент нашел ответ: инфрагипосубквар-ковые шунты были единственной надеждой, поскольку фундаментальная структура времени лежала в области и-г-с-к. В результате исследований было обнаружено несколько

удивительных вещей. Однажды Манк Шоук (Доменико Жуков) беседовал с Неверсоном.

- Единственная причина, по которой мы не можем видеть/ слышать прошлое, заключается в снижении скорости "с", следовательно, его сигналы подвергаются воздействию трансконечного красного смещения и поступают с нулевой энергией.

- А как насчет будущего?

- Нет. Непрерывное создание времени, расширение настоящего из нулевого объема. Или, наоборот, настоящее движется в будущее со скоростью "с".

- Объясните: куда?

- В четвертое пространственное измерение. Мгновение, которое прошло восемь с половиной минут назад, находится на расстоянии одной астрономической единицы от нас в четвертом измерении. То, что произошло год назад, находится на расстоянии одного светового года от нас в четвертом измерении.

- Значит, мы никогда не сможем исследовать будущее или прошлое?

- Только не на уровнях, превосходящих и-г-с-к. Не на практическом уровне - вероятно, потребуется не меньше полувека усилий.

- И никаких профессиональных мотивов или денег в нынешних мировых условиях.

Еще через четырнадцать лет, когда Неверсон был уже в преклонном возрасте, решение нашлось: подопытных крыс, окруженных палладиевыми спиралями, поместили в 0,01-процентный градиент температуры, рассчитанный компьютером...

Они просто исчезли; они больше не взаимодействовали с остальной известной вселенной, разве что мгновенно и, следовательно, незаметно...

- Флатч! - крикнул директор в видеофон, обращаясь к своему коллеге из отдела Населения. - Наши мутации ОК принесли вам Ванкон. Ванкон - это современный термин, обозначающий катастрофу, которая венчается успехом, злой ветер, который принес кому-то пользу, гадкого утенка, который стал чьей-то курицей, несущей золотые яйца. Название происходило от имени руководителя венерианской экспедиции столетней давности, которая разрушила половину поверхности планеты, самоуничтожившись при этом; благодаря катастрофе планета стала пригодной для высадки и, в конечном счете, обитаемой.

- Хватит, я на грани самоубийства: всего три поколения людей на Земле могут остаться в живых.

Беспорядки и эпидемии усиливаются с каждым месяцем. Похоже на катастрофу 21-го века, но на сей раз решения нет.

- Зайдите, пожалуйста, в службу безопасности.

- Хорошо, удобно ли от пятнадцати до сорока пяти минут?

- От двадцати до шестидесяти.

- Не располагаю. От двадцати до пятидесяти?

- Хорошо.

Когда Флатч Бемп (то есть Флотшем Бассомпье) приземлился в Сахаре, у директора ПКП Кулфа (произносится Куллуф) Грена (то есть Кинлоха Гр-эттена) была наготове доза лизергибензедрина.

- А теперь, - сказал он, - я звоню Невзену Бьюсу, преданному своему делу человеку, - он быстро все объяснит.

На экране внутреннего видеофона появился Неверсон Билт.

- Нев, это Флатч Бэмп, директор по Населению.

Неверсон кивнул, что в те дни означало подобострастное приветствие. У Флатча дернулась левая бровь.

- Население может найти применение вашему фокусу. Объясните. Неверсон объяснил, что в зависимости от степени шунтирования организму может быть придан любой желаемый градиент.

- И более крутой? - спросил Флатч.

- Чем он круче, тем быстрее старение; чем более пологий - тем старение медленнее.

- Сколько всего градиентов?

- Их число бесконечно. Только точность работы инфрагипо-субкварковых устройств ограничена.

- А на практике?

- Скажем, 10^5 по горизонтали, 10^8 по вертикали. Технически возможно также создать нулевой или отрицательный градиент, соответственно вечную жизнь и регрессию в младенчество (обратное время), что по человеческим меркам бессмысленно. 105 более плоский, но положительный.

Флатч развел руки в стороны - возмутительно экстравагантный жест в этом переполненном и спрессованном мире, но оправданный моментом и вызванный реакцией на дозу И-б.

- Эврика! Как применить шунт?

- Кольцевая камера. Любой возраст.

- Ограничение по размеру? Использовать несколько сразу?

- Скажем, 70 кубических метров, умножить на 34 по 10^4 кубических метра.

- Удастся взять сразу толпу?

- Возможно. Возможно, сообщу вам через год.

- Эврикэст! Выберите семьи из числа добровольцев, пообещайте им жизненное пространство, отключение шунтирования; разделите население мира как минимум на 10^5! Предоставьте всем здесь наивысшие привилегии, рай на земле!

Его лицо расплылось в широкой улыбке...

- Понятно: охрана, молчание, смертная казнь.

- А остальная команда?

- Временное молчание для низших сотрудников. А, Кулф?

- Верно. Теперь ты - проект Х. Остаться здесь, Флатч?

- Точно, лучше остаться здесь, связаться со мной через тебя, Кулф.

- Хорошо.

*

Потребовалось два года, чтобы определить внутренние пределы катушек. Они испытывали метод на слонах и секвойях (вместе с корнями), а также на семействах ручных медведей и коз (большинство наземных животных содержались в зоопарках или лабораториях, за исключением сельскохозяйственных животных, которые были слишком ценны). Практическим пределом оказалась сфера диаметром 97 метров. Предел плотности градиента составил 10^3х 2 канала для

более пологих градиентов и свыше 10^7 для более крутых. Флатч Бемп нашел этические возражения против отправки людей в градиент с более короткой продолжительностью жизни и, опять же, против увеличения продолжительности жизни более чем на 300 лет (кроме того, многие ли из них могли добровольно выйти за пределы этих ограничений?). Таким образом, он был вынужден довольствоваться наименее пологим из более пологих градиентов, что означало менее 10^4каналов. Тем не менее, предложение уменьшить нынешнее население Земли почти в десять тысяч раз означало проблеск надежды.

- Если только мы сможем забирать их такими темпами! - пробормотал Неверсон.

- А Флатч знает, куда мы их отправим? - спросил Манк.

- Лучший теоретик - Фоуп. Он и Эк говорят, что каждый градиент выявляет одну и ту же стабильную реальность, плотный физический мир одинаков в каждом из случаев. Просто обеспечьте хорошую плотность населения, достаточное количество специалистов, гидропонное оборудование, культуры почвенных бактерий, ультразвуковые измельчители, водоросли, рыбью икру - и вы создадите цивилизацию за три

поколения.

- Все это на добровольной основе, Кулф, - сказал Флатч, сидевший через две комнаты от них. - Мы подадим запрос о всемирной эмиграции с временным градиентом. Много добровольцев, суровых первопроходцев, независимых, страдающих клаустрофобией, ненавидящих большие скопления людей. Пусть запрашивают подробности. Компьютеры оценивают потенциальные возможности, устраняют несоответствия, создают подходящие шунтирующие коллекторы, сбалансированные градиентные популяции. Подробности, включая предпочтительную продолжительность жизни несовершеннолетних: родители должны согласиться или остаться в стороне. Нельзя давать десятилетним, двадцатилетним и пятидесятилетним одинаковый градиент и ожидать, что все проживут одинаково долго!

Он усмехнулся.

Связанные между собой компьютерные комплексы рассчитали время и плотность работ таким образом, чтобы создать минимум трудностей. Тем временем ребята Неверсона (теперь он отвечал за весь подотдел X) построили серию маневровых машин, по одной для каждого же-

лаемого градиента. Массовая перевозка людей была несложной, и они предпочли не распылять проект на данном этапе; кроме того, новых мигрантов лучше всего собирать в одном месте, откуда они могли бы распространяться во все стороны и где они могли бы проводить советы первопроходцев.

Эмигранты были должным образом отобраны и отправлены в неизвестность. Был достигнут показатель в 10 000 человек в день, что в десять раз превысило прогноз исследователей логистики компании "Флатч", но все равно это казалось незначительным по сравнению с уровнем рождаемости. Четыре года спустя, после долгих лет напряженных переговоров и усилий, была выпущена тысяча аккумуляторов для шунтирования, и скорость (улучшенная) теперь составляла тридцать миллионов в день по всему миру. В конце концов, у Неверсона, преждевременно состарившегося семидесятилетнего мужчины, каждый день было 7000 миллионов переходов через 30 000 аккумуляторов, разбросанных по окраинам обитаемого земного шара, и можно было ожидать, что этот показатель почти полностью перекроет нынешний избыток рождаемости. "То, что мы достигли этого уровня, стало настоящим дости-

жением", - подумал Неверсон.

Почти все комплексы располагались на малонаселенных возвышенностях вдали от границ "муравейников", где можно было разбить обширные приемные лагеря и где мигранты, проходя через них, могли собираться в низинах на свои первые советы. Сцены в гигантских приемных повторялись - принятая семья с минимальным количеством вещей была допущена, оформлена, привита, получала основной рацион, оружие, инструменты, ночевала в своем углу в течение двух дней, проходила повторную проверку на наличие инфекций; потом людей загоняли внутрь, пропускали через восьмиэтажную камеру с внутренними кольцами вместе с 20 000 других людей, стадами коз и множеством оборудования, и отправляли в неизвестность - такая картина обрадовала бы Эйхмана: *Endl"sung* в его совершенном воплощении! Но это был Dies Irae без гнева. Бесчисленные гости отбывали, если и не с песнями, то, по крайней мере, с радостью проходя через ворота, не из жемчуга, а из палладия; и если они держались за руки, отправляясь в последний путь в общем потоке, этого следовало ожидать.

Неверсону, на которого действовало напряжение, вызванное этой грандиозной операцией,

приснился любопытный сон. Он разговаривал с Флатчем (который, по сути, уже был мертв) и сказал: "Мы ослабляем реальность локальной мировой линии, пронизываем ее, дробим на части. Раньше было 10^4градиентов плотности, если можно так выразиться. Теперь только один. Эмигрантские популяции подрывают структуру. Нам долго не выдержать разрежения в 1/10 000.

- Чепуха! - воскликнул Флатч, и в этот момент вся обитаемая поверхность Терры взорвалась, как здание, кишащее термитами. Неверсон проснулся с колотящимся сердцем, в поту, с пересохшим горлом, и услышал тревожный сигнал видеофона. Было "утро", но он проспал. - Нев! - сказал голос Миска Хаулы (преемника Хатча; сегодня он должен был стать Метексисом Ульвелаем).

- Нев! Что-то случилось. Необъяснимые показатели численности населения, они недостаточно снизились. Много незаконных самозахватов пустующих жилых помещений на окраинах. Неужели все вернулись?

- Невозможно, - сказал Неверсон, затем сделал паузу. - Проверьте даты рождения, происхождение, гены, если необходимо, с помощью компьютера.

- Зачем?

- Сначала проверьте.

Десять дней спустя компьютерные комплексы дали ответ: до 15 процентов жителей земного шара (вблизи новых жилых помещений на окраинах) были лицами неизвестного происхождения, появившимися неведомо откуда. Процентное соотношение их генотипов давало характеристику, которая частично совпадала с генотипом местного населения, но частично состояла из загадочных вариантов, сочетавшихся в пропорциях, которые компьютеры были совершенно неспособны проанализировать.

- Знаешь, в чем дело, Миск? - прошептал старый Неверсон молодому директору по Населению, сидя в директорском кабинете, освещенном настоящим солнечным светом, который проникал через настоящее стекло; из окна открывался вид на горы Ахаггар.

- Знаешь, в чем дело? Другие градиенты не пусты и не необитаемы; они заполнены! Как и наш - более или менее. Наша вселенная - всего лишь одна из миллионов, возможно, бесконечного множества. Они применили наш метод примерно в тот же момент.

Миск, импульсивный человек, выпрыгнул из окна с высоты 278 этажей.

Неверсон, который теперь хорошо знал сотрудников Миска, взялся за решение проблемы с населением и через неделю получил дополнительные сведения: количество градиентов, отправляющих мигрантов, не поддавалось учету; известно, что на данный момент их отправляли несколько тысяч, хотя темпы и численность, вероятно, возрастут. Переселенческие пункты не были идентичны его собственному и находились в других местах, но благодаря им появлялись новые популяции в маргинальных районах. Иммигранты оказались в густонаселенном мире, в то время как ожидали увидеть пустой мир; однако они извлекли максимум пользы из неудачного опыта и, проявив предприимчивость, разнесли свои пожитки по этажам, рассеялись, проникли в толпу, заняли свободные ячейки на окраинах муравейника и в течение нескольких лет скрывались.

Три месяца спустя серия странных непродолжительных вирусных эпидемий, начавшихся на окраинах Альпийских и Скалистых гор, охватила 60 процентов населения Америки и Европы и унесла жизни 25 процентов зараженных. Несмотря на телевизионную пропаганду, выжившие обвиняли во всем "захватчиков", и с тех пор все,

кто приезжал в перенаселенные районы незамеченными, становились жертвами жестокой расправы. Позже отряды работников начали обнаруживать настоящих "шунтеров", иногда все еще находившихся в многоэтажных капсулах, и завязывались смертельные схватки с применением всего, что попадалось под руки. Неверсон представил, как такая же участь постигла или еще только постигнет его собственных эвакуированных... В семьдесят пять лет он достиг пенсионного возраста. Измученный, разочарованный человек, он умер несколько месяцев спустя холодной зимой 2395 года, оставив Миры бороться с их чудовищным бременем.

В феврале 2021 года нашей эры в том же временном континууме, незадолго до Второго мирового голода, выпуски новостей были полны сообщений о смерти Неверсона Билта, блестящего молодого исследователя, погибшего в результате некогда знаменитой аварии на большом ускорител; он находился в коме сорок девять лет, но оставался жив с помощью современной медицинской науки ... Это *его* реальность была расщеплена с помощью инфра-гипо-субкваркового шунта.

Дж.Г. Баллард
Ты: КомА: Мэрилин Монро
You: Coma: Marilyn Monroe
Рассказ, 1966 год

Одеяние невесты. В полдень, когда она проснулась, Таллис сидел на металлическом стуле рядом с кроватью, прижавшись плечами к стене, словно стараясь держаться как можно дальше от солнечного света, который, будто ловушка, поджидал его на балконе. За три дня, прошедшие с их встречи в пляжном планетарии, он только и делал, что мерил шагами квартиру, сооружая внутри какой-то лабиринт. Она села, ощущая отсутствие каких-то звуков или движения в квартире. Он принес с собой безмерную тишину. Эту ледяную тишину рассекали условными плоскостями белые стены квартиры. Она начала одеваться, чувствуя на себе его взгляд, устремленный на ее тело. Затем она поняла, что стоит у него на пути.

Распад. Для Таллиса этот период жизни в квартире был временем усиливающейся фрагментации. Какая-то отрицательная логика бессмысленного отпуска привела его на маленький курорт на

песчаной косе. В выцветшем хлопчатобумажном костюме он часами просиживал за столиками закрытых кафе, но воспоминания о пляже уже стерлись из его памяти. Соседний жилой дом заслоняла высокая стена дюн. Молодая женщина проспала большую часть дня, и в квартире было тихо, белые стены комнат тянулись вокруг него. Больше всего его привлекала белизна стен.

"Нежная" смерть Мэрилин Монро. Когда Карен Новотны одевалась, стоя перед ним, ее тело казалось таким же гладким и обожженным, как те застывшие самолеты. И все же течение времени стерло бы мягкие промежутки, оставив стены похожими на выскобленные полосы застывшей лавы, - он вспомнил "Одеяние..." Эрнста: изъеденная кожа Мэрилин, груди из резной пемзы, вулканические бедра, лицо из пепла. Овдовевшая невеста Везувия.

Неопределенная делимость. Вначале, когда они встретились в пустынном планетарии среди дюн, он цеплялся за образ Карен Новотны. Весь день он бродил среди песчаных холмов, стараясь не видеть многоквартирных домов, возвышавшихся вдалеке над исчезающими гребнями. Противоположные склоны, обращенные под разными углами к солнцу, словно огромная индуистская

янтра, были испещрены невнятными знаками, оставленными его скользящими ногами. На бетонной террасе перед планетарием молодая женщина в белом платье материнским взглядом наблюдала за его приближением.

Поверхность Эннепера. Таллиса сразу же поразили необычные очертания ее лица, пересекающиеся плоскости, подобные дюнам вокруг нее. Когда женщина предложила ему сигарету, он невольно взял ее за запястье, нащупав место соединения лучевой и локтевой костей. Он последовал за ней через дюны. Молодая женщина была геометрическим уравнением, демонстрационной моделью ландшафта. Ее груди и ягодицы иллюстрировали кривую отрицательной постоянной поверхности Эннепера, дифференциальный коэффициент псевдосферы.

Ложное пространство и время квартиры. Прямолинейный эквивалент этих плоскостей ждал его в квартире. Прямые углы между стенами и потолком были точками опоры в действительной системе времени, в отличие от удушающего купола планетария, воплощающего бесконечную симметричную скуку. Он наблюдал, как Карен Новотны ходит по комнатам, соотнося движения ее бедер с архитектоникой пола и потолка. Эта

стройная молодая женщина была математическим модулем, и, умножив ее на пространство и время квартиры, он получил бы точную единицу измерения существования.

Suite Mentale. И наоборот, Карен Новотны нашла в Таллисе живое выражение собственного ощущения абстракции, той растущей энтропии, которая начала овладевать ее жизнью на пустынном пляжном курорте после окончания сезона. В течение нескольких дней она ощущала усиливающееся чувство развоплощения, как будто конечности и мускулы просто составляли материальный контекст ее тела. Она готовила Таллису и стирала его костюм, не отрывая взгляда от гладильной доски, наблюдая, как его высокая фигура вписывается в геометрию квартиры. Позже половой акт между ними стал двойственным общением - между ними самими и континуумом времени и пространства, который они занимали.

Мертвый планетарий. Под безоблачным равноденственным небом утренний свет ровным слоем ложился на белый бетон перед входом в планетарий. Неподалеку, в углублениях из растрескавшейся грязи, виднелись очертания разрушенного купола планетария и обветрен-

ной груди Мэрилин Монро. Никаких признаков жизни не было заметно в далеких домах, почти скрытых дюнами. Таллис ждал на пустынной террасе у входа в кафе, чиркая обгоревшей спичкой по помету чаек, который падал сквозь изодранный тент на зеленые металлические столы. Он встал, когда в небе появился вертолет.

Безмолвная картина. "Сикорский" беззвучно облетел дюны, его лопасти сдували мелкий песок со склонов. Он приземлился в неглубоком бассейне в пятидесяти ярдах от планетария. Таллис пошел вперед. Доктор Натан вышел из вертолета, неуверенно ступая по песку. Двое мужчин пожали друг другу руки. После паузы, во время которой он внимательно рассматривал Таллиса, психиатр заговорил. Его губы беззвучно шевелились, глаза были устремлены на Таллиса. Он прервался, а затем с усилием начал снова, его губы и челюсть сотрясались в гротескных судорогах, как будто он отыскивал между зубов застрявшие остатки пищи. Через несколько секунд, когда ему не удалось издать ни единого слышимого звука, Натан повернулся и пошел обратно к вертолету. Тот бесшумно поднялся в небо.

КомА: явление. Она ждала его на террасе кафе. Когда он занял свое место, она заметила: "Ты

читаешь по губам? Я не буду спрашивать, что он говорил". Таллис откинулся на спинку стула, засунув руки в карманы свежевыглаженного костюма. "Теперь он признает, что я вполне вменяем - по крайней мере, в нынешнем понимании этого термина, ведь в наши дни его границы, кажется, сужаются. Проблема в геометрии, в том, что означают эти наклоны и плоскости". Он взглянул на скуластое лицо. КомА... Она все больше и больше напоминала покойную кинозвезду. Какой код соответствует его лицу, фигуре и квартире Карен Новотны?

Арабеска дюн. Позже, прогуливаясь по дюнам, он увидел фигуру танцовщицы. Мускулистое тело, облаченное в белое трико и свитер, которые делали ее почти невидимой на фоне песчаного покатого склона, двигалось, словно призрак, вверх и вниз по гребням. Она жила в квартире напротив дома Карен Новотны и каждый день выходила из дома, чтобы потренироваться среди дюн. Таллис сидел на крыше машины, зарытой в песок. Он наблюдал за ее танцем, за случайным шифром, оставляющим свои знаки на временных границах растворяющейся янтры, символа трансцендентальной геометрии.

Африканские впечатления. Низкая береговая

линия; воздух, сверкающий, как янтарь; буровые вышки и причалы над коричневой водой; серебристая геометрия нефтехимического комплекса, вихревое нагромождение цилиндров и кубов, наложенных на далекое горное плато; одиночная сфера Хортона, загадочный воздушный шар, прикрепленный стальными каркасами к расплавленному песку; уникальная четкость изображения. Африканский свет; рифленые плоскогорья и бастионы-головоломки; безграничная нейронная геометрия ландшафта.

Стойкий вкус персика. Белые склоны дюн напомнили ему о бесконечных прогулках по телу Карен Новотны - диорама плоти и бугорков, широкие аллеи бедер, площади таза и живота, замкнутые аркады матки. Такое расположение тела Карен на фоне пляжного пейзажа каким-то образом умаляло индивидуальность молодой женщины, спящей в своей квартире. Он прошелся среди искаженных контуров ее грудной клетки. Какое время можно было бы узнать по изгибам этой неорганической мускулатуры, по изменяющимся плоскостям ее лица?

Вознесение среди песчаных дюн. Эта Венера из дюн, дева временных склонов, поднялась над Таллисом в южное небо. Пористый песок, напоми-

нающий о ветхих стенах квартиры и о покойной кинозвезде с ее грудями из пемзы и бедрами из пепла, рассеивался по гребням на ветру.

Квартира: реальное пространство и время. Таллис понял, что белые прямолинейные стены были воплощением той девы с песчаных дюн, вознесение которой он наблюдал. Квартира напоминала квадратные часы, кубическую экстраполяцию лицевых линий янтры, скулы Мэрилин Монро. На обожженных стенах застыла вся суровая скорбь актрисы. Он пришел в эту квартиру в тщетной попытке предотвратить ее самоубийство.

Убийство. Таллис стоял за дверью гостиной, защищенный от солнечного света, падавшего с балкона, и рассматривал белый куб комнаты. Время от времени Карен Новотны перемещалась по комнате, совершая последовательность на первый взгляд случайных действий. Она уже запутала перспективу комнаты, превратив ее в перевернутые часы. Она заметила Таллиса за дверью и направилась к нему. Таллис подождал, пока она пройдет. Ее фигура заслоняла переход между стенами в углу справа от него. Через несколько секунд ее присутствие стало невыносимым вторжением во временную геометрию комнаты.

Осознание смерти. Нетронутые стены квартиры хранили безмятежное лицо кинозвезды, упокоенное время дюн.

Отбытие. Когда КомА позвонила в квартиру, Таллис поднялся со стула, стоявшего рядом с телом Карен Новотны. - Ты готов? - спросила она. Таллис начал опускать жалюзи на окнах. - Я закрою их, и в течение года сюда никто не сможет прийти. - КомА мерила шагами гостиную. - Сегодня утром я видела вертолет - он не приземлялся. - Таллис отключил телефон, стоявший на белом, обитом кожей столе. - Возможно, доктор Натан сдался. - КомА присела рядом с телом Карен Новотны. Она взглянула на Таллиса, который указал в угол. - Она стояла в углу между стенами, - сказал он. Кома закурила сигарету и встала. - Что ты имеешь в виду? Здесь?

Чарльз Плэтт
Хит "Абсолютного опыта"
The Total Experience Kick
Рассказ, 1966 год

Все это случилось бурной зимой 82-го, когда "Абсолютный опыт" захлестнул музыкальный бизнес и крушил мелкие агентства направо и налево. Половина агентств обанкротилась, покупая новое оборудование для АО, а другая половина осталась в стороне от нового тренда, поскольку не могла себе позволить таких расходов.

В то время я был новичком в штате "Трендов звука" - компании, столь же дешевой, как и ее название. Владельцы не могли приобрести компьютерное оборудование и сильно беспокоились; им не хотелось объявлять о банкротстве из-за того, что они не могли получить доступ к последним музыкальным новинкам.

Я просматривал небольшой раздел объявлений в "Дискорд уикли", когда наткнулся на абзац, который действительно заставил меня задуматься и составить план. "Срочно требуется в крупную музыкальную компанию для "Абсолютного

Опыта", - гласило объявление. - Программист III разряда с опытом работы с генераторами звуковых сигналов и обширными знаниями в области модификации музыкальных инструментов. Должен быть энергичным, способным читать Фортран с листа".

Моей первой реакцией стало разочарование. Эта работа была для меня просто идеальной, но я застрял в "Трендах звука" и быстро прижился здесь, привязанный к фирме довольно солидным контрактом.

Затем в моей голове появились первые проблески идеи. Я связался со своим знакомым из "Дискорд уикли" и обнаружил, что это небольшое объявление разместила фирма "Гарри Кинг", крупнейшая корпорация в этом бизнесе. Я рассудил, что они не стали бы использовать скромную рекламу, если бы не пытались провести быстрый набор персонала втихую. И причина могла быть только одна: они ухватились за что-то новое, и им внезапно понадобились сотрудники для разработки.

Итак, это был наш шанс (я рассказал об этом директору "Трендов звука") проникнуть в контору Гарри Кинга, отказаться от погони за "Абсолютным Опытом" и украсть идею, над которой

работал Кинг, чтобы заменить АО. Отправьте меня шпионить, рассуждал я, и "Тренды звука", в конце концов, не прогорят - фирма на шаг опередит всех остальных.

Боссы были в таком отчаянии, что решились попробовать. Вот так и получилось, что на следующий день я сидел в собственном кабинете Гарри Кинга с видом на старый торговый центр "Шелл" и Темзу, начиная сомневаться, так ли уж надежна моя идея о шпионах-любителях, как казалось на первый взгляд. В то время Кинг был, безусловно, самым крупным воротилой в этом бизнесе; каким-то образом ему в нужное время приходили в голову правильные идеи, и за двенадцать месяцев сформировалась его империя.

Я представил наспех собранное досье с ложной информацией о моем статусе фрилансера и предыдущем опыте, на которое он мельком взглянул. Кинг много говорил о фантастических перспективах и повышении зарплаты, что, очевидно, было обычной болтовней. После этих предварительных замечаний мы перешли к делу.

Он расхаживал взад-вперед, жестикулируя и разглаживая свой пастельно-розовый вечерний костюм. (Фасон совершенно не подходил для его

возраста и размера талии, но Кингу приходилось поддерживать модный молодежный имидж).

- Думаешь, что "Абсолютный Опыт" - это просто еще один трюк? - громко спросил он. - Это не так. Ничего подобного. Это инновация. - Он выговорил слово медленно, как будто узнал его совсем недавно. - Настоящая инновация. Идеальная привлекательность музыки для всех органов чувств. Позволь мне кое-что показать. То, что мы до сих пор толкали детям, - это ерунда, просто пустяки. - Он нажал на кнопки на столе, и окно стало непрозрачным, включился рассеянный свет, а две стенные панели отодвинулись, открыв пару АО-проекторов. Экран "Диакора" опустился. Кинг огляделся и хмыкнул. - Садись вон на тот стул и смотри. - Он нажал еще одну кнопку, и свет погас.

Экран засветился разноцветным вихрем, и из гигантских акустических панелей на потолке донесся пронзительный визг, совершенно не похожий ни на что, что мне приходилось слышать раньше. Экран опустел, и внезапно на нем появилось гигантского размера изображение Марка Новы, снятого потрясающе интимным крупным планом, в ярких красках, поющего (на фоне непрекращающегося шума) свой последний

шлягер. Басовые ноты, слегка отличавшиеся по частоте, создавали головокружительные ритмы. Два проектора сфокусировались на мне и замерцали, создавая подсознательный узор. На меня повеяло горячим воздухом, наполненным нежным, влажным ароматом духов, смешанным с резким запахом тела - я с восхищением отметил, что это идеально соответствовало образу Марка Новы.

Эффект был ошеломляющим: по мере того, как басовые ритмы ускорялись, а звук становился все выше, цвета на экране мелькали быстрее, а мои уши наполнялись пронзительным свистом и шипением. Все прекратилось как раз в тот момент, когда я почувствовал, что больше не вынесу; я сидел обессиленный, весь в поту, как будто очнулся от ночного кошмара. Кинг нажал кнопки на столе, и комната вернулась в прежнее состояние.

- Не обольщайся, парень, - сказал он, стуча кулаком по столу, - сейчас это может казаться великолепным, но мы должны думать о будущем, даже о том, какие тренды возникнут через полгода. - Он перебирал бумаги на столе, почти как актер, который забыл следующую реплику. Неловкая пауза прервалась, когда вошла девушка.

Она бросила несколько папок на стол Кинга, затем оглянулась и увидела меня.

- Извините, - сказала она. - Я и не знала, что здесь еще кто-то есть...

Когда я говорю, что она оглянулась и увидела меня, это не совсем точное описание. Возможно, мой образ смутно запечатлелся в ее мозгу как фигура посетителя; но ее глаза смотрели сквозь меня, словно я был просто деталью обстановки. Я отвлекся от созерцания холодных зеленых глаз и увидел красивое, идеально очерченное, но в то же время холодное лицо. Затем она повернулась к Кингу.

- Что-нибудь еще?

- Нет, спасибо, милая, - сказал он, вставая из-за письменного стола. Девушка вышла из комнаты. Кинг подошел к окну и некоторое время смотрел на улицу. - Хорошо, - сказал он. - Давай-ка совершим небольшое путешествие, хорошо? Повидаемся с парнем, с которым ты будешь работать, если устроишься в нашу фирму. - Мы поднялись на крышу и вскоре уже летели над Темзой на личном вертолете Кинга.

Он одной рукой держал штурвал, а другой жестикулировал.

- Я разделяю своих парней, понимаешь? Я

считаю, что так выходит лучше. Им нравится знакомая обстановка, и так меньше шансов, что какие-то идеи просочатся наружу. Понимаешь, что я имею в виду?

Я смущенно кивнул, вспомнив о своей роли шпиона. Я взглянул на круглое лицо Кинга; его глаз не было видно за темными очками.

Вертолет начал снижаться, мы направлялись в убогий район Камдена, в Ист-Сайд.

- Этот парень, - сказал Кинг, - он подонок, понимаешь, о чем я?Но он еще и гений. Только бы мне с ним справиться... Настоящий творческий гений. - Мы приземлились на импровизированной посадочной площадке, сооруженной над одним из камденских складов, и спустились по ржавой пожарной лестнице к входной двери. Кинг позвонил в устаревший механический дверной звонок.

Через некоторое время дверь открыл худой, сутулый человек с бледным лицом; он носил пижаму.

- Привет, малыш Джерри! - воскликнул Кинг, врываясь в комнату.

- Осторожнее, мистер Кинг. На полу, знаете ли, сырость и гниль.

Энтузиазм Кинга немного поугас, но он все рав-

но выдавил из себя широкую улыбку. Мы прошли в заднюю комнату.

- Как вы и просили, я работаю над устройством обратной связи, но не смогу продемонстрировать его должным образом, пока...

- Да, хорошо, главное, чтобы все было готово к шоу на Трафальгар-сквер на следующей неделе. А сейчас познакомься с человеком, который будет работать с тобой, если ему понравится обстановка. "Малыш Джерри" нервно улыбнулся, и мы пожали друг другу руки.

- Меня зовут Джо Форрест, - представился я. - Рад с тобой познакомиться. - Я впервые по-настоящему осмотрел обстановку. В углу убогой комнатушки стояла разобранная кровать, на которой свернулись калачиком две кошки. У окна блестел корпус компьютера "Дескомп" 82 года выпуска - ему было всего несколько месяцев. На нем стояла грязная тарелка, а на клавиатуре спал еще один кот. Рядом с "Дескомпом" на грубой скамье, заваленной разрозненными электрическими компонентами, стояли три устаревшие, потрепанные четырехдорожечные стереокассетные деки и два осциллографа, таких старых, что их трубки пожелтели. Там были генераторы сигналов и преобразователи тембра, коробки

с подержанными деталями и незавершенные конструкции. Казалось невероятным, что такая дешевая установка может обеспечить хоть сколько-нибудь приемлемый результат.

- Что это за... э-э... устройство обратной связи, о котором ты упомянул? - спросил я, пытаясь выудить побольше информации. Возможно, это было именно то, что мы искали.

- Оно наверху, - сказал "малыш Джерри", направляясь к двери, едва поднимая ноги в комнатных тапочках. - Пойдем, я покажу тебе...

- Подожди минутку, - сказал Кинг. - Я думаю, что если мистер... э-э-э... Форрест... э-э-э... заинтересован в нашей организации, то необходимо провести самую обычную... э-э-э... проверку на лояльность. А если нет, то ему лучше не знать всех наших маленьких секретов. Верно? - Я понял, что Кинг мог быть настойчивым, если возникала нужда.

"Малыш Джерри" выглядел смущенным, как будто политика большого бизнеса была ему непонятна. Кинг вежливо улыбнулся мне.

- Ну, и каков твой ответ, Форрест? При условии... э-э... формального соглашения ты готов присоединиться к большой семье Гарри Кинга? - Он громко рассмеялся.

Я неловко сглотнул. Как я мог отказаться?

- Да, конечно, - сказал я. - Только...

- Хорошо, хорошо. У тебя есть счетчик, Джерри, малыш?

- Думаю, да, мистер Кинг. - Он нашел потрепанный "Верилизер" под кучей хлама на скамье, и я с немым восхищением наблюдал, как Джерри пристегивает аппарат к моему запястью и подключает провод к осциллографу. Мой разум был словно перегружен: казалось невозможным найти выход из сложившейся ситуации, и все, что я мог делать, - это подчиняться неудержимому течению событий.

- Я должен извиниться за это... э-э... неудобство, - сказал Кинг, заметно смутившись. - Но в нашем деле, знаешь ли, нельзя позволить себе рисковать, когда речь идет о лояльности сотрудников. - Он вытащил из кармана листок со стандартными вопросами.

"Малыш Джерри" настроил оборудование, и мы продолжили.

- Работаете ли вы, Джозеф А. Форрест, в настоящее время в какой-либо конкурирующей компании или выполняете какую-либо работу, которая может быть расценена как конкурентная и противоречащая интересам организации

Гарри Кинга?

Я старался спокойно следить за показаниями осциллографа.

- Нет, - твердо сказал я. На экране появилась характерная синусоида, которая, как хорошо известно Гарри Кингу, "малышу Джерри", мне и всем остальным, означает "ложь". Я начал сильно потеть.

- Подожди минутку, - сказал "малыш Джерри". Он повернулся ко мне, показывая два пальца.

- Сколько пальцев я показываю? - спросил он.

- Два, - ответил я. И снова вспыхнула "ложная" синусоидальная кривая.

- Я все испортил. Неправильная полярность. Правда показана как ложь. - Он поменял провода местами. - А теперь продолжай. - Я на мгновение встретился с ним взглядом, и суровость, с которой Джерри посмотрел на меня, только подтвердила мои подозрения: по какой-то причине он подстроил результаты этого теста.

Кинг просмотрел весь список вопросов, и каждый раз мои ответы высвечивались как "правдивые". К концу испытания он был в прекрасном расположении духа.

- Завтра первым делом ты зайдешь ко мне в офис, мы договоримся о контракте. Затем сразу

же отправимся в главную студию, посмотрим, как мы будем записывать материал. Мы приступим к записи новой ленты Марка Новы. Как насчет этого, а?

Я слабо улыбнулся, все еще немного потрясенный.

- Великолепно.

Кинг повернулся к "малышу Джерри".

- У тебя наверху найдется комната для Джо? Было бы лучше, если бы вы работали в самом тесном контакте. - Джерри кивнул. - Вот и хорошо. - Кинг от души хлопнул его по плечу.

- Пожалуйста, мистер Кинг, у меня астма... - Джерри согнулся пополам, кашляя и хватая ртом воздух. Кинг перестал колотить его; он как будто немного расстроился.

- Тебе следовало бы прибраться в этой дыре.

- Сейчас я не могу себе этого позволить... Мама в клинике...

- Ну что ж, доработай наш новый трюк, и мы посмотрим, что можно сделать. - Я последовал за Кингом к выходу из дома, обернувшись лишь раз, чтобы взглянуть на Джерри, который стоял в дверях и наблюдал, как мы уходим. На его бесстрастном лице отразилось легкое циничное удивление.

Студия, бесспорно, производила впечатление. За звукозаписывающим оборудованием АО следили технические специалисты, к их ушам были прикреплены мониторы-передатчики. В одном углу Джерри, по-прежнему в домашних тапочках, возился с каким-то оборудованием, пытаясь его настроить. По сути, это был синтезатор звуков, но сильно модифицированный.

По другую сторону двойной стеклянной стены, разделявшей студию надвое, ведущий британский субвокалист Марк Нова стоял перед телекамерами на платформе, такой же безупречно белой, как и задник. Над ним и вокруг него стояли многоцветные проекторы, готовые транслировать эффекты, которые были неотъемлемой частью АО. В стороне сидели сессионные музыканты, в основном безработные джазмены; они держали свои устаревшие, помятые инструменты, словно защищая их.

Гарри Кинг, я и еще несколько человек наблюдали за происходящим с галереи, расположенной на высоте пятнадцати футов.

- Здесь нет никаких старых методов, - говорил Кинг. - Эту планировку студии разработали специально для АО - никаких старых самодельных модов и электронных схем. Видишь белую лип-

кую массу, которой намазали лицо Новы? Вот символ наших методов. Все очистить, а потом нанести все, что нужно. Подходящий пигмент добавят после обработки пленки. И с помощью этой пасты мы можем подправить и его лицо. Агрессивнее, сексуальнее... нужно немного мазнуть здесь и там, и все подсохнет за десять минут - получится однородная пластичная текстура. Это единственный способ получить именно то, что нужно. - Он обернулся к отделу электроники. - То же касается и звука. Каждый компонент синтезируется отдельно, гармонии и обертоны подключаются постепенно. Подожди, сейчас, я полагаю, сделают субвокальную запись. Это первый шаг.

Марк Нова повесил себе на шею микрофон и уселся в удобное кресло. Сессионные музыканты заиграли вступление к новому номеру. Он начал беззвучно произносить слова.

- Видишь ли, времена вынужденных компромиссов прошли, - тихо сказал мне Кинг. -Раньше частенько бывало так: находишь парня с отличной внешностью, но у него и близко нет того голоса, который тебе нужен. Или находишь подходящий голос, но парень выглядит чудовищно. А теперь мы выбираем лицо, и если у нас есть

движения горловых мышц и гласные звуки для координации и подбора форм - не имеет значения, умеет он петь или нет. Оборудование "малыша Джерри" создает такой голос, какой нам нужен.

Запись закончилась, и музыканты собрались, изобразив аккомпанемент. Их работа подошла к концу; в готовую запись не могли войти такие несовершенные или неконтролируемые звуки, как шум духовых инструментов. Техники перемотали пленку и прокрутили ее через студийную звуковую систему. Голос был твердым, резковатым и настойчивым, удивительно сексуальным. Тексты песен были простыми и прямолинейными, но в то же время удивительно утонченными.

- Что ты об этом думаешь, Сэм? - спросил Кинг, обращаясь к мужчине, которого я раньше не замечал. Он носил современную, но не модную одежду; у него была аккуратная, но не прилизанная стрижка. Его лицо было каким-то скучным. Он с тоскливым видом оглядел студию.

- Все в порядке, - сказал он через некоторое время.

- Так же здорово, как и прежний хит Марка Новы?

- Не знаю, правда... Ну, могло бы быть немного получше.

Кинг хлопнул его по плечу.

- Мы снова сделали это, ребята, - крикнул он техникам. - Прямо в яблочко. Продолжайте в том же духе.

Я отвел Кинга в сторону.

- Кто этот парень по имени Сэм, с которым вы только что разговаривали?

- Наша особая гордость. Среднестатистический Человек. Мы провели опрос и нашли парня, типичного покупателя музыки. Выглядит как они, думает как они, носит такую же одежду и, самое главное, у него такие же вкусы. Улавливаешь? Его слово - закон. Если он скажет, что запись будет продаваться - тогда она поступит в продажу. Если он скажет "нет", мы откажемся от этого номера.

Я зачарованно уставился на бесстрастное лицо Сэма. Внезапно я понял, насколько заурядным был этот человек. Никаких отличительных черт...

Кинг оглянулся, когда вошла девушка с бумагами в руках. Он взял документы и начал просматривать. Я уставился на нее, не в силах отвести взгляд. Наши взгляды на мгновение встретились; я увидел, что это та самая Джейн, которая заходила в кабинет Кинга во время моего собеседования. И снова мне показалось,

что она смотрит прямо сквозь меня. Несмотря на потрясающую внешность, в ней было мало тепла, если оно вообще оставалось. Ее лицо казалось суровым, и губы, не слишком тонкие, были плотно сжаты. Ее красоту я бы назвал холодной и сдержанной.

В тот вечер я перевез кое-что из своих вещей в дом Джерри, хотя и не очень этого хотел. Он попытался навести там порядок, но в квартире все равно все было перевернуто вверх тормашками, пахло кошками и носками Джерри. Он встретил меня очень дружелюбно и сидел на кровати в моей комнате, пока я раскладывал привезенные вещи.

- Как прошло утро в студии? - спросил он.

- Очень интересно. Я не представлял себе размаха проекта.

Джерри покачал головой.

- Не дай себя обмануть. Если Гарри Кинг может где-нибудь сэкономить, он так и сделает. Как вы думаете, почему я работаю в этой дыре? Просто потому, что здесь безопасно, дешево и удобно. Я не удивлюсь, если фирма на грани банкротства.

- Для обанкротившейся фирмы дела идут неплохо.

- Тебя сбивает с толку внешний эффект. Конеч-

но, лучшая студия, самое лучшее оборудование... Но на самом деле Кинг не может себе этого позволить. Он уже потратил прибыль за следующий год.

- Как же так?

- Двенадцать месяцев назад он был никем, запомни. И он не пользуется услугами бухгалтеров. Я не думаю, что он освоил как следует десятичную систему счисления, когда отменили расчеты в фунтах стерлингов. Центы по-прежнему считаются пенни, а доллары - фунтами. Это, как ты понимаешь, отчасти мои догадки.

Я пожал плечами и осторожно опустился на хлипкий стул.

- Я хочу тебя кое о чем спросить, - сказал я, меняя тему. - Зачем ты подделал тест на "Верилизере"? Не притворяйся, что ты этого не делал; я не хуже тебя знаю, что нельзя изменить показания, просто поменяв местами провода на выходе.

На лице Джерри появилась все та же едва заметная слабая циничная улыбка.

- Я так решил, потому что меня тошнит от Гарри Кинга. Ты четвертый, кто видел это заведение; остальных троих оно попросту напугало. Меня твоя верность не интересует, мне нужен помощник. Решение казалось логичным. Мне все равно,

если ты окажешься промышленным шпионом.

Я резко вздохнул; то, насколько небрежно он коснулся моей тайны, выбило меня из колеи, хотя его отношение к делу как будто обнадеживало.

Джерри громко высморкался в грязный носовой платок. Я с отвращением увидел, что платок даже не одноразовый. Джерри сунул его обратно в карман.

- Раз уж ты этого еще не видел, то мог бы ознакомиться с новым трюком. - Джерри встал, и я последовал за ним в другую комнату. Она была совершенно пустой, если не считать большого модифицированного органа "Хаммонд" в центре помещения. Инструмент значительно модифицировали и увеличили, но двойная клавиатура осталась.

- Детектор эмоций, усилитель и блок обратной связи, - сказал Джерри. - Специалисты по дизайну еще с ним не работали, но в остальном он вполне готов. - Джерри приподнял переднюю стенку; я заглянул внутрь и увидел, что внутри устройства находится маленькое мягкое сиденье и панель управления.

- Новый трюк. Марк Нова притворяется, будто играет на этой штуке - вот почему мы оставили старую клавиатуру "Хаммонда" снаружи, - а я

сижу внутри и нажимаю кнопки, которые на самом деле управляют ею. Гарри Кинг полагает, что мода на группы может вернуться, и ансамбли займут места солистов. В некотором смысле, это первый шаг в новом направлении.

- И чем все это отличается от АО? - спросил я.

- Я покажу. - Джерри подключил питание, затем забрался внутрь аппарата. Откуда-то из динамика доносилась музыка. - Это моносенсорная версия последней записи Новы, - сказал Джерри. - Не знаю, как тебе, а мне просто скучно. - Говоря это, он что-то настраивал на панели управления. Я начал ощущать легкую апатию; музыка вдруг показалась мне более банальной, как будто ее ритм слегка изменился, став однообразнее. Я невольно зевнул, когда это ощущение усилилось.

- С другой стороны, некоторые люди считают, что музыка возбуждает. - Голос Джерри, казалось, доносился откуда-то издалека.

Теперь музыка вызывала иные ощущения. Я начал замечать в мелодии что-то волнующее. Ритм казался вдохновляющим. Вскоре мне захотелось танцевать; я был почти безумно счастлив, словно находился под действием наркотика.

Музыка закончилась, и ощущение исчезло.

- Видишь ли, - сказал Джерри, выбираясь из

своего аппарата, - музыка в своей основе эмоциональна. Поп-музыка одновременно очень проста по конструкции и сложна по привлекательности; она оказывает сильное эмоциональное воздействие на слушателя. В прошлом авторы песен инстинктивно чувствовали это; песни Леннона и Маккартни, например, были ранними примерами того, как подростковое счастье вместе с затаенной печалью можно передать в одной и той же мелодической линии. Последние три аккорда в "She Loves You" - лучший тому пример. Ну, как тебе известно, сейчас песни создаются компьютерами, эмоциональное содержание мелодии можно оценивать и контролировать. Сексуальная притягательность стала обязательным элементом. А это устройство выводит систему на новый уровень: оно выбирает индивидуальный эмоциональный компонент в общей реакции, которую музыка вызывает у каждого слушателя. Устройство распознает такие эмоции и ретранслирует. Стимул поступает в мозг в том же виде, в каком был получен, но значительно усиливается. Затем устройство повторно обнаруживает его и ретранслирует. Создается эффект положительной обратной связи. Фокус в том, чтобы настроиться на естественные частоты коры головного мозга.

Я обдумал это.

- А Кинг знает, чем ты здесь занимаешься?

Джерри пожал плечами.

- Он знает, каков результат. Если бы кто-нибудь дал ему атомную боеголовку в спичечном коробке, на него изобретение не произвело бы никакого впечатления - он просто воспринял бы это как очередное чудо науки. Вот как он смотрит на вещи.

- Но последствия... АО использовал существующие аудиовизуально-сенсорные технологии, просто комбинируя их. А здесь у тебя нечто совершенно новое. Разница есть.

Джерри покачал головой.

- Никакой разницы. В этом устройстве используются методы, которые уже применяются в хирургии головного мозга, анализе коры головного мозга, электроэнцефалографии. Они слегка изменены, но не очень сильно.

Я последовал за ним из комнаты обратно в свою спальню. Опыт на меня подействовал, но я уже думал о будущем. Моей компании, "Трендам звука", трудно будет подобрать людей для производства такого оборудования; оно окажется дороже, чем АО, а фирма не может себе позволить и таких расходов. И я сомневался в своей спо-

собности воспроизвести устройство - даже после длительного изучения всего увиденного.

- У меня есть предложение, Джерри, - медленно произнес я. Он сидел на кровати, поглаживая полосатого кота, лежавшего у него на коленях. - Тебе не очень-то нравится империя Гарри Кинга, так?

Джерри покачал головой.

- В каком-то смысле это верно.

Я сделал решительный шаг.

- Я знаю фирму, которая заплатила бы тебе на 50% больше, предоставила бы надлежащее оборудование, гарантированные условия - все, чего ты хочешь, - только если ты уйдешь из фирмы Кинга.

- У меня контракт, Джо.

- Обязательно должна быть какая-то лазейка...

Некоторое время Джерри сидел молча. Он спихнул кота с колен, встал и с трагикомическим видом подошел к окну.

- Есть и другая причина, - сказал он довольно тихо. - Я не могу ссориться с Гарри Кингом. Послушай, это может показаться тебе смешным. Это действительно смешно. Но я без ума от его дочери - с тех пор, как встретил ее. Я люблю ее. Я ничего не могу с собой поделать.

- А я встречался с этой девушкой? - спросил я.

- Она заходила сегодня в студию. В офисе - там, где ты был.

Внезапно меня осенило. Холодная блондинка, которую я принял за секретаршу Кинга. Та, которую звали Джейн.

- Забавно, - продолжал Джерри, - но я всегда воображал себе идеальную девушку. Когда я увидел ее, видение ожило; это было невероятно. В первую очередь, она - единственная причина, по которой я пришел сюда работать. Я просто знаю, что рано или поздно что-то случится...

Я едва не закричал от отчаяния. Ситуация была вдвойне нелепой; Джерри не нравилась фирма, но единственной причиной, по которой он не хотел уходить, был безнадежный романтизм. Что я мог поделать? Я не мог сказать ему, что у него нет никаких шансов с этой девушкой - он, сутулый астматик, специалист по электронике без гроша в кармане, и она, холодная, неприступная красавица, дочь босса. Он, должно быть, и сам все понимал. Если я изложу все как есть, делу это не поможет.

- Ну, - неуверенно сказал я, - подумай хорошенько, Джерри.

Он направился к двери.

- Я заподозрил, что ты из конкурирующей фир-

мы, когда мы только познакомились, и когда я придумал этот тест. В общем, для меня это не сюрприз. Мне просто жаль, что я нарушаю твои планы, Джо. Мои надежды, должно быть, кажутся просто нелепыми. Но почему-то я чувствую, что если подождать достаточно долго, все наладится... - Он на мгновение замолчал, затем успокоился. - Ну все, спокойной ночи.

Я засиделся допоздна, обдумывая проблему. Где-то должно было быть решение, но в тот момент я его не видел. Пусть Джейн - очаровательная особа, судя по тому, что я успел заметить, мужчины эту девушки интересовали мало. Джерри мог бы присоединиться к команде "Трендов звука", если ему каким-то образом удастся жениться на этой девушке, но я просто не видел способа устроить это.

Я заснул беспокойным сном, и мне приснились устройства эмоциональной обратной связи, управляющие всем миром. Подростки, старики и только что родившиеся дети двигались в одном и том же безжалостном ритме бит-музыки; земная кора содрогнулась, и я проснулся, зовя на помощь...

Неделю спустя я был на Трафальгар-сквер под колонной Нельсона вместе с остальной студий-

ной командой; мы устанавливали огромные ряды акустических панелей, ставили проекторы, проклинали холодный ветер и пытались запустить в действие генераторы и микшерные установки. Огромный экран "Диакора", подвешенный над установленной накануне сценой, колыхался на ветру. Был пасхальный понедельник, но весеннее тепло еще не пришло.

К половине четвертого на площади уже столпились подростки, некоторые из них носили соответствующие случаю старинные костюмы, в руках они держали плакаты и листовки - все это напоминало давние сборища борцов за разоружение. Я даже увидел несколько косматых накладных бород.

Последние несколько дней все СМИ освещали это событие как нечто действительно новое, а не просто как очередной АО-концерт Марка Новы. Но мало кто понимал, что новый трюк связан с обновленным органом "Хаммонд", стоящим сбоку от сцены.

Джерри был у своего аппарата; он вносил последние коррективы. Неделя выдалась на удивление напряженной: он устранял ошибки в схемах, знакомил меня с базовыми принципами работы. Гарри Кинг стоял в стороне; он немного

нервничал, потому что устройство обратной связи впервые использовали при большом скоплении публики.

К четырем часам генераторы заработали вовсю, проекторы включились в полную силу, тестирование звуковой системы завершилось успешно. Шоу началось, музыка лилась мощными волнами, зрители кричали и скандировали лозунги, артисты с восторгом исполняли свои номера. Это был обычный пасхальный концерт; устройство обратной связи не использовалось до тех пор, пока в конце не появился Марк Нова. Я следил за камерами, которые использовались для проецирования значительно увеличенных изображений исполнителей на экран над сценой, и время пролетело на удивление быстро. Внезапно я понял, что ведущий, бьющийся в истерике, объявляет последнее выступление; Джерри занимает место у пульта обратной связи; Марк Нова стоит наготове за сценой, бесстрастный и скучающий, как всегда. Я напрягся, боясь, что произойдет какая-то ошибка, что аппарат сломается. Но тут появился Марк Нова, который колотил по подставной клавиатуре "Хаммонда", правдоподобно изображая эпилептика; из динамиков неслась живая музыка; чувственные черты лица, увели-

ченные и подсвеченные, виднелись на экране за сценой; и я понял, что все будет хорошо.

К концу первого куплета я почувствовал, как постепенно, неуловимо нарастает возбуждение. Джерри поначалу сильно сдерживал обратную связь, позволяя эмоциям постепенно нарастать. Танцы и крики в толпе становились все более неистовыми и возбужденными, и хотя мне было известно, что эмоции искусственно усилены, я сам не мог с ними бороться. Море движущихся людей, купающихся в мерцании телевизионных проекторов, покрылось туманом чистого счастья.

Номер закончился, и ощущение исчезло. Я резко вернулся к реальности и вытер пот со лба. Даже Марк Нова, казалось, был слегка взволнован; он на мгновение застыл, прикоснувшись к кнопке обратной связи, прежде чем объявить следующий номер. А потом все началось сначала.

Но на сей раз все обстояло иначе. Сначала разницу было трудно уловить, но потом стало ясно: Джерри переключил базовый селектор на приборе. Машина больше не выявляла и не усиливала элемент счастья. На сей раз аппарат излучал любовь, которая переполняла публику и меня; бессмысленное, всепоглощающее чувство

беспомощной романтической любви. И когда я посмотрел вниз, у подножия сцены, я понял, в чем причина. В толпе была дочь Гарри Кинга, которая выделялась тем, что стояла холодно и неподвижно, в отличие от детей, танцевавших и вопивших по обе стороны от нее. Джерри, должно быть, увидел девушку в первых рядах зрителей, и, когда я почувствовал, как во мне просыпается неподдельная радость и привязанность, я не мог не восхищаться Джерри; я сочувствовал ему и надеялся, что его отчаянный план оправдается. Затем размышления прервались; зрение затуманилось, мозг был парализован. Все, о чем я мог думать - о любви к окружающему миру, ко всем людям, ко всему сущему. Напряжение нарастало - и нарастало. С каким-то отстраненным беспокойством я увидел, как Марк Нова пошатнулся, а затем, подавленный, прислонился к аппарату. Люди в зале падали в обморок. Мне с трудом удалось устоять на ногах.

Со своего места рядом со сценой я видел, как с одной стороны блока обратной связи поднимаются тонкие струйки дыма. Горящая изоляция? Перегрузка аппарата? Внезапно задняя крышка распахнулась, и Джерри, пошатываясь, выбрался наружу, протирая глаза. И все же чувство любви

по-прежнему бушевало во мне и во всех остальных.

Каким-то образом, среди криков и столпотворения, я добрался до сцены и, пошатываясь, подошел к Джерри и аппарату. Внутри я увидел раскаленные катушки. В отчаянии я схватился за кабель питания и выдернул его.

Огромное чувство опустошенности, охватившее меня, было непреодолимым, поскольку всепоглощающая любовь внезапно исчезла. Но исцеление пришло довольно быстро; я едва успел оттащить бесчувственное тело Джерри подальше от Трафальгар-сквер, прежде чем растерянная публика превратилась в разрушительную толпу.

Вернувшись в тот вечер домой к Джерри, мы поговорили о том, что произошло.

- Я видел, что ты пытался сделать, - сказал я. - На самом деле, мне кажется, я более или менее догадывался о твоих намерениях заранее. То, что ты включил в устройство схему выбора "любви", на самом деле выдало тебя.

Джерри улыбнулся без особого энтузиазма.

- А это сработало? - продолжил я. - Машина както повлияла на девушку?

Джерри вздохнул и покачал головой.

- Я хотел использовать устройство в качестве

эдакого любовного зелья двадцатого века. Это была всего лишь смутная идея, понимаешь... просто надежда. Если бы она оказалась там - а Гарри Кинг обычно дает ей место среди зрителей на важных шоу; он ценит ее реакцию, если она появляется там... я и подумал, что самое меньшее, что можно сделать... ну, каким-то образом пробудить ее интерес.

- И ты смог?

- Нет. - Ответ прозвучал глухо, обреченно, как эхо в пустой комнате. - Когда я увеличил интенсивность, стало ясно: это бесполезно. Ее взгляд не изменился, Джо. Она просто стояла там и скучала. И я знаю почему - это заложено в принципах работы машины. Она не внушает эмоции, а усиливает их. Если человек вообще не чувствует любви, то и усиливать нечего. А Джейн не чувствовала любви - совсем.

Я осмотрел мастерскую, сваленное там барахло и оборудование; Джерри сидел на кровати, окруженный всем этим. Зрелище было удручающее.

- Полагаю, тебе очень плохо из-за этого, - сказал я.

Он поднял голову.

- Я чувствую утрату и разочарование. Но вот что забавно, Джо. Должно быть, из-за того, что

ситуация безнадежна, или чего-то в таком роде. Ну... почему-то я чувствую, что больше не люблю эту девушку.

Я почувствовал себя немного неловко, встретившись с ним взглядом, и отвернулся.

- Посмотрим, как ты будешь себя чувствовать завтра, Джерри, - сказал я, вышел из комнаты и отправился спать.

Конечно, все это в прошлом; три месяца уже прошло. А в нашем бизнесе три месяца - это чертовски долгий срок. Прошло достаточно времени, чтобы империя Гарри Кинга обанкротилась, погрязнув в долгах, а Джерри покинул фирму и девушку и перешел в "Тренды звука", как мы и планировали изначально.

Сейчас наша компания стремительно развивается; новый эмоциональный отклик распространяется по всей стране. Мы с Джерри по-прежнему работаем вместе и прекрасно ладим. У нас есть отличная идея на тот случай, если фокус с обратной связью устареет.

Я знаю, что Джерри иногда вспоминает о прошлом - и я все еще чувствую себя в некотором смысле виноватым из-за метода, который использовал, чтобы избавить Джерри от фирмы Гарри Кинга. Возможно, когда-нибудь, когда

мы узнаем друг друга получше, я расскажу ему, что произошло на самом деле - догадавшись о его плане использовать устройство, чтобы пробудить любовь в девушке, я накануне вечером поспешно внес в аппарат некоторые изменения. Я добился того, чтобы внутри устройства вместо электрического преобразования и рассеивания создавалось поле противоположной полярности, чем при передаче эмоций.

Я исправил это так, что при выборе компонента интенсификации любви, поле, транслируемое вовне, уравновешивалось отрицательным полем внутри устройства. Так что, когда в пасхальный понедельник Джерри усилил любовные эмоции, он сам почувствовал нечто прямо противоположное: не ненависть, а отрицание любви.

Это был неуклюжий, отчаянный план, и как бы то ни было, мои модификации вывели из строя несколько цепей и привели к почти полной перегрузке устройства.

Но план сработал. Когда-нибудь, когда Джерри вспомнит прошлое и попытается понять, отчего так внезапно исчезла его беспомощная романтическая привязанность к девушке, я расскажу ему правдивую историю.

Томас Диш
Три рассказа

Состязание{3}

The Contest
Микрорассказ, 1967 год

- Нет.

- Вы не дали мне досказать.

- Все равно нет.

- Но мне не нужны деньги... мне просто хотелось поговорить.

- Сами с собой и разговаривайте.

- Все равно я вас нагоню. Если, конечно, вы не станете звать полицейского...

- Карманник вы или коммивояжер, даже если просто сигарету клянчите - все равно нет.

- Давайте сделаем вид, будто я человек.

- Тогда у нас не было бы ничего общего.

- Ладно, считайте меня какой-нибудь диковиной: деталью уличного пейзажа, ходячим артефактом. Видите, я уже перенял вашу манеру. Встречные подумают, будто мы беседуем о коммерции, военных тайнах, обычных банальностях.

{3} Комментарии: 3
Перевод А.Гузмана

Они миновали теннисный клуб и отразились в зеркальном фасаде Сигрэм-билдинг. Глубоко под ногами у них беззвучно текли к океану канализационные воды.

Совершенно случайно костюмы на обоих мужчинах были одинаковые. С верхних этажей здания "Пан-Ам" их было практически не видно: с такой высоты все костюмы кажутся одинаковыми.

Мужчина, что помоложе, не такой словоохотливый, наступил на собачью колбаску и поморщился. Спутник его улыбнулся.

- Перефразируя известного поэта, - произнес он а-пропос{4} новой неприятности, будто та была вводным предложением к длинной реплике, - кажется, Гёте - можно сказать, что архитектура - это застывшие экскременты.

- Архитектура --это пустые пространства между.

Они остановились и принялись разглядывать эти пустые пространства. Свет, звук, электромагнитные волны и энергия органов состязались за право привлечь их внимание. Где-то сигналил самолетам неисправный тостер. Каждые пять

{4} Комментарии: 4
A propos (лат.) - сообразно.

минут рождался дефективный ребенок, но повсюду куда быстрее собирались кибернетические машины.

- Мы могли бы рассказывать анекдоты, - продолжал тот, что постарше. - Играть в игры. Участвовать в состязаниях. А если вас все еще волнует денежная сторона - вот смотрите: пятьдесят, шестьдесят, семьдесят долларов да еще кредитные карточки. Кстати, это значит, что первое состязание выиграл я, так?

- Я не соглашался участвовать.

- Вы хотите, чтоб у нас не было ничего общего, но как ни крути, а остается некое общехристианское начало. Мы оба читали Достоевского. Мы оба можем, если того пожелаем, изощреннейше испытывать вину по поводу множества проступков, которых не совершали. Мы не одобряем геноцида и, возможно, ядерных испытаний.

- Начало там, не начало - ныть-то хватит. Хорошо, уступаю: анекдот можете рассказать. Но только при одном условии: стоит хоть раз запнуться, и вы проиграли. Тогда вы отстанете.

- Когда будет ваша очередь, условия те же.

- Начинайте.

- Когда-то я знал одну девушку. Она уже умерла, покончила с собой. Не из-за меня, разумеется,

хотя у нас была любовь. Нет-нет, не судите так скоро - честное слово, это анекдот... Дело было в начале пятидесятых. Вряд ли вы хорошо помните то время. Я служил завхозом в одном жилом многоквартирном доме на Ист-Энд-авеню. Не сказал бы, чтоб я был сильно загружен работой, - да и ту старался по возможности перепоручить привратникам, дворникам да уборщицам. Аж с самой демобилизации не бывало у меня столько свободного времени... Я повстречал ее на Юнион-сквер. В те дни еще бродил, витийствуя, призрак старого радикализма...

- Какая банальность. За языком бы последили.

- Старики, неугомонные пораженцы, постоянно под наблюдением, как омары в ресторанной витрине, ни тени страха личной вины, иногда даже чем-то симпатичные... впрочем, последнее не обязательно. Неплохая метафора насчет омаров?

- Продолжайте.

- Что до меня, то политикой я не увлекаюсь, но даже сторонний наблюдатель мог ощутить, насколько накалена атмосфера. Нет, я не о бомбе. Это уже ваше поколение на все глядит сквозь прицельные стекла.

Дойдя до 46-й стрит, они повернули к Ист-ривер. Туристы дивились безмерности города сквозь

фотокамеры; "12.05 ровно" сменило на табло " 12.04 и 50 секунд". Тостер изверг два хрустящих ломтика ржаного хлеба, не потерявшие свежести благодаря незримому присутствию формальдегида. Над решетками канализационных люков загадочно курился пар. Тот, что постарше, снял с плеча своего спутника хлопковую нитку.

- Она слушала витийствовавшего с импровизированной трибуны одного из таких сгинувших призраков, будучи не в состоянии затеряться в редкой толпе.

- В одинокой толпе? - издевательски переспросил спутник.

- То, что толпа была редкая, позволило нам друг друга увидеть. Она невысоко приподняла руку, словно бы приветствуя меня - нет, словно бы хотела представиться тайным знаком, жестом сопричастности. Но потом передумала. Должно быть, ей пришло в голову, вдруг я не наш агент, а агент-провокатор.

- Коммунистка!

- Что вы, куда там. Уверен, она тоже была сторонним наблюдателем. Просто опережала историю. Она до смерти боялась ФБР, французских шпионов, дорожной полиции, моряков, мафии, всего на свете.

- Но почему?

- Впечатлительность. Я представился. Она подозревала мои истинные мотивы, но, с другой стороны, любые мотивы - даже мысль о том, что могут быть какие-то мотивы, - были ей крайне подозрительны. Но, по крайней мере, она согласилась со мной отзавтракать.

- А потом что, союз любящих сердец?

- Ну, насколько там вообще можно было говорить о сердце...

- Может, ей надо было себя скомпрометировать.

- Если она соглашалась зайти ко мне (а к себе не пускала никогда), то лишь приняв самые изощренные меры предосторожности. За ней повсюду следят, уверяла она не говорила, а шептала - так, чтоб ее нельзя было записать на микрофон. Она боялась спать - а вдруг я стану рыться у нее в сумочке или сообщу в полицию. Причем во всем этом она признавалась открыто - и все равно как-то не похоже, что она мне доверяла, даже тогда. Ей все казалось, будто я пытаюсь подвести ее к какому-то предательству.

- К какому?

- В этом она так и не призналась. Покончила с собой раньше. Но самое любопытное случилось

уже потом. Как-то пришел расспрашивать меня о ней один фэбээровец. То есть, это я думал, что он фэбээровец, но это вполне мог быть и какой-нибудь шпион, работавший под фэбээровца. Отличить я все равно не отличил бы.

- И что вы ему рассказали?

- Все, что знал, хотя сомневаюсь, чтоб это ему помогло. По возрасту он ей в отцы годился.

- Может, это и был ее отец.

- Такую возможность я тоже учитывал. Об интимных подробностях я особо не распространялся. Я признался в дружбе, но не в страсти.

- В вашем рассказе несомненно должна быть мораль.

- Пожалуйста: если что и позволило любви уцелеть в нашем обществе, то как раз его тоталитарный характер. Мы дали друг другу обеты под страхом пытки.

- Я удивлен, что она не предпочла самоубийству лоботомию.

- Как же, докторов она тоже боялась.

Вдоль по всей улице витрины, казалось, тщатся игнорировать замысел архитекторов, явленный верхними этажами. Куда ни посмотри, всюду, ветвясь, тянулись бесконечные непознаваемые узы, родственные связи, прицельные шкалы. Не

оставалось выбора, кроме как игнорировать их.

Тот, что помоложе, остановился, разглядывая витрину.

- Теперь ваша очередь.

- С меня довольно, - отозвался тот, что помоложе (бывший, разумеется, тайным агентом). В знак своей любви он дважды выстрелил М** в сердце, то есть в левую сторону груди. В грохоте выстрелов явно был какой-то код.

Пустая комната{5}

The Empty Room
Микрорассказ, 1967 год

С низкого потолка, загибаясь, свешивались серые пласты штукатурки. Тадеуш положил ладонь на шерстистое бедро Дианы.

- Тебе нравится? - поинтересовался он. Бедро неопределенно дрогнуло.

Линолеум напоминал исполинскую плетенку. Основа и уток были желтовато-коричневые - соломенного и горчичного цвета, соответственно. На стене криво висела порыжевшая раковина.

- Вряд ли нам удастся найти что-нибудь получше, - произнес он.

- Вряд ли, - неуверенно отозвалась Диана. Вывернувшись из-под его руки, она подошла к открытому окну

Он с улыбкой разглядывал ее, воображая, будто бы она просто курит сигарету. Роскошную шевелюру ее, светлую, как лимонная кашица, колыхал нежный ветерок.

{5} Комментарии: 5
Перевод А.Гузмана

Глубоко под обоями пришла в движение штукатурка и ссыпалась с громким сухим шуршанием.

- Конечно, мы все равно будем искать что-нибудь получше, - проговорил он.

Ей было двадцать семь или двадцать шесть. Если не считать лета, когда она работала в Нью-Джерси, всю жизнь Диана жила в Нью-Йорке.

- Стулья мы купим, - сказала она. - А раскладной диван даст Натан, он обещал на прошлой неделе.

Тадеуш с готовностью закивал.

- А ты закажешь еще один набор ключей, - равнодушно продолжала она.

- Для тебя, - уточнил он.

- Для меня, - кивнула она. - Тогда все будет как по-настоящему.

- Это всего лишь временно, - очередной раз принялся успокаивать ее Тадеуш.

Конечно же, это была ложь - но врал он не столько ей, сколько себе. В свои сорок восемь, без определенной профессии - найти работу лучше, чем сейчас, ему явно не светило.

Тадеуш занимался тем, что одалживал (на временной основе) свой мозг небольшим компаниям, которые не могли пока позволить кибризации полный рабочий день. Можно сказать, по аналогии, что работал он электронно-лучевой

трубкой.

Диана состроила рожицу, неузнаваемо отразившуюся в закопченном стекле.

- Кто это? - поинтересовался он.

- Ты, - ответила она. - Илия.

Тадеуш отворил дверь тесного туалета. Фаянсовый унитаз увенчивал черный пластмассовый стульчак.

- Как-то большего, - задумчиво проговорил он, - ожидал я... от жизни.

- Точно; по крайней мере, я думала, будет хоть повеселее, - отозвалась Диана, сняла пальто, скатала в тугой рулон и уложила на линолеум. Усевшись на скатанное пальто, она принялась стаскивать туфли.

В открытое окно ворвались звуки песни, словно клубы дыма. Тадеуш ругнулся и захлопнул раму.

- Символично, - сказала Диана.

- Мы сами виноваты, - произнес Тадеуш.

- Нет, - сказала Диана и добавила после паузы: - Мне так не кажется.

Она сняла меховые чулки. От холода ноги тут же покраснели, покрылись гусиной кожей. Тадеуш представил Диану в кровати: между черных простыней высовывается длинная белая нога... Он помог расстегнуть на спине молнию платья.

- Ты действительно любишь меня, - спросила она.

- А как же, - ответил он.

Она поднялась, и он помог ей стянуть через голову платье.

- Откуда ты знаешь? - поинтересовалась она.

- Я полюбил тебя с первого взгляда.

Она кивнула; сняла бумажные лифчик с трусиками и протянула ему. Он спустил их в унитаз. Она достала из сумочки новый комплект.

- А я не уверена, что люблю тебя, - сказала она.

- Ничего, - сказал Тадеуш. - Главное, что ты со мной.

- Ты боишься остаться один? - спросила она.

- Нет, - ответил он. Она снова натянула платье.

- Жаль, я не могу позволить себе что-нибудь новое и красивое из одежды.

- Это платье очень тебе идет, - сказал он.

- Спасибо.

Крупный пласт штукатурки обрушился с потолка в раковину, обнажив неровных очертаний фрагмент оплетки и проволочной сетки. Тадеуш выругался.

- Надо попросить хозяина, пусть сделает что-нибудь с потолком, прежде чем мы въедем, - произнесла Диана.

Тадеуш закивал, прекрасно понимая, что дело это безнадежное. Диана вновь опустилась на скатанное пальто и принялась натягивать чулки из белого синтетического меха.

- Наверняка это очень старое здание.

- Слушай, - сказал он, - вода так до сих пор и льется.

- Ну так поправь.

Он зашел в крошечную ванную комнату и поправил цепочку. Литься вода прекратила. Диана оставила поднятой черную пластиковую крышку стульчака, и Тадеуш заглянул в прозрачную лужицу на дне белой фаянсовой чаши. Ему представился лилипутик (в воображении его - неопределенного пола), плавающий в крошечном водоеме. Потом ему представилось, как спускают воду и лилипутика затягивает в трубы. Он попытался представить, что будет потом, но дальше его воображение не пошло.

- Я готова, - сказала Диана.

Когда он вышел, на ней уже было пальто из чего-то вроде твида. Он поцеловал ее.

- Ты меня любишь? - спросила она, искоса поглядывая на него.

- А как же, - ответил он и добавил: - Ну что?

- В смысле?

- Берем или ищем дальше?

- Берем, - ответила она. - Мне нравится.

- Это всего лишь временно, - сказал он. - Ничего, подкрасим немного, повеселее хоть станет.

- У тебя не найдется таблетки? - поинтересовалась она. Он дал ей одну желтую. Ее передернуло.

- Знаешь что, - произнес он, направляясь к двери по соломенно-горчичному полу, ступая только на плетенку и ни в коем случае не на основу или уток, -...может, оно и действительно так.

- Что так?

- Может, я действительно боюсь остаться один.

- Ну конечно, - сказала она. Когда они вышли, комната опустела.

Погружение "Вест-Энда"[{6}]

The Descent of the West End
Микрорассказ, 1967 год

Когда судно начало тонуть, миссис Ниэри в своей отдельной каюте предсказывала по ладони судьбу молодому коридорному арийской крови.

- Видите, линия жизни прерывается, - сообщила она ему. - Вы умрете молодым.

- Ja?[{7}]

Вздохнув, она взъерошила его короткие светлые волосы.

- Откуда нам знать, - задумчиво молвила она, - когда пробьет наш час. Трагедия может поджидать за любым углом, а море... море шутить не любит. - Она игриво пробороздила ногтями беззащитную мякоть его открытой ладони, еще немного укоротив линию жизни. - Ich liebe dich[{8}], - с придыханием прошелестела она еле слышно.

{6} Комментарии: 6
Перевод А.Гузмана

{7} Комментарии: 7
Ja? (нем.) - Да?

{8} Комментарии: 8
Ich liebe dich (нем.) - Я люблю тебя.

- Так будем же, как говорят поэты, вкушать плоды весны на свете этом. Негоже сердцу на запоре быть.

- Ja, aber ich muss gehen{9}.

Коридорный верил предсказанию миссис Ниэри, потому что ей было лет семьдесят и напоминала она цыганку из оперетты Штрауса, а коридорный был молод и фаталист. Тем не менее, всему есть границы, и миссис Ниэри была самой что ни на есть границей.

- О нет, mein Liebchen{10}. - стонуще выдохнула она. - Не уходи, не покидай меня. Ночь так юна, а ты такой...

Стук в дверь не дал миссис Ниэри закончить; стучал мистер Ниэри.

- Дорогая, - объявил тот, - корабль тонет. Выйди, взгляни.

- Я занята, любовь моя! - крикнула через дверь миссис Ниэри, помогая коридорному укрыться в пустом дорожном сундуке, приберегаемом как раз для экстренных случаев. - И волосы мои в жутком беспорядке. - Волосы ее лежали на туалетном столике, дожидаясь, пока их причешут.

{9} Комментарии: 9
Ja, aber ich muss gehen (нем.) - Да, но я должен идти.

{10} Комментарии: 10
Mein Liebchen (нем.) - мой любимый.

Мистер Ниэри - или Альфредо, как звали его друзья в Милане, - вернулся в судовой бар, где всемирно известный ирландский поэт читал вступительную главу своего первого романа, из предполагаемой трилогии, недавно инсценированного. Теперь знаменитый поэт направлялся в Манхэттен на премьеру - или, по крайней мере, так ему представлялось. Альфредо пришлось встать за стойку и смешивать напитки самому, так как бармен и все местные завсегдатаи перекочевали в спасательные шлюпки.

- Вот слова, - говорил поэт, - два слова, одно, может, три слова, да, три слова только, именно три слова, все вместе, сперва одно, первое слово, затем другое и наконец, через некоторое время, последнее...

- Последнее слово? - с надеждой потребовал Альфредо у своего рома с колой.

- ...Последнее из трех, третье, все три слова вместе в пространстве, здесь, вот в этом пространстве, наполняют его, начинаются от края пространства, тянутся через середину до другого края, пока незримого...

Пока поэт зачитывал слова эти себе и Альфредо - которому, несмотря на итальянское происхождение, явно не хватало классического образования,

- штурман препирался с капитаном "Вест-Энда", не юнцом уже, но еще и далеко не стариком, который командовал в одну из недавних войн эсминцем. Эсминец, к вящей капитанской досаде, был отправлен со всей командой на дно близоруким камикадзе.

- Сэр, - начал штурман, тщательно выбирая слова, - судно в самом деле тонет.

- Да-да, я в курсе, судно тонет, очень смешно. Может, на нас налетел айсберг? И машинное отделение затоплено, котлы вот-вот взорвутся? И шлюпок на всех не хватает?

Хоть евреем капитан не был, чувство юмора у него было как раз то, что зовут еврейским.

- Нет, сэр, - другое судно.

- Что другое судно? Отвечайте по существу.

- Другое судно налетело на нас, сэр. Мы тонем.

- Что ж, хоть какое-то разнообразие. На прошлой неделе это был айсберг. Можно по"думать, "Титаник" - единственное на свете судно, которое утопло. Или правильней затопло?

- Затонуло, сэр. Как "затонувшие сокровища".

Капитан повернулся к штурману спиной и снова углубился в газету.

- Ну выйдите на мостик и посмотрите сами! Пожалуйста! Мы же тонем! - умоляюще пропел

штурман, хотя петь не умел. - Спасайтесь!

- Волк! Волк! Волк! - передразнил его капитан. - Нет уж, увольте, сколько можно; пусть это послужит вам уроком. А теперь не мешайте. Я читаю "Филадельфия Инкуайэрэр". Если так уж невмоготу кого-нибудь разыграть, идите к телеграфисту. Он у нас доверчивый.

Телеграфисту, который был занят тем, что передавал речь поэта одному газетному синдикату - какому именно, пока не подлежит разглашению, - было не до штурмана.

- Отстаньте от меня, - огрызнулся он, дробью точек и тире отбивая в эфир послание поэта, - до другого края, пока незримого, незримого для кого, для меня, например, отстаньте от меня, незримого для меня, обозревающего края слов, что заполняют совместно это пространство, рядами, ряд над рядом, ряд под рядом, так же, как тянутся сами слова, одно, затем другое, и совсем другие по обе стороны от этих двух, так что я могу, обозревая слова, зрить вверх или вниз, вправо или влево...

В наушниках настала мертвая тишина, так как несколько тонн соленой воды только что захлестнули судовой бар, утопив поэта с Альфредо и оборвав связь.

Тем временем у миссис Ниэри были проблемы с замком дорожного сундука, куда она спрятала молодого коридорного. Замок, оказывается, захлопнулся, а миссис Ниэри никак не могла отыскать ключ, беспечно оброненный где-то на полу их с мужем отдельной каюты; соленая пена бурлила уже футах в четырех над полом.

- Ich muss geben! - все повторял молодой коридорный в несколько истеричной манере, одновременно молотя изнутри кулаками в прочные стенки сундука.

Миссис Ниэри решила, что искать ключ - дело неблагодарное, и поднялась на палубу, забыв от волнения про свои волосы, что остались лежать на туалетном столике, колыша роскошные локоны на свежем морском ветерке, который ворвался в каюту, когда миссис Ниэри отворила дверь.

День был чудесный, как раз из тех, когда ни капельки не жалеешь, что отправился в путь морем. Воздух был теплый, на небе ни облачка, морская гладь зеркально-недвижна, несмотря на ветерок, игриво колыхавший локоны.

"Какой чудесный день, - подумала миссис Ниэри. - Интересно, где Альфредо? Он мог бы помочь с сундуком".

Альфредо тем временем лениво дрейфовал футах в трех под потолком судового бара, под вделанными заподлицо плафонами, проплывал островки розового света, что льстиво сглаживал черты его итальянского лица, и без того уже сглаженные и неоднократно обольщенные. Листы рукописи поэта можно было увидеть (будь кому видеть) пляшущими на воде - один, затем другой, вверх, вниз, все вместе, будто лепестки непомерно крупного цветка, дрейфующего в ленивых водах голубой лагуны на каком-нибудь тропическом острове. Самого же поэта увидеть было нельзя (будь кому не видеть), так как, подобно гидростату или водорослям на дне вышеупомянутой лагуны, он маячил в глубине, на поверхность не показываясь, запутавшись в микрофонных проводах.

Приемник в рубке у телеграфиста весь изошел на точки и тире: "ВЕСТ-ЭНД ЗПТ ВЕСТ-ЭНД ЗПТ ПРИЕМ ТЧК СРОЧНО ПРИМИТЕ МЕРЫ ЗПТ ПРЕРВАЛАСЬ ТРАНСЛЯ"ЦИЯ РЕЧИ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНОГО ПОЭТА ТЧК ВЕСТ-ЭНД ЗПТ ВЕСТ-ЭНД ЗПТ..." И так далее.

Телеграфист был в отчаянии. Случилось ЧП национального, нет, интернационального масштаба. Сбой (пусть и не по вине телеграфиста) в

передаче газетному синдикату выступления поэта (в синдикате почему-то были уверены, что оно имеет какое-то отношение ко внешней политике Ирландии) грозил телеграфисту увольнением. И не просто грозил, а наверняка грозил. А у него жена и дети, и хорошую работу тяжело найти.

Нерешительно, затем с преступной, головокружительной скоростью он принялся передавать:

- ...влево и вправо, вниз и вверх, даже по диагонали, или, если устану, остановиться, изучить одно слово, любое слово, может, это, или любое другое слово, разницы никакой, ну чисто для примера вот это слово, СЛОВО, пристально разглядеть его, выяснить строение, СЛОВО, с, л, о, в, о, или, справа налево, о ,в ,о ,л ,с ,ОВОЛС, потом кверх ногами, так вот. - И так далее.

- Вы не видели моего мужа? - поинтересовалась миссис Ниэри у штурмана, который спешил к капитану испрашивать позволения спускать на воду спасательные шлюпки с выжидательно замершими пассажирами. - Ему лет двадцать, и он такой весь из себя итальянец, понимаете, о чем я?

- Извините, мадам, нет, не видел. Может, он в какой-то из шлюпок.

- Очень может быть. Буквально минуту назад

он сказал мне, что корабль тонет, и с того времени я его не видела.

- Судно в самом деле тонет, - объявил штурман, тщательно выбирая слова. - Море шутить не любит. Откуда нам знать, когда пробьет наш час.

- Правда, святая правда! Вы прямо изо рта у меня слова выхватываете... Будьте так до"бры, помогите, пожалуйста, вытащить из каюты сундук, раз уж никак не найти мужа...

- Прошу прощения, но у меня срочное дело к капитану.

Миссис Ниэри постеснялась объяснять, что в сундуке коридорный, - может, тогда штурман и передумал бы. Ободряюще помахав ему на прощание, она вернулась в их с мужем отдельную каюту и обнаружила, что сундук плавает примерно в футе над полом. Словно дитя, забавляющееся с игрушечным корабликом в Люксембургском саду или в садах Тюильри, или словно полинезийская дева, пускающая лепестки непомерно крупного цветка по воле голубых волн какой-нибудь тропической лагуны, миссис Ниэри сманеврировала сундуком на мелководье каюты и вырулила на палубу. Послеполуденное солнце пригревало ее морщинистое лицо, а позади, на туалетном столике, морской ветерок ерошил ее волосы.

- Какой чудесный день, - снова задумчиво молвила она. - Интересно, где Альфредо?

- Нельзя в шлюпку с багажом, - терпеливо объяснял миссис Ниэри бармен, которого штурман назначил в свое отсутствие главным на посадке.

- Но там все мое самое ценное!

- Человеческая жизнь дороже любых ценностей, - отозвался тот с морализаторским пылом. Бармен был из Франции и к человеческому достоинству относился как истинный француз.

Тем временем юный ариец в сундуке задохнулся, исполнив предсказание миссис Ниэри с арийской пунктуальностью.

Возвратился рассерженный штурман:

- Он не желает меня слушать.

- Вы объяснили ему, что корабль тонет?

- Да, но он не желает слушать. Может, все равно шлюпки спустить? - предложил он.

- По-моему, чертовски дельная мысль, - высказался со своей скамьи в шлюпке один пассажир (он был пьян).

- Нет, это был бы мятеж, - с типично французской лаконичностью решил бармен. - Но можно спеть. Петь никто не запрещает.

Миссис Ниэри вызвалась быть запевалой.

- Ближе к тебе, мой Боже{11}, - с вожделением затянула она.

Когда корабль со всей командой и пассажирами затонул, капитан отправился на дно вместе с ним. И так далее.

{11} Комментарии: 11

"Ближе к тебе, мой Боже" - один из самых распространенных христианских гимнов; написан в 1841 году Сарой Флауэр Адамс (1805 - 1848). По преданию, исполнялся оркестром на "Титанике" в момент погружения.

Джордж Коллин

Необычайные приключения Мартина Борга

The Singular Quest of Martin Borg
Рассказ, 1965 год

В разгар суровой зимы, когда земные колонисты на Борге IV умирали как мухи, а аборигены плодились, как кролики-веганы, у которых период вынашивания составляет всего десять дней и выводки получаются очень крепкими...

В разгар зимы на Борге некий рэкетир по имени Алан Фирмоул ожидал депортации с планеты вместе с двумя ящиками цветов лис, которые остались непроданными из первоначальной партии в двенадцать ящиков.

Этот цветок, лис, в распространении которого Фирмоул в то время принимал активное участие, появился в результате скрещивания орхидеи и венерианской дьявольской лилии, после кропотливой и неустанной работы трех поколений садоводов; итоговым результатом стало создание уникального аромата, малая доза которого могла

повергнуть человека в коматозное состояние запредельного счастья; наступившее блаженство избавляло потребителя от таких незначительных телесных забот, как прием пищи и сон, и неизбежно приводило к летальному исходу. В любом другом месте обитаемой галактики у человека хватило бы здравого смысла держаться от лиса на расстояние парсека, но, как справедливо подозревал Фирмоул, земляне-боргианцы готовы были сражаться друг с другом за право приобрести оранжево-золотые цветы.

Сам Борг IV представлял собой замерзшую груду глины и камней, которой требовалось восемьсот дней, чтобы совершить оборот вокруг рассыпающегося красного карлика; зима здесь длилась семьсот дней, а лето - всего сто; летом температура поднималась до рекордно высокой отметки в минус двадцать градусов по Цельсию, и никто в здравом уме не поверил бы, что возможна такая минимальная зимняя температура, как на Борге. Для двадцати восьми тысяч трехсот тридцати жителей Земли, закабаленных рабов Межпланетной горнорудной корпорации, численность которых сокращалась каждую зиму, величайшее счастье, какое только можно вообразить, вряд ли стало бы достаточной компенсацией за их

обычные страдания.

Фирмоул успешно вел дела, извлекая прибыль в четверть миллиона кредитов из "легкой и приятной смерти", прежде чем жандармерия Космического агентства задержала его за торговлю наркотиками, вымогательство, незаконное владение экспериментальными растениями, крупную наживу и вмешательство во внутренние дела МГК, которая принадлежала Агентству.

А еще была Марти Марта, изысканная танцовщица из Запретного города удовольствий Хили, которая, благодаря воле Великих умов, не подчинялась никаким законам, созданным людьми, которая никогда в жизни не носила больше одного лоскутка одежды и не собиралась одеваться сейчас. В то время она путешествовала по известной галактике на борту космической яхты "Йохохо" в качестве наложницы Уолтера Пикселла, известного производителя печенья. Или, по крайней мере, она путешествовала до тех пор, пока не вышел из строя третий блок управления ионным двигателем, а "Йохохо" попал во внешнюю атмосферу Борга IV, что вынудило яхту отправиться в негостеприимный мир для срочного ремонта. В минутной вспышке гнева Марти высказала мистеру Пикснеллу все, что она

думает о его яхте, его терминалах, выбранных им планетах и о нем самом, а Уолт в ответ шлепнул ее по одной из самых мясистых и непривлекательных частей тела и велел никогда больше не отсвечивать в его шлюзе.

Таким образом, получилось так, что она сидела рядом с Аланом Фирмоулом в зале ожидания космического порта Борг-Сити, который для этого места был довольно теплым - благодаря отоплению там поддерживалась комфортная температура на пять градусов выше уровня замерзания воды. Марти сидела там, ожидая следующего корабля, отправляющегося в дальний путь, сидела на чемодане, в котором хранился ее личный гардероб из пятисот двадцати семи нитей, украшенных драгоценными камнями - но в данный момент она выглядела не слишком эстетично, поскольку дрожала и покрывалась синей гусиной кожей.

Затем эти двое начали непринужденно и дружелюбно беседовать, как и подобает попутчикам и товарищам по несчастью; она отметила суровость холода, он подчеркнул преимущества теплой одежды, а она ответила, что у нее есть вырезки из газет 53 далеких звездных систем, каждая из которых подтверждала, что у нее самое

красивое тело в известной вселенной - неужели он предлагает ей отказаться от всех совершенств, скрыв их только потому, что плоть временно поддалась слабости? С этого момента они перешли к разговору о дальнейшем и лучшем, разговор продолжался даже тогда, когда они были уже далеко от Борга IV - на борту корабля "Аврора", принадлежавшего компании "Кейп Кеннеди лайн" и направлявшегося к Тау Кита. И со временем, когда ей стало скучно, а он разочаровался в собственной свободе, а она одевалась так же легко, как и раньше - их разговоры приняли неизбежный оборот, и через девять месяцев после этого Марти Марта родила сына.

Мальчика она назвала Мартином в свою честь, и Боргом - в честь планеты, где она встретила его отца. Возможно, Марта назвала бы ребенка Фирмоулом, но к тому времени ей было очень трудно вспомнить имя человека, с которым она свела столь мимолетное знакомство.

В то время, когда ребенка почти отняли от груди, ей предложил "дружбу" Себастьян Скрим, самый богатый неженатый мужчина в галактике, но, естественно, близость их отношений была омрачена существованием у нее сына. Именно для того, чтобы укрепить эти отношения, Марта

использовала четверть миллиона кредитов, которые Фирмоул оставил на хранение до своего освобождения из тюрьмы Тау Кита, и купила необитаемый планетоид в Тектоническом провале и пять подержанных роботов-ветеринаров, переделанных для ухода за детьми, и оставила младенца на их попечение.

Надо отдать должное Марти Марте, которая не была создана для материнства, и добавить, что со временем она твердо намеревалась вернуть себе ребенка или, по крайней мере, изменить инструкции роботам. Однако, к несчастью, она и Скрим погибли во время катастрофы "Ариадны" в 98-м году, когда пять материализовавшихся космических кораблей попытались занять один и тот же участок космического пространства в один и тот же момент времени, и юный Мартин Борг, которому как раз исполнилось три года, остался сиротой.

Так Мартин, единственный человек в своем миниатюрном мире, вырос красивым и сильным, унаследовав неиспользованный умственный потенциал отца и мужественную версию ошеломительной красоты матери. И роботы, словно компенсируя пренебрежение родителей, хорошо за ним ухаживали. В полном соответствии с

инструкциями, они кормили его из бутылочки, купали, посыпали тальком, меняли подгузники, читали ему детские стишки, пели колыбельные, гладили и шлепали. Эти услуги роботы продолжали оказывать, когда Мартину исполнилось двадцать пять лет. Круглолицый парень, шести футов ростом и четырнадцати стоунов весом, лежал в своей кроватке и смотрел на вездесущие звезды.

Tabula rasa в состоянии полной готовности.

Люди зависят от других в развитии тех качеств, которые мы считаем исключительно человеческими. Человеческая природа должна быть усвоена и не может быть усвоена иначе, как посредством социального взаимодействия.

Ньюкомб. Социальная психология.

Что бы ни говорили о жителях Денеба X, приходилось признать, что они отличались страстной заботливостью. Похоже, что какое-то чуждое воздействие излучения солнца Денеба на жителей его десятой планеты чрезмерно возбудило доли их мозга, отвечавшие за сострадание.

Денеб-Сити был галактическим центром для двух миллионов и восьмидесяти одной благотво-

рительной организации, и только на Хаверстоун-сквер располагались учреждения, занимавшиеся борьбой с голодом, расовыми предрассудками, наркоманией, нетерпимостью, несправедливостью, сибирской язвой, неграмотностью, рабством, крепостничеством, андроидизмом и жестоким обращением с животными, роботами, детьми и незамужними матерями. Денеб Х был единственной планетой в галактике, где апатия считалась уголовно наказуемым деянием и где неосторожно произнесенные слова "Мне все равно" могли закончиться для человека пожизненным и абсолютным остракизмом.

Из этого следовало, что немногие денебианцы покидали пределы планеты, потому что, с одной стороны, их чувства слишком сильно страдали из-за того, что они сталкивались со слишком большим количеством несправедливостей одновременно, а с другой стороны, многие планеты, чье терпение истощилось из-за постоянных протестов против обычной тамошней деятельности, отказывали всем денебианцам во въездных визах.

Таким образом, Тектонический Провал стал зоной отдыха для туристов с Денеба. Этот Провал, огромный разлом, а точнее - бездна, тянущаяся

от края галактической линзы и устремленная к центру, чернота, окруженная сияющими рифами разноцветных звезд, отличалась необычайными природными красотами; дополнительное преимущество для денебианцев состояло в том, что Провал был полностью свободен от звездных систем и сопутствующих им обитаемых планет. Стерильное место, где нет страдающих живых существ.

И все же не совсем стерильное - потому что в центре ее, подобно жемчужине в солитере, висел одинокий белый карлик с единственным планетоидом на орбите. Планета без названия, по-видимому, принадлежала некой Мартите Марте, танцовщице, ныне покойной.

Именно потому, что планета была явно невостребованной и очевидно необитаемой, госпожа Анакурна Блиц, президент Денебианской лиги "Матери против безнадзорности", посчитала, что высадиться здесь можно безопасно - и таким образом настал конец детству Мартина Борга.

Внизу простирался жемчужно-серый мир, мир туманов и угрюмых вод. Наверху было царство розовых облаков и золотых лестниц солнечного света; солнечные лучи в клубящемся тумане казались золотыми нитями, протянувшимися

сквозь серый тюль. Это был мир негативов, мир настолько иллюзорный, что, казалось, у него не могло быть твердого ядра, и от поверхности сферы к другой поверхности можно было плыть или скользить сквозь незаметный и неощутимый эфир.

Это был мир, созданный для дриад и нимф - неземных существ, все движения которых казались фрагментами изысканного танца. Госпожа Блиц отличалась огромным ростом, бронзовой кожей и развитой мускулатурой - это было характерно для ее расы. Она возвышалась над крошечным миром подобно колоссу, перекидывающему мост через гавань Родоса. Существа, которое меньше подходило бы для этого места, представить попросту нельзя.

И все же именно она заглянула в устье долины и увидела пластиковый пузырь, уединенное гнездышко в розовых и голубых тонах, где Мартин Борг провел четверть века своего младенчества. Именно она разорвала этот пузырь и безболезненно обезвредила роботов, пытавшихся защитить своего подопечного (безболезненно, конечно, - в конце концов, она была секретарем Азимовского общества по предотвращению жестокого обращения с позитронными разумами).

И именно она, рыдая и скорбя о бессердечии матерей, подхватила улыбающегося Борга на свои массивные руки и, поклявшись отомстить тем, кто бросил его здесь, и доставила Борга в свой дом на Хаверстоун-сквер, чтобы пробудить его дремлющий разум.

На Денебе X его научили читать и писать, ходить и говорить, любить и ненавидеть, одеваться, мыться и пользоваться туалетом. Ему преподавали историю и астрогеографию, английский и неолатинский, тибетский и вселенский языки, социоэкономику и тригонометрию, а также учили его быть внимательным. Ему также объяснили, что жизнь проходит в открытой клетке, и его жизнь на этой планете должна ограничиться ролью Бедного Неудачника. Подобно другим беспризорникам, которых притащили на Денеб X в качестве живых примеров бесчеловечного отношения людей друг к другу, Мартина выставили напоказ. День за днем он стоял в высоком холле Хаверстоун-хауза, смиренно склонив голову, а паломники с Денеба приходили со своим сочувствием, печалью и осуждением - с гневными колкостями, адресованными жестокосердной матери, которой Мартин никогда не знал. Это было публичное выражение бесконечной любви

- но денебианцы, к примеру, не могли удержаться и закормили вкусненьким голодающую девочку, спасенную из тевтониевых шахт "Титаника", а она в итоге умерла от переедания желудка. Да, это была любовь - любовь, которая пресыщала и в конечном счете убивала.

И, пытаясь спастись, Мартин замкнулся в пределах собственного разума и там обнаружил удивительные вещи.

Мозг младенца очень мал, и для того, чтобы освоить элементарные навыки ходьбы и речи, малышу приходится напрягать все силы. Примерно так же он ведет себя, пока учится и взрослеет, направляя все силы на решение повседневных проблем. Таким образом, по мере того, как мозг достигает физической зрелости, силы разума истощаются, и до конца жизни человек довольствуется лишь продолжением повседневных процессов и тем, что расходует огромные ресурсы из неиспользованного потенциала. Но мозг Мартина Борга спал двадцать пять лет, и, в то время как новорожденный ребенок должен использовать весь потенциал своего мозга, чтобы освоить основные человеческие правила, притупляя тем самым остроту мысли, Мартин обнаружил, что ему нужно уделять этой задаче лишь малую часть

умственных сил, и приближаясь к зрелости, он начал осознавать это. Мартин обнаружил, что в той части его разума, которая обычно остается нетронутой, заключены все способности, к которым человек стремился с незапамятных времен. Левитация и телекинез, телепатия, телегипноз и психосоматический контроль... Это была лишь малая часть того, чему Мартин Борг научился самостоятельно, того, что скрывалось в его светловолосой голове.

Однажды прекрасным летним вечером на пятом году обучения Мартин Борг лежал на кровати в угасающем сиянии солнца Денеба; подобно рыболову, ловящему рыбу в ручье, и подбрасывающему мушку, чтобы она касалась воды то там, то здесь, Мартин направлял нити своего сознания в спящий мир, касаясь психического мира планеты, ощущая биение пульса расового разума.

И что же он обнаружил?

Он нашел колыбельную жалости, глухую пульсацию сочувствия, сосредоточенную на нем самом, и почувствовал, что весь мир сочувствует ему. И мысль о том, что кто-то может испытывать жалость к человеку, который никогда не испытывал жалости к самому себе, - а он был очень самодовольным молодым человеком, - эта мысль

его немало потрясла. Борг испытал такое отвращение, что мысленно выкрикнул свой протест окружающим.

"Мне все равно, - воскликнул он, - мне не нужна ваша жалость. То, что случилось со мной из-за материнского равнодушия, - это замечательно. Я рад, что так получилось!"

Но люди, живущие в альтруистических обществах, не должны нарушать общепринятых правил. В какой-то момент Мартин почувствовал, как сочувствие всего мира превращается в ненависть. Тонко настроенная чувствительность его разума пошатнулась, когда волны концентрированной ненависти врезались в нежную оболочку, и постельное белье закружилось в водовороте, когда Борг извивался и уворачивался, чтобы избежать ментального импульса, который сбросил его в черную яму беспамятства.

На пике агонии он нашел новый источник спасения в дарованной ему ментальной силе. В апогее боли и страха он с тоской думал о своем розово-золотом мире и розово-голубой детской; о безжалостной заботе квинтета роботов, которые были единственными родителями, знакомыми ему. В этот момент страстного желания, казалось, что-то изменилось в ткани космоса, и на секунду

Мартин осознал безграничность Вселенной и почувствовал, как миллионы солнц обжигают его незащищенный мозг, затем последовала вторая ментальная судорога, и он оказался в тихом убежище своего планетоида; пластиковая крышка купола возвышалась над ним, и ненависть множества разумов растворялась в бесконечности.

Он был свободен - и истощен.

> *В некоторых случаях это может привести к состоянию полного ступора, когда пациент сидит или лежит неподвижно и ни на что не реагирует, полностью осознавая, что происходит вокруг него, но не имея желания или возможности как-то отреагировать на это.*
>
> *Дэвид Стаффорд Кларк. Психиатрия сегодня.*

Мозг Мартина Борга проспал двадцать пять лет, а затем, как ожидалось, за пять лет достиг не только обычного уровня развития ребенка, но и освоил широкий спектр способностей, выходящих за рамки человеческих возможностей. Стоит ли удивляться, что это последнее усилие, которое перебросило его тело через бесчисленные световые годы пространства, вызвало корот-

кое замыкание в потоке мыслей? Удивительно только, что тончайший механизм, в который превратился его мозг, не выгорел навсегда. Как бы то ни было, усилие лишило его тело энергии, а голову - мыслей.

Больше года он пролежал на детской кроватке в позе эмбриона, прижав пальцы ко рту и закрыв глаза руками, без единого движения и без единой мысли в голове.

Роботы, оправившиеся от сильного шока, вызванного деактивацией, были рады снова видеть своего подопечного и с великолепным и завидным равнодушием, которое характеризует механических людей, продолжили свою работу, как будто их никто не прерывал. В течение следующего года, как и в течение двадцати пяти лет, они заботились о телесных потребностях Мартина Борга, поскольку он был не в состоянии заботиться о себе.

И все же, в конце концов, произошло исцеление, и Мартин Борг очнулся, но в его сознании осталось чувство ущерба и утраты идентичности. Он был лишен эго и теперь представлял собой пустое вместилище способностей, ожидающих воплощения. И все же скрытая мощь его мозга была оружием, выкованным вручную, усилен-

ным упражнениями и закаленным жестким излучением миллиона инопланетных солнц в тот сокрушительный момент перемещения.

В тот миг Мартин действительно ничего не помнил о том, кем или чем он был, не помнил ничего о своей жизни ни на планетоиде, ни на Денебе X. Он осознавал только то, что существует как организм, и, поскольку было немыслимо, что возможно бесцельное существование, он верил, что создан и помещен в это место для какой-то цели, которую пока не мог понять.

Так начались его приключения.

В глубинах воспоминаний он отыскал слова. "Кто я? - спросил он. - Я знаю, что есть вещи, которые мне нужно сделать, но я не знаю, каковы они. Скажите мне, кто я и что я такое".

Нельзя сказать, что роботы умеют удивляться. Они не наделены эмоциями, но можно дезорганизовать их рабочие процессы действием, не предусмотренным в инструкциях. Робо-сиделки Мартина не ожидали, что их подопечный будет говорить или делать что-то еще - они ожидали, что он будет пассивно принимать их помощь. Если можно так сказать, обращение Мартина вызвало у них сильное волнение и заставило замереть от испуга.

Робот номер один, который был построен первым, решил, что должен отреагировать так, как предусмотрено программой:

- Ты - человек и наш хозяин.

- Да, - сказал Мартин, - я человек, это я помню. А еще я помню, что уже был здесь однажды, но ушел далеко от этого места. Потом я вернулся. Но с какой целью и по какой причине я вообще здесь был? Скажите, здесь нет никаких документов, касающихся меня, никаких инструкций, которые бы сообщили, что я должен делать, когда подготовлюсь к выполнению задачи?

Роботы снова посовещались, но ничего не вспомнили ни о документах, ни об инструкциях. Только Номер Три заметил, что есть одна вещь, которая может помочь. В уголке, который занимали роботы, висела фотография, оставленная Марти Мартой, отчасти для того, чтобы роботы снова узнали ее, но отчасти и для того, чтобы Мартин всегда мог любоваться красотой - ведь его мать считала, что во всей галактике нет зрелища прекраснее, чем ее обнаженные прелести.

- У меня есть только это, хозяин, - сказал Номер Третий, протягивая фотографию. Мартин благоговейно взял портрет в руки. "Да, - подумал он, - вот как выглядит человек". Хотя он и

не помнил мать, но смутно представлял себе, как выглядит госпожа Блиц, хотя она обычно и носила одежду. И все же один взгляд на самого себя подсказал ему, что физически это существо отличается от него, и поскольку он верил, что в его жизни есть какая-то предопределенная цель, которой он может достичь только путем саморазвития, Мартин решил: его разум развил свой потенциал, так же должно развиться и его тело. Поэтому, поскольку фотография была единственным критерием оценки человеческих качеств, которым он располагал, и поскольку на ней было запечатлено лицо, подобное его лицу, и тело, подобное его телу, он пришел к убеждению, что это и есть образец, к которому нужно стремиться. И поскольку никто никогда не говорил ему, что это невозможно, Мартин начал использовать ресурсы своего разума, чтобы привести тело в соответствие с этим образом.

Он подумал о стройных бедрах, белых и четко очерченных, и почувствовал их форму, какой она должна быть - и стало так. Он подумал о грудях, округлившихся, как яблоки, и почувствовал их тяжесть - и стало так. Он вообразил золотистые волосы, идеально спадающие на плечи - и стало так. Он представил себе миндалевидные глаза и

губы, подобные лепесткам тюльпанов, изящные изгибы и округлую женственность - и стало так. Он думал о податливой хрупкости и страсти, скрывающей сталь - и в детской появилась возрожденная Марти Марта; звучит невероятно - но стало так.

По мере того как тело Марти Марты обретало обновленную форму, воспоминания о ее жизни проникали в мозг, созданный для их восприятия. И мысль о том, что она танцовщица, и воспоминания о жизни в облике сына слились воедино, усиливая друг друга, так что она осознавала совершенную физическую прелесть своего тела и скрытый потенциал своего разума.

Мартита Борг, как мы будем ее называть, стояла среди своих встревоженных роботов-сиделок и знала, что ее судьба - не здесь, на этом изолированном планетоиде, а где-то в бескрайнем космосе. Она перебирала воспоминания о сотнях миров. О Терре, разлагающейся и бессильной в своем упадке. О Денебе X - она сразу выбросила из головы эту планету, мысль о которой вызывала сильнейший ужас. И она устремилась в Хай-Ли-Сити, где родилась и училась ее мать, и снова, охваченная приступом ностальгии, но на сей раз избежав сокрушительной душевной травмы, ее

тело пересекло пропасть в едином мысленном порыве, чтобы оказаться в самом сердце Хай-Ли-Сити, в самом сердце Запретного пояса миров.

А роботы, увидев, что случилось с их подопечным, и почувствовав себя виноватыми, подсоединились к розеткам, чтобы совершить массовое самосожжение за нарушение Первого закона робототехники.

Орландо стала женщиной, этого нельзя отрицать. Но во всем остальном Орландо остался точно таким, каким был. Смена пола, хотя и изменила будущее, никак не повлияла на индивидуальность... Нам достаточно констатировать простой факт: Орландо был мужчиной до тридцати лет, когда она стала женщиной.

Вирджиния Вульф. Орландо

Мартита Борг провела двадцать лет в Хай-Ли-Сити, и за это время у нее было много любовников, и, проникая в их подсознательные мысли, которые раскрывались в приступах страсти, она узнала много тайных вещей.

В течение пяти лет она, как и ее мать, была танцовщицей, мастерицей пантомимы, способ-

ной принимать пятьсот многозначительных поз, и ее обнаженные гибкие конечности рисовали замысловатые эротические узоры на радость Великим Умам.

Затем в течение пяти лет она была украшена драгоценностями: все ее тело, за исключением сексуальных и эрогенных зон, покрытлизолотом и самоцветами, ее кожу усыпали сапфирами и бирюзой, руки - гранатами и опалами, бедра - молочно-белым жемчугом и кроваво-красными рубинами, а лицо покрыли бриллиантовой маской в изумрудной рамке. Изысканная драгоценность; лучшее произведение ювелирного искусства; дорогая игрушка для Сокровищ Галактики.

Затем в течение пяти лет она разучивала двести скульптурных поз, сохраняя каждую из них без единого движения, без моргания или непроизвольных судорог, в течение двадцати четырех часов подряд. В таком виде она украшала дома богатых и знаменитых - живая статуя, которой можно восхищаться, на которую можно смотреть и которую можно трогать руками.

Затем в течение пяти лет ее заворачивали в дорогие меха и по ночам тайно проносили в спальни великих людей - финансистов и купцов,

премьер-министров и президентов, королей и императоров, магов и жрецов. И в безмолвной беседе с подушкой ее разум, подобно щупальцу, вытягивал множество государственных тайн.

И когда эти двадцать лет истекли, она ни на день не стала старше тридцати одного года, который ей исполнился, когда она вступила в Запретный Пояс Миров. Ибо в Мирах удовольствий универсальные законы течения времени приостановлены, так что очарование девушки может оставаться неизменным и сохранять коммерческую ценность в течение тысячи лет. Человек может посетить Хай-Ли-Сити и, вернувшись в нормальную жизнь, обнаружить, что провел в непрестанных удовольствиях целый год, а в жизни его современников минуло немногим больше недели. Для тех, кто может себе это позволить и для кого не существует невидимого барьера, делающего Пояс запретным для тех, кто не нравится Великим Умам - для них Города удовольствий стали порталом к невыразимому блаженству и, если не к бессмертию, то, безусловно, к бесконечно долгой жизни.

Ибо Запретный Пояс Миров - это ожерелье из драгоценных камней на звездной карте Линзы, созданное Великими Умами Илгадина, чтобы

доставить удовольствие избранным представителям гуманоидных рас Человечества. Таковы Илгадин и Сердигаун, Эли и Тракмир, Таут и Эвьяс, Модрен и Маноб, но прекраснее всех Хай Ли, планета, которая была единым городом, единым дворцом, имевшим единственную цель - возбуждать и удовлетворять все чувственные потребности, когда-либо испытанные Человеком.

Именно в золотом дворце с высокими куполами и минаретами, с тайными фруктовыми садами и переплетающимися дворами, с широкими лестницами и мраморными переходами Марти провела пять лет ученичества, и каждый день двадцать служанок мыли, расчесывали и массировали ее, чтобы восстановить форму и красоту ее тела, так что каждый вечер она отправлялась девственницей на свидание к своим любовникам.

Набросив горностаевую мантию, она посетила президента Тамуни и в долгие тихие ночные часы, которые в этом мире субъективного времени могли длиться сотню лет, узнала об угасающей мощи Космического агентства Терры, которое с тех пор, как оно заключило в тюрьму Алана Фирмоула и контролировало все обитаемые миры

в галактике, настолько ослабло, что теперь границы его власти простирались едва ли дальше орбиты Плутона.

Кутаясь в шиншилловые меха, она отправилась к главному колдуну Игитирину из Исбадена и украла у него секреты Великих Умов, секреты величайших психических сил, существовавших до тех пор, пока разум Мартина Борга не достиг зрелости; тайны телепатов-вуайеристов, которые создали Миры удовольствий, запретные для всех людей, кроме тех, кого они сами выбрали, чтобы в будущем наслаждаться экстазом удовольствия, вызванным их эмоциями, и утолить ментальный голод.

Облачившись в норковую шубу, она отправилась к королю Тау Кита Густаву XIII. Из его тревожных мыслей она извлекла новое имя - Васпар IV, император Тысячи Солнц, человек жестокий и беспощадный, завоеватель четверти известной Галактики, конкистадор, остановить которого было не под силу никому. Мужчина, который каждый день купался в бассейне, наполненном кровью его врагов; мужчина, который требовал, чтобы к нему каждую ночь ежечасно присылали новую девушку, потому что, как говорили, женщина обманула его в юности, и с тех

пор он мстил всем ее сестрам...

В последнее лето в Хай-Ли-Сити, когда ей шел тридцать первый год и пятьдесят первый год жизни, двадцатый и последний год жизни Борг-женщины, в пустоте за Линзой шла битва. Васпар IV в союзе с Драконами Мозга Андромеды вызвал Великие Умы Илгадина на поединок. В последовавшей за этим битве, психической пытке, которая едва не исказила саму структуру пространства-времени, Великие Умы потерпели поражение, и в качестве компенсации им пришлось отправить в качестве дани Васпару десять тысяч отборных девушек из Пояса удовольствий, каждая из которых должна была в совершенстве освоить Сотню Искусств Удовольствия.

Впервые за всю историю Запретных Миров их поверхности коснулись ноги людей низшего ранга; не вожди планет, а солдаты в простых сапогах бродили по хрупким дворам Хай-Ли-Сити, чтобы собрать дань императору; и резные шпили Дворца Удовольствий оглашались не радостными воплями, а криками боли и страха, когда приближались военные, и девушек доставляли на ожидавшие их космические корабли императорского флота. Среди них была и Мартита Борг - белые локоны рассыпались в беспорядке,

слабые руки лежали на обтянутых кожей черных плечах сержанта пехоты; силой своего разума Марти могла бы легко избежать опасности, но любопытства предпочла остаться, чтобы увидеть человека, чье имя гремело в миллионах миров.

Впервые с тех пор, как Марти двадцатипятилетней девушкой отправилась на Денеб X, она увидела бескрайние просторы космоса за силовыми экранами космического корабля. Более того, она увидела всю мощь Императора. Чтобы собрать дань, Император отправил десять тысяч кораблей, по кораблю для каждой девушки, и для охраны каждой девушки выделил сотню солдат. Это была лишь малая часть его флота и армии. И когда они плыли в космосе, люди могли указывать на скопления звезд и говорить: "Эти миры принадлежат моему господину" или "Эти звезды принадлежат моему повелителю".

Столица империи располагалась на пятой планете Капеллы, и это был суровый и жестокий мир, который подходил Императору - планета черного, серого и хаки, а в сердце ее - хорошо защищенная железная крепость с башнями из голубой стали.

В эту твердыню и прибыла Марти вместе с прочими девушками из Хай-Ли-Сити, и каждой из

них отвели отдельную комнату, удобную, но пустую, где полагалось ждать вызова Императора. Двенадцать ночей ждала Марти, но на тринадцатый день пришел указ, что император призовет ее следующей ночью. Ей прислуживали десять старых ведьм, отвергнутых любовниц императора, и они должны были одевать и украшать ее, подкрашивать и умащать ароматическими маслами, чтобы она могла в лучшем виде предстать перед Императором. Старухи заверили ее, что от неистовых ласк Васпара она наверняка умрет, но, принимая его ласки, познает величайшую честь, которую судьба может оказать женщине.

Перед дверями спальни они подождали, пока изуродованное тело предыдущей девушки вынесут из комнаты, а затем обитые бронзой двери распахнулись, и Марти проводили внутрь. Комната была огромной, и большую ее часть занимала кровать, такая массивная, что она могла бы служить существу сверхчеловеческих пропорций. Однако мужчина, стоявший в изножье кровати, хотя и отличался прекрасным сложением, был самого обычного роста. Он жестом подозвал Марти, и она шагнула на свет, чтобы Император мог лучше ее разглядеть. Он бросил на нее взгляд, в котором удивление быстро сменилось страхом. И

он произнес только одно слово:

- Ты! - А потом упал лицом вниз и умер. Но когда жизненная сила покидала его тело, мозг Марти Борг попытался завладеть опустевшей оболочкой, и, отделившись от женской плоти, которая недавно вмещала его, отбросив опустевшую оболочку, разум увидел глазами Васпара, как эта плотская оболочка безжизненно падает на пол. И другая, недавно обретенная часть сознания подсказала ему, что он видел, как умирал не только он сам, мать, сын и дочь, но и девушка, которая задолго до этого соблазнила его на борту корабля, направлявшегося к Тау Кита.

И Васпар IV, который раньше был Аланом Фирмоулом, а теперь стал Мартином Боргом, запрокинул голову и рассмеялся.

Этот элевсин, или Пришествие, был самым важным событием в элевсинских мистериях, которое могло бы объяснить миф о прибытии Эдипа ко двору в Коринфе. Пастухи служили или воздавали почести многим другим легендарным или полулегендарным юным принцам, таким как Пелеас, Амфион, Эгист, Моисей, Ромул и Кир, которые были либо

похоронены на горе, либо выброшены на берег волнами.

Роберт Грейвс. Миф об Эдипе

Алан Фирмоул, освобожденный из темницы Тау Кита, вырвался из глубин галактики, чтобы перерезать горло Васпару III и завладеть пошатнувшейся империей. Это разодранное на куски наследство он сделал своим: три планеты с шаткой бюрократической системой, погрязшие в долгах и контролируемые Космическим агентством Терры. И все же, благодаря хорошо подвешенному языку, необходимому в его первоначальном ремесле, и физической отваге и силе, выкованным и закаленным на кораблях Тау Кита, где слабейшие отправлялись прямо в могилу, - новый император Васпар в течение года сбросил оковы Земли и собрал вокруг себя группу преданных последователей, каждого из которых привязали к Фирмоулу железные узы обещаний неограниченной добычи. С этими слугами, составившими ядро боевой силы, он вырвался за пределы малых миров и с беспредельной жестокостью обрушился на противников. Кампания, по его мнению, имела только одну цель - стереть память о женщине, укравшей у него четверть миллиона кредитов, и о единственном сыне и

наследнике, которого он зачал, единственном среди унизительного множества дочерей.

За сорок лет с помощью Драконов Мозга Андромеды - инопланетных метафизических монстров из-за пределов Линзы - он распространил свою власть по всей известной галактике, сокрушив колеблющееся Агентство и подчинив пять тысяч звездных систем с прилегающими к ним планетами, общим числом двадцать пять тысяч. И на каждый мир, находившийся под его непосредственным контролем, приходилось пять независимых миров, которые приносили императору клятвы верности и дань.

Это превосходство в силе он использовал, чтобы удовлетворить кровавую жажду мести, направленную на всех женщин. Тысяча восемьсот двадцать пять женщин ежегодно умирали от его ласк, их было бы еще больше, если бы на двенадцатом году правления насильник не столкнулся с существом, которое завладело его разумом и не поддалось влиянию времени - и сердце Императора остановилось при встрече с этим созданием. Так бы и погибло тело самого могущественного человека, когда-либо жившего на земле, если бы сын не запечатлел его личность, память и тело, бьющееся в предсмертных судорогах, и не

воссоединил отца, мать и сына в едином разуме и теле.

Васпар IV4+ бесстрастно наблюдал, как безжизненное тело Марти Борг выносят из комнаты. Если его поданные и удивились, что женщина умерла так скоро и без видимых признаков внешнего воздействия, они не посмели этого показать. Они ожидали смерти - и смерть наступила.

Васпар Борг напряг мускулы своего новоприобретенного тела и, порадовавшись, что снова обрел мужественность, а также вспомнив о двадцатилетнем опыте подчинения желаниям множества мужчин, решил: нет причин, по которым нужно прерывать развлечение. Поэтому он позвонил в колокольчик, чтобы привели следующую жертву, и остаток ночи наслаждался своими прежними коллегами из Хай-Ли-Сити.

Однако это развлечение приелось, и гораздо больший интерес представляла императорская власть.

Васпару Боргу доставляло удовольствие вмешиваться в дела миров, находящихся под его контролем. Наблюдать, как разум администраторов колеблется и внутренне сопротивляется, когда они получают приказы, которым, как было прекрасно известно, нельзя не подчиниться;

даровать одной планете неисчислимые блага и уничтожать другую планету ядерным огнем; играть в бога, распоряжаясь жизнями и делами мириадов существ, находящихся в его власти. Приказывать, осуждать, прощать, жертвовать, хмуриться, улыбаться, проповедовать, хвалить, пугать - вот что доставляло ему удовольствие.

Его любимым занятием была телепатическая передача множественных психических копий самого себя, псевдоспаров - так он приводил в смятение многие планеты, чудесным образом устраивая неожиданные визиты и проверки.

Это была игра, достойная его таланта - но ее хватило лишь на время. Потом она тоже приелась, и Васпар, который был Мартитой, которая была Мартином Боргом, снова начал размышлять о неизвестной цели, которой ему нужно достичь.

Когда-то Марти Борг считала, что достаточно быть орудием наслаждения, и во многих отношениях превосходила всех женщин, была величайшим знатоком искусства соблазнения, женщиной, которая могла возбуждать самые сокровенные чувственные фантазии мужчин легким прикосновением специально загнутого ногтя.

Потом он думал, что обрел свое высшее предна-

значение в политическом управлении галактикой, объединив безграничные способности мозга и унаследованный от отца административный и военный гений.

И все же что-то подсказывало: сила, которой обладал его мозг, сила, способная опровергать универсальные законы природы и торжествовать над физической структурой материи, дана ему не для того, чтобы он играл во взрослые игры, управляя государством. Он начал задумываться о каком-нибудь поступке, который навсегда изменил бы галактику, о знаке, скрытом в его недолгой прошлой жизни.

Он праздно перебирал воспоминания, которые соединились в его личности, и две детали произвели на него ошеломляющее впечатление: сильный холод и отвращение к бесплодной и бесполезной скале, которая называлась Борг IV. Это была планета, которая теперь находилась в его владениях, заброшенный и практически ненужный объект; и в его голове появился зародыш идеи - космической шутки. Пока он еще не рассматривал это как конечную цель своего существования, но видел в подобном эксперименте полезное упражнение, позволяющее проверить собственные силы - и подготовиться к тому дню,

когда он будет знать, что именно должен делать. Он попытается согреть это воплощение холода и в качестве эпитафии своим родителям наделить Борг-IV тропическим теплом. Если он мог трансформировать обычные предметы вокруг себя; если он мог вмешиваться в атомную структуру самого себя и постоянно изменять ее, то он не видел причин, по которым нельзя было бы каким-то образом изменить структуру одного очень маленького солнца.

Он еще раз приготовился бросить свое тело сквозь пространство - на сей раз это было совершенно обыденным действием, результатом многолетней практики, а не судорожной реакцией, вызванной сокрушительным внешним воздействием. На основе воспоминаний, доставшихся ему от родителей, он воссоздал и удержал образ желаемой планеты. Затем лента Мебиуса повернулась, и он оказался там.

Все беды этой жизни миновали; поскольку тело человека, которое когда-то было грязным и темным, теперь чище и светлее солнца; тело, которое когда-то было больным, бренным и слабым, теперь бессмертно и настолько сильно и крепко,

что ничто не может его изменить.
Чосер. Рассказ священника

Если планетоид, на котором Мартин Борг провел детство, был незначительным и почти иллюзорным, то планета, на которой Борг родился, казалась совершенной противоположностью. Синевато-серое небо нависало над черно-белыми заснеженными полями и нагими гранитными скалами. Слабое красноватое свечение в серой мгле над головой свидетельствовало о существовании солнца Борга.

Васпар стоял по колено в снегу. Было довольно холодно и сыро, но благодаря метаболическому контролю его тело нагревалось настолько, что снег таял на десять ярдов вокруг.

Он послал первые зондирующие лучи разума.

Он сосредоточил свои мысли на солнце Борга и вместо этого тусклого шара увидел молекулы и электроны, чертящие свои траектории в пустоте. Затем он мысленно подействовал на структуру солнца, дробя атомы, ускоряя вращение электронов, так что, подобно обугленной спичке, которая медленно разгорается под дуновением воздуха, солнце Борга постепенно начало светиться ярче, становясь вишневым, затем оранжевым и далее по всему спектру - от желтого до жгучего

сине-белого. Облака рассеялись, снег растаял и испарился, превратившись в дождь, он испарялся и выпадал снова и снова, по убывающему циклу, пока вся влага не исчезла и поверхность Борга IV не превратилась в засушливую пустыню под палящим солнцем.

И в упоении успеха Мартин Борг, сам того не ведая, вступил в конфликт с разумом, настолько недоступным его пониманию, насколько человеческий мозг недоступен пониманию блохи. Следует ли нам называть *это* разумом? Скорее то была совокупность энергий, поддерживающих существование Вселенной: осознание силы тяжести, орбит и солнечных напряжений - говоря человеческим языком, эквивалент Космического Разума. Этот Разум по большей части спал, не заботясь о собственном благополучии, беспокоясь лишь о том, чтобы все было так, как должно быть.

И вот деятельность Мартина Борга, вмешавшегося в устройство солнца Борга, нарушила порядок - и разбудила Разум. Хотя в целом он не очень возражал против человеческой деятельности, которая была незначительной по своим последствиям и эфемерной по своему влиянию, это конкретное вмешательство нанесло удар по

самой сути Его бытия. В то время как повседневные события в обитаемых мирах были похожи на высыпание мелких прыщей, на которые можно было не обращать внимания, изменение природы солнца Борга казалось раковой опухолью в космическом теле.

И так же лениво, как лошадь отмахивается хвостом от надоедливой мухи, Разум исправил ошибку и вернул солнце Борга в прежнее бессильное состояние. И снова Мартин Борг вдохнул в атомную структуру огненную жизнь. Затем, еще сильнее напрягшись, Разум попытался восстановить статус-кво, и Мартин Борг снова активизировал свои усилия. И вот началась борьба, в результате которой температура в солнечной системе Борга колебалась - от мертвенно-бледной жары до леденящего холода.

В этой битве Космический Страж неизбежно одержал бы победу. Но конфликт занял бы слишком много времени, он стал повторяющимся и, следовательно, скучным. Разум счел, что целесообразнее уклониться от битвы, воспользовавшись более изощренными способами. Поскольку Разум, в отличие от Мартина, не был ограничен измерением "здесь и сейчас", он решил оставить Мартину горячее солнце Борга,

восстановив баланс Вселенной за счет охлаждения далекой горячей звезды, но лишив Мартина триумфа с помощью изменения прошлого. Исследуя известную Ему область времени, Разум выбрал ту секунду, которая совпала с созданием солнца Борга и некоего горячего солнца, которое мы назовем X, поскольку оно так и не было открыто Человеком. Сделав это, Разум изменил их функции таким образом, что солнце X стало красным карликом и остается им до сих пор - выполнив свою задачу, оно исчезает из нашего поля зрения.

Солнце Борга, однако, стало ярким, и планеты, в частности четвертая, процветали под его лучами. Много тысячелетий спустя ее первооткрыватель, лейтенант-коммандер Боргхейм, с полным правом хвалился своей находкой, получив более чем адекватную компенсацию от Космического агентства Терры за права на разработку колонии. И Борг IV стал очень счастливой колонией. Колонисты так наслаждались своим райским климатом, что некий торговец наркотиками по имени Алан Фирмоул вовсе не мог продать свой товар на планете. Обескураженный неудачей и измученный непривычными условиями, Фирмоул оказал лишь символическое сопротивление

при аресте, когда его задержала полиция Борга.

Древняя легенда гласила, что лучи солнца Борга благотворно влияют на характер человека, и, конечно же, исправившийся Алан Фирмоул был освобожден после годичного заключения в городской тюрьме Борг. Вскоре после освобождения он встретил бывшую танцовщицу по имени Марти Марта, которой так понравилась планета, что она отказалась от покровительства некоего Уолтера Пикс-Нэлла, в свите которого путешествовала, чтобы наконец обосноваться в этом дружелюбном мире.

Эти два изменившихся человека встретились и понравились друг другу. И, испытывая взаимную симпатию и желание остепениться, они в конце концов поженились. Плодом этого союза стал сын, которого назвали Мартином в честь матери. Это славный и красивый мальчик, которого они очень любили и воспитывали с невероятным старанием.

Это случилось пятьдесят два года назад, но Мартин Фирмоул по-прежнему живет на Борге IV, в чем вы можете убедиться, если зайдете в офис компании "Фраскетти фрайт". Внешне он кажется счастливым, разумным человеком, но его жена могла бы сказать вам, что временами он

напоминает настоящего невротика. Видите ли, в течение последних двадцати пяти лет его постоянно посещала мысль, что он собирался что-то сделать, но, хоть убейте, он не может вспомнить, что именно.

Баррингтон Бейли
Самонадеянность

The Countenance
[под псевдонимом P. F. Woods]
Рассказ, 1964 год

Брайан вошел в главный салон большого пассажирского лайнера, углубившись в размышления. Рассеянное, обеспокоенное выражение лица явно отличало его от решительных, хорошо воспитанных мужчин и женщин, сидевших рядом.

Сам Брайан лишь смутно осознавал разницу, то есть никогда об этом не задумывался. Предполагалось, что он тоже получил хорошее образование, но это никак на нем не отразилось. Даже в тех областях, которыми Брайан больше всего интересовался, он достигал не самых лучших результатов. Что до социальных и моральных аспектов воспитания, то он, казалось, буквально ничего не слышал о понятиях, которые скрыто формируют человеческие обычаи. Общество было институтом, к которому он еще не присоединился по-настоящему.

Было бы трудно определить, что было источ-

ником и центром собственных мыслей Брайана. Казалось, что его разум изначально был неквалифицированным, и общество, подобно магнитному полю, заставляло его принимать определенную конфигурацию, как только человек оказывался в сфере воздействия. Но что касается его разума, то он не развивался сам по себе, а казался неким воплощением изначального состояния, существовавшего прежде, чем разум обрел жизнь в мире обычных людей. В отличие всех прочих людей, Брайан словно бы не познал грехопадения.

Все это не означало, что его разум был неразвит, или что разумы других людей когда-то находились в первозданном состоянии. Некоторые из них, казалось, сформировались непосредственно в обществе. На самом деле смысл заключался в том, что его разум, в отличие от иных, развивался сам по себе. Какими бы смутными ни были его мысли, они предполагали более широкое применение, чем мысли обычных людей. В салоне огромного звездолета Брайан чувствовал себя гостем в далекой стране.

Он не был уверен, зачем зашел в кают-компанию. У него возникла смутная мысль - посмотреть, есть ли там макет корабля. В основном потому, что ему было нечем заняться.

Он прошелся по комнате, бесшумно ступая по мягкому ковру, и остановился на полпути. Спокойный взгляд голубых глаз скользнул по огромному помещению. Многие пассажиры сидели на диванах и за столиками, разговаривая, читая и занимаясь обычными делами, которыми люди занимаются, когда приходится проводить дни в ожидании. Брайан не часто общался с ними, и ему было бы трудно это делать. Он обнаружил, что людям не нравятся те, кто обращает на них так мало внимания.

Он заметил, что трое высших офицеров-наукократов как раз выходили из зала. Взгляд Брайана задержался на них. Когда он отвернулся, его внимание привлек один из пассажиров.

Мужчина был широк в кости и светловолос. Он читал технический журнал, сидя за низким столиком.

Брайану потребовалось несколько секунд, чтобы убедиться. Затем он поспешил к мужчине.

Он сказал:

- Мерсер...

Мужчина поднял на него непонимающий взгляд. Постепенно на лице появилось выражение узнавания и удивления.

- Брайан! - воскликнул он.

Мерсер встал. Они посмотрели друг на друга, удивленные тем, насколько знакомыми оказались лица после десятилетней разлуки.

Улыбка Брайана стала застенчивой. Он смущенно пожал плечами, осознавая, как Мерсер изучает его и вспоминает подростка, которого когда-то знал, - так, впрочем, вспоминал и сам Брайан. Это было странное ощущение: он словно столкнулся со взглядом со стороны на собственную жизнь, над которой утратил контроль.

Каждый из них хотел расспросить другого, но поначалу обоим было неловко.

- Я ищу макет корабля, - сказал Брайан. - Пойдем?

Его собеседник с энтузиазмом взмахнул рукой.

- Я уже видел. Он вон там.

Они потратили около десяти минут на изучение стереоскопической схемы. Брайан изучал ее в увеличительное стекло, осматривая коридоры, подсобки, машинное отделение и электрические провода, в то время как Мерсер со знанием дела рассказывал о конструкции корабля. Как всегда, его интересовали технические детали, и уже после краткого тщательного изучения схемы он представил внутренне устройство звездолета. Он не ограничивался планом - он был осведомлен о

принципах, на которых основана работа корабля. За эти десять минут его блестящее изложение позволило Брайану получить исчерпывающие знания о звездолете, на поиск которых он сам потратил бы целый час.

Брайан считал Мерсера настоящим феноменом. Он пользовался всеми преимуществами общества, но не поддавался обману. В то же время он был готов занять в обществе свое место. Именно готовность идти на компромисс и отличала его от Брайана.

Брайан был рад видеть, что, несмотря на приближающийся к концу третий десяток лет, Мерсер по сути остался тем же человеком. Он не претерпел пугающей метаморфозы, которая демонстрирует ограниченность большинства людей.

Они покинули столовую и заняли столик в дальней части зала. Здесь они поговорили о разных вещах. Химия (предмет Мерсера), физика, астрофизика и микрофизика... С каждым новым поворотом их разговор все больше возвращался к философским рассуждениям и интригующему вопросу о том, почему все существует.

Таковы были их школьные дискуссии, и они начались заново.

- Что ты думаешь обо всем этом сейчас? - спросил Мерсер через некоторое время. - Ты пришел к каким-нибудь окончательным выводам?

Брайан не ответил. Вопрос стал для него слишком неожиданным. Он пожал плечами, слегка смутившись.

На самом деле Мерсер не ожидал ответа, но почувствовал себя обязанным спросить. В конце концов, именно это, вероятно, и связывало их, и если сейчас пренебречь этим интересом, связь может никогда больше не восстановиться.

- Куда направляешься? - спросил он, как бы между прочим, когда Брайан оторвал взгляда от столешницы.

- У меня есть работа на "Дроне VII". Компьютерный клерк. - Он криво улыбнулся.

- У меня там тоже работа. - Мерсер решил не уточнять, что у него постоянная, хорошо оплачиваемая и профессиональная работа. - Я никогда не думал, что ты так любишь путешествовать в поисках работы.

- Нет ... До сих пор я вел размеренный образ жизни. Только время от времени становлюсь ненормальным ребенком! - Брайан ухмыльнулся и огляделся по сторонам. - Это всего на семь месяцев, потом они купят мне обратный билет. - Он

снова ухмыльнулся. - Они пойдут на все, чтобы найти там рабочую силу.

Мерсер кивнул, прислушиваясь к собственным мыслям. Он вспомнил, что, когда Брайану было четырнадцать лет, он ходил с озабоченным видом, как будто решал какую-то серьезную и фундаментальную проблему. На самом деле так оно и было, поскольку его интерес к философии и науке внезапно изменился - из абстрактного и отвлеченного стал непосредственным, личным и настоятельным.

Как все становится известно? Только в связи с чем-то иным. А как удалось постичь это иное? Только в какой-то третьей системе понятий. И так далее, по цепочке, пока неизвестное не стало рассматриваться на основе неизвестного. Конечным результатом всех рассуждений по-прежнему было незнание.

Это можно свести к философской шутке. Тем не менее, от стремлений человеческого разума никак нельзя отказаться. Брайан сосредоточил все свое внимание на том, чтобы выяснить, может ли разум преодолеть стоящее перед ним препятствие.

Он всегда был неразговорчив, когда доходило до этого вопроса. Мерсер, не проявляя явного

любопытства, хотел узнать, достигнут ли какой-либо прогресс.

- У меня дела идут не слишком хорошо, - неожиданно признался Брайан серьезным тоном. - Это довольно утомительно - зарабатывать на жизнь. Что касается других вещей, что ж...

Мерсер ждал.

- Ну что такого? - воскликнул Брайан в порыве раздражения. - Всегда происходит одно и то же - в конце концов человек умирает, и все.

- Да. - Мерсер не смог придумать другого ответа.

- Давай, - сказал Брайан через мгновение, - пойдем посмотрим на экраны.

Он встал. Мерсер последовал за ним к выходу из зала ожидания, пересек роскошное фойе и направился в смотровой зал.

Здесь, на телевизионных экранах, пассажиры могли увидеть глубины космоса, которые преодолевал гигантский космический корабль. Шесть экранов показывали нос, корму и четыре отсека корабля; они имели овальную форму, каждый примерно на три фута в длину.

Смотровая рубка напоминала картинную галерею. Экраны располагались на стенах, как полотна, и было невозможно составить общее

впечатление. Каждый экран приходилось рассматривать отдельно.

Космический корабль пролетал рядом с краем галактики, и кадры выглядели достаточно впечатляюще. На одном из них появилось то, что казалось огромным разрывом между звездами, на самом деле это была область, скрытая газом и пылью. На другом открывался более четкий вид на сверкающую галактическую Линзу. Еще один экран показывал тьму за бортом. Этот экран был не более чем темным пятном с несколькими тусклыми точками света.

Брайана взволновала мысль о том, что эти сцены транслировались снаружи, но, какими бы прекрасными они ни были, это всего лишь изображения. Он много раз видел то же самое в кинотеатрах и по телевидению на Земле.

- На это стоит посмотреть.

- Да.

Брайан доверительно наклонился к Мерсеру.

- Есть кое-что, что меня беспокоит. У всех этих межзвездных кораблей цельные корпуса. На борту нет иллюминаторов прямого обзора. Почему?

Мерсер на мгновение задумался.

- Полагаю, так удобнее. Когда я был на Каддане II, то спускался в Серное море на одной из этих

больших подводных лодок. На ней тоже не было обзорных иллюминаторов.

- При давлении в десять тысяч атмосфер... не хотелось бы мне, чтобы они там были. В космосе нет подобных инженерных проблем.

- Полагаю, это просто ради удобства, - повторил Мерсер.

- Дело не только в удобстве. Никому не разрешается смотреть наружу. Даже экипажу. Все наблюдения проводятся косвенно, с помощью установленных снаружи приборов. И все же - попробуй выяснить, почему! Должно быть, существует какая-то официальная фобия по поводу космоса или что-то в этом роде.

- А какое это имеет значение? - спросил Мерсер. - Восприятие в любом случае опосредовано. Ты воспринимаешь внешний мир с помощью своих органов чувств, а затем представляешь эти записи где-то внутри своего мозга, точно так же, как в телевизоре. Эти экраны - внутренняя часть органов чувств корабля.

- Все равно странно... - упрямо пробормотал Брайан.

- Что ж, жаловаться бесполезно. На все должна быть причина. Это конструкторское решение.

Брайан отказался от продолжения спора. Мер-

сер, как он понял, был хорошо подготовлен в научном плане. Он верил, что космический корабль неумолимо движется сквозь пустоту, а все в мире прекрасно устроено. Мысленно он полностью подчинился судьбоносной Московской декларации, принятой Последним Коминтерном в 2150 году нашей эры.

Коминтерн, из которого возникла нынешняя цивилизация, твердо основал науку на принципе контроля человека над природой.

Брайан признавал достижения наукократического коммунизма, установившегося тогда и до сих правящего Землей. Но он часто задавался вопросом об этом конкретном пункте доктрины, несмотря на то, что он так прочно укрепился в общественном сознании. Он задавался вопросом, насколько серьезно к этой идее относятся сами наукократы два столетия спустя.

Они вышли из смотровой рубки и около получаса бродили по коридорам. Затем Мерсер объявил о своем решении лечь спать.

- Я пришел к выводу, что лучше всего сохранять постоянные привычки, - объяснил он.

Брайан безучастно кивнул. Они договорились встретиться на следующее утро в кают-компании, так как, вероятно, разминутся за завтраком.

Брайан не сразу отправился в свою комнату. У него не было желания придерживаться распорядка, и, кроме того, он кое-что задумал. Он прошелся по коридорам, помещениям и галереям огромного корабля. Пассажирский отсек был обширным, он тянулся практически от корпуса к корпусу, заканчивался на корме в машинном отделении и смыкался с другим, столь же значительным отделением, где располагались каюты наукократов экипажа.

Он подумал о Мерсере. Брайан заметил, что манеры, присущие его другу в детстве, изменились совсем незначительно. Осталось то же выражение лица, та же интонация, те же жесты... Странно, как все это сохранилось в мужчине, который стал намного старше.

Вскоре самые населенные части корабля остались позади. Ближе к стенам корпуса коридоры пассажирского отсека не заканчивались резко; они напоминали туннели с небольшим количеством перекрестков. Каюты, читальные залы и рестораны были далеко.

Освещение стало функциональным и строгим. Мореное дерево и пластик пастельных тонов уступили место блестящей стали. Туннель был увешан телефонами и приборными панелями,

показания которых Брайан понимал лишь смутно. Реже встречались участки стены, которые, по-видимому, отодвигались простым нажатием кнопки - вероятно, там скрывались отсеки с какими-то припасами или приборами.

Таково было стандартное оборудование межзвездного корабля. Брайан находился почти на периферии лайнера и понимал, что эти туннели обычно посещают только члены экипажа.

Его волнение росло по мере того, как он осознавал, что подступает все ближе и ближе к космическому вакууму. Он подошел к внешней оболочке, которая защищала пассажирские отсеки. Возможно, всего несколько футов отделяли его от внешней обшивки корпуса. И она была всего в нескольких дюймах от... абсолютного ничто.

Правда ли, что никому, независимо от ранга, не разрешалось заглядывать в космос? Или это разрешено наукократам, как подозревал Брайан? Неужели они монополизировали наблюдение за космическим пространством?

Он остановился. Тишину стальных коридоров не нарушал ни один звук. Постоянно работающий двигатель, расположенный в тысяче футов от Брайана, вращался бесшумно. Но Брайан пристально вглядывался в глубину туннеля, пытаясь

восстановить в памяти все накопленные знания и опыт.

Он не сформулировал точно, зачем отправился в это путешествие, и почему сейчас исследует эти коридоры. Казалось, в этом не было необходимости, поскольку рассказать об этом некому.

Но история была долгой. Хотя для Брайана она оставалась очень важной, трудно объяснить эту важность кому-либо еще, даже Мерсеру. Он чувствовал, что возможность получить фундаментальный опыт лежит за пределами изогнутых стальных стен.

Давным-давно его попытки мыслить объективно привели к странному выводу. Субъективно не только человеческое мышление. Субъективно само зрение.

На Земле горизонт ограничивал видимость, и эти пределы невозможно было преодолеть, даже если смотреть в ночное небо. Кроме того, пространство разделено на множество объектов: здания, деревья, люди, холмы, облака и небо. Пестрое и ограниченное окружение, казалось, сковывало зрение, искажало его.

Брайан осознавал, что его сознание находится в плену. Все попытки освободить восприятие от окружающих предметов были тщетны. Он верил,

что только вглядываясь в пустую пропасть за пределами всех миров, может привести свою жизнь к достойному завершению.

Сначала это была всего лишь случайная мысль. Затем он столкнулся с запретом: нельзя выглянуть за пределы корпуса космического корабля. Странное предписание окружило покровом тайны его идею. Запретное знание связано с нераскрытыми тайнами.

Возможно, это странно, возможно, поэтично, но мысль о преодолении запрета произвела на него неизгладимое впечатление.

Брайан снова шагнул вперед. В любой момент он должен был вплотную приблизиться к внешнему корпусу, который, насколько известно большинству, состоял из цельного листа.

Но Брайан исходил из принципа, что ни одну систему космического корабля не могли построить без учета факторов безопасности. Необходимо учитывать возможность поломки.

Внезапно туннель повернул под острым углом и закончился коротким крутым подъемом. Конструкция была спроектирована грубо; крыша изгибалась над головой под неудобным углом, симметричным остальным деталям, и опускалась на расстояние двух футов от пола.

Туннель, очевидно, упирался в мощную стену. Если смотреть от потолка, то чуть выше головы, в полутора дюймах от закругленной поверхности наружу выступала тяжелая дискообразная пластина, утыканная головками болтов и закрашенная.

Вот оно! Брайан прижался к стене-крыше сначала щекой, потом ухом. Прижался к внешнему корпусу - или, по крайней мере, к его внутренней поверхности.

Протянув руку, он попытался повернуть один из болтов. Естественно, тот остался совершенно неподвижным.

Когда Брайан повернулся, чтобы двинуться обратно тем же путем, каким пришел, он услышал шаги.

Замерев, он прислушался. Шаги раздавались не так близко, как ему показалось сначала, но совсем рядом. Он бросился вперед, завернул за угол, затем снова прислушался. Звуки стали громче.

Примерно в двадцати ярдах дальше по коридору из поперечного туннеля появилась фигура; она пересекла коридор и исчезла на другой стороне. Шаги постепенно затихли вдали.

Брайана никто не видел, но все свидетельствовало, что внешние коридоры звездолета не

полностью заброшены. Ему нужно было соблюдать осторожность.

Он быстро добрался до жилых отсеков корабля и направился в свою каюту. Там, в состоянии нервного истощения, он лег в постель и сразу же заснул.

Брайан снова встретился с Мерсером в кают-компании на следующий день. Когда Мерсер вошел, Брайан уже ждал его, тихо сидя в углу и наблюдая за окружающими людьми.

Внешне он казался более жизнерадостным, но говорил меньше. Мерсеру не потребовалось много времени, чтобы понять: за внешним покровом хорошего настроения кроется нервозность, а не что-либо иное. В глубине души Брайан остался таким же подавленным, но что-то еще добавилось... Обычно он производил впечатление человека, лишенного цели, но сегодня использовал свои внутренние ресурсы и, казалось, занялся чем-то важным.

Мерсеру эта перемена показалась немного зловещей.

Он слушал Брайана осторожно, почти неохотно. Сначала слова спутника показались ему несущественными, но сама странность услышанного подсказала Мерсеру, что его друг неуклюже пы-

тается подвести беседу к какой-то теме, к которой не хотел обращаться напрямую.

Мерсер не смог сдержать улыбки. Он понятия не имел, в чем дело, но, насколько он знал Брайана, его волновала тема, о которой нельзя рассуждать уклончиво. Когда они наконец перейдут к делу, разговор станет более непринужденным - но торопить события и задавать вопросы в лоб не следовало.

В конце концов это случилось... Брайан откашлялся.

- В этих звездолетах есть что-то очень интересное, - сказал он совсем другим тоном, чем раньше.

- Да? - спросил Мерсер, с радостью заглатывая наживку. - Что же?

Брайан наклонился вперед, казалось, подыскивая слова.

- Ты когда-нибудь задумывался, - тихо спросил он, - почему межзвездными кораблями всегда командуют наукократы?

Мерсер поразмыслил над неожиданным, хотя и вполне разумным вопросом.

В этот момент мимо проходили три офицера технической службы, и он задумчиво посмотрел на них. Высокие, строгие, отчужденные, они

пронеслись мимо, казалось, не замечая ничего вокруг. Спереди на их белых рубашках и сзади на желтых плащах была изображена главная эмблема наукократии: три вектора, переплетенные с тремя другими, изображающие структуру пространства и материи.

Он медленно произнес:

- Нет.

- А я задумывался. Почему так? Космическими кораблями не так уж сложно управлять. Гораздо более сложные работы поручают простым техникам вроде тебя. Почему драгоценные наукократы вынуждены заниматься такой черной работой?

- Я не знаю.

По-прежнему понижая голос, Брайан продолжил:

- Я знаю кое-что, известное немногим. Эти наукократы должны посетить Сокрытый Зал, прежде чем начнут командовать своими первыми кораблями и получат какие-то сведения.

Мерсер посмотрел на него с легким удивлением.

- Какие?

- Именно это я и хотел бы узнать.

- В твоих устах звучит очень загадочно.

- Я так не думаю. Но это должно быть что-то ре-

альное. То, что нужно скрыть от общественности, что-то такое... - Он попытался подыскать слово.

- Глубокое? - предположил Мерсер.

- Если хочешь. В любом случае, это, должно быть, очень необычно. Я думаю, секрет как-то связан с тем, что из корабля никак нельзя посмотреть наружу.

- Почему ты так полагаешь?

- Тебе не кажется странным, что десятки тысяч людей совершают путешествия на этих замечательных, безопасных кораблях, даже не выглянув в космос?

- Ты хочешь сказать, там что-то... другое.

- Другое. - Брайан эхом повторил его последнее слово.

- Не то, что мы думали. Гм... - Мерсер откинулся на спинку стула и задумчиво нахмурился. Брайан вновь увидел прежнего шестнадцатилетнего мальчика, внезапно столкнувшегося с новой научной загадкой.

- Это может быть что-то политическое, - предположил Мерсер. - Возможно, другая космическая раса настроена враждебно. Правительство вполне могло умолчать об этом и оставить пассажиров в неведении на случай, если враги начнут перемещаться или нападут. Если уж на то пошло,

прямо сейчас может происходить космическое сражение, а мы об этом не знаем...

- Если в нас не попадут. Но даже в таком случае - есть же телевизионные экраны.

- Экраны можно отключить. Я согласен, я просто иронизирую. Но разве экраны не опровергают твои аргументы? Ты можешь в любое время посмотреть наружу.

- Это совсем другое. Это всего лишь картинка, не настоящее... Как будто смотришь на фотографию. Именно это и навело меня на мысль о сути происходящего.

- Что-то психологическое? - спросил Мерсер, быстро уловив ход мыслей Брайана. - Да, возможно, так. Возможно, если людям открывается окно во вселенную, это делает их невротиками.

- Примерно такой подход. - Голубые глаза Брайана засияли. - Психологическое воздействие, которого не могут вынести обычные люди. Таким образом, наукократы защищают людей даже от их собственного любопытства. Наукократы, конечно, знают правду, но они люди выдающиеся калибра, которым можно доверять, и они не сдадутся.

Лицо Мерсера прояснилось.

- Полагаю, ты попал в самую точку, - сказал он

довольным тоном.

- Не будем делать поспешных выводов. Дело вот в чем: *думаю, что смогу это выдержать*. Я не сойду с ума. Это не причинит мне вреда, а пойдет только на пользу. Такой уж я человек.

Мерсер рассмеялся.

- А теперь пойди и скажи это капитану.

- Он сразу согласится мне помочь, верно? - Брайан откинулся на спинку кресла. - Прошлой ночью я пошел прогуляться поближе к обшивке корпуса. Я строил предположения. То есть корпус не может быть полностью герметичным. Всегда существует вероятность того, что внешние приборы могут выйти из строя, и в этом случае придется вести наблюдения вне корпуса - либо лично, либо с помощью камер, выведенных наружу через отверстие. Значит, должно быть такое отверстие, которое можно открыть в случае крайней необходимости. И отверстие есть. Я нашел его.

Мерсер пребывал в замешательстве.

- Что ты увидел?

- Нужно отвинтить крышку. - Он заколебался. - У меня в багаже есть гаечный ключ.

- Ого! - На сей раз Мерсер искренне удивился. - Ты действительно все продумал, да?

- Не совсем. Назовем это случайностью. Но

нужно действовать осторожно. Так вот, если мы отправимся туда сегодня вечером, ты сможешь посторожить, пока я буду открывать люк.

- Эй, постой-ка! - Мерсер был в ужасе. - Ты не можешь этого сделать!

- Почему?

- Это запрещено! Правила очень строгие. Нельзя портить оборудование космического корабля!

Брайан застыл на секунду. Затем он расслабился и рассмеялся.

- Хорошо, - сказал он, решив оставить эту тему. - Что ты будешь делать сегодня днем?

- Я, пожалуй, пойду в кино.

Корабельный кинотеатр по размерам не уступал большим кинотеатрам на Земле, и там имелась богатая библиотека. Это место играло большую роль в жизни многих пассажиров во время долгих путешествий.

Сидя в темноте кинотеатра, Брайан погрузился в размышления.

По экрану двигались полноцветные трехмерные изображения. Сериал оказался романтическим приключением, действие которого происходило в Южной Америке. Брайану увиденное понравилось.

Несмотря на это, он был недоволен собой. Как

это нелепо - мчаться по межзвездному пространству и в то же время отвлекаться на виды и сцены, которые можно найти на Земле! На самом деле, как он полагал, корабль и был частью Земли. Этот тщательно сохраняемый фрагмент земного мира создали для того, чтобы перевозить пассажиров с максимальными удобствами, не давая им почувствовать, что они покинули свою планету.

Когда они высаживались в пункте назначения, иллюзия сохранялась. Планета оставалась планетой, какой бы странной или красочной она ни была, и поэтому напоминала Землю. Смена местоположения никак не влияла на психологию людей. Важнее всего то, что они не должны испытать ничего другого, ничего принципиально иного...

Брайан почувствовал нереальность происходящего. Он почувствовал, что наукократия считала необходимым то заточение души, из которого он стремился вырваться.

Фильм закончился. Люди поднялись со своих мест, двинулись по проходам в фойе и собрались группами; они переговаривались и смеялись.

Но для Брайана киносеанс на этом не закончился.

Вся жизнь проходила на экране кинотеатра.

Вот в чем она заключалась. Все, что его окружало, - помещения, разговоры, смех, стены корабля - было лишь изображением, появляющимся на экране, столь же материальным, как кадры из фильма.

Когда Брайан находился в таком настроении, все вокруг постепенно становилось непрочным и неустойчивым. Он даже усомнился в реальности материи. В конце концов, как можно доказать материальность чего-то? Только противопоставив одну материю другой. Тело буквально не существовало, пока оно не взаимодействовало с другим телом.

Все существование материального мира было относительным, оно могло сохраниться с помощью внутренних опор. Эта логическая система существовала в согласии с собой, но становилась бессмысленной в иных обстоятельствах.

Если смотреть со стороны, все это - не существовало.

Несмотря на огромный масштаб, окружающий мир скорее напоминал искусственное общество, которое сформировалось вокруг Брайана; члены этого общества поддерживали друг друга, ограничиваясь поверхностными суждениями и пустой болтовней. Это единство было лишено внешнего

содержания. Как только исчезнет взаимная поддержка - утратится самая основа жизни людей.

Подобные мысли и идеи настолько завладели Брайаном, что, с обычной точки зрения, стоило усомниться, можно ли считать его вменяемым. Но он не хотел отказываться от выстраданных суждений. Он постоянно напоминал себе вопрос философа двадцатого века, Мартина Хайдеггера: "Почему существует что-то, а не одно лишь ничто?" Вопрос в точности отражал его собственное мнение по этому поводу.

Под его ногами, над головой, по обе стороны - простиралось абсолютное ничто.

Все эти философские размышления не были напрямую связаны с желанием выглянуть наружу. Если уж на то пошло, Брайану просто не терпелось так поступить. Сам факт запрета убедил его, что цель оправдывала средства. И потому, не мудрствуя лукаво, он решил пустить в ход гаечный ключ.

Они вышли из кинотеатра, но не сразу вернулись в кают-компанию. Брайан продолжал болтать с Мерсером и небрежно повел его в противоположном направлении, бесцельно прогуливаясь, как было у них принято много лет назад.

Однажды они встретили офицера-наукократа. Брайан почувствовал тяжесть гаечного ключа, который висел у него под курткой.

Примерно через полчаса он остановился.

- Ты знаешь, где находишься? - спросил он.

Мерсер огляделся, вспоминая чертеж корабля, который помнил наизусть. Коридор был меньше обычного - совершенно пустой и без единой двери. Он машинально заметил, что окраска стен изменилась несколько сотен футов назад, когда роскошный коридор стал исключительно служебным.

- Мы, должно быть, где-то на периферии... - неуверенно сказал он.

Брайан прошел чуть дальше и махнул рукой, приглашая его следовать за собой.

- Пошли.

Мерсер занервничал.

- На меня не рассчитывай, - сказал он, качая головой.

- Я просто хочу тебе кое-что показать.

Мерсер нерешительно следовал за Брайаном, пока они не достигли последнего поворота. Брайан подождал, пока приятель поравняется с ним.

- Вот оно, смотри, - прошептал он. - Теперь просто стой здесь. Скажешь мне, если кто-нибудь

появится.

Мерсер попятился.

- О, нет!

Брайан беззаботно усмехнулся и тронул его за локоть.

- Ради блага науки, а, старина? - Он направился к концу туннеля, оставив Мерсера стоять на месте.

Мерсер чувствовал себя нелепо. Волей-неволей ему пришлось помочь Брайану - пусть даже пассивно!

Подойдя к крышке, Брайан приложил гаечный ключ к первому болту, отрегулировал захват и нажал на рукоять. После долгих усилий болт неохотно начал поворачиваться. Краска трескалась и отслаивалась.

Первый болт удалось открутить.

Брайан спокойно принялся за остальные. Ему потребовалось около десяти минут, чтобы вытащить все. По истечении этого времени крышка держалась на месте только благодаря слоям краски, соединявшим ее со стеной.

Он быстро надрезал краску по периметру люка перочинным ножом, пока пластина не подалась под его руками.

Он осторожно отодвинул крышку люка.

За ним обнаружилось углубление величиной

около трех футов, заканчивавшееся совершенно прозрачным пузырем, который, по-видимому, выступал над корпусом. Брайан ухватился за край отверстия.

Все его догадки оказались верными.

При первом же намеке на темноту по всему его телу пробежала дрожь. Он неуклюже втиснулся в нишу и пополз к стеклу, пока не уперся в прохладный, почти невидимый пластик.

Он посмотрел в космос.

При первом же взгляде в ту сторону, куда он развернулся, Брайан увидел невероятную, ошеломительную величину галактической спирали, состоявшей из сплошных переливов света. Он увидел размеры Линзы так ясно, как будто смотрел на собственную ладонь. Россыпь звезд становилась все больше, и больше, и больше. Перед ним предстало нечто настолько огромное, что оно было несоизмеримо даже с самой Землей - настолько огромное, что казалось бессмысленным. В первые две секунды, когда Брайан смотрел на бескрайние просторы Галактики, у него помутилось сознание. Но даже это не было целью его визита - и он отвернулся, чтобы посмотреть в другую сторону.

Его взгляд устремился за пределы галактики.

Там не было ничего, за исключением нескольких тусклых проблесков других галактик, которые казались почти неразличимыми - они только подчеркивали пустоту и бесконечность Космоса.

Наконец Брайан увидел то, что так долго искал: безграничную пустоту.

Пока он смотрел, все его внимание поглотило ужасное зрелище. С этого момента он был обречен. Все его существо было втянуто в необъятное пространство, когда вынужденная сосредоточенность достигла энной степени.

Первой стадией стала кататония, но и она продлилась недолго. Его личность была поглощена галактическим пространством. Через минуту его тело умерло.

Мерсер раздраженно ждал у поворота коридора. Брайан не возвращался.

Он посмотрел вдоль туннеля - туда, где находился люк. Он увидел торчащие из отверстия ноги Брайана. В течение нескольких минут его друг был совершенно неподвижен и не издавал ни звука.

- Брайан... - тихо позвал Мерсер. - Сколько еще?

Ответа не последовало.

- Брайан... - Затем он повторил гораздо громче: - Брайан!

Ответа по-прежнему не было. Мерсер почувствовал: что-то пошло не так. Он быстро прошел по туннелю и коснулся ноги Брайана.

Она мягко качнулась под давлением его руки, но Брайан как будто не почувствовал прикосновения. У Мерсера перехватило дыхание, и он задумался, что делать.

Еще несколько дюймов - и он тоже смог бы заглянуть в отверстие и увидеть открытый космос. Но он этого не сделал. Он попятился, несмотря на непреодолимое желание. Вскоре он уже бежал - по туннелям, по коридорам, отчаянно разыскивая офицера-наукократа. Когда Мерсер нашел офицера, он на одном дыхании выложил всю историю.

Через пять минут он уже вел спасательный отряд в сторону люка. По крайней мере, в своем невежестве Мерсер полагал, что это спасательный отряд.

Он сильно ошибался.

Ход операции опроверг одну из теорий Брайана. Наукократам не дозволяли смотреть в космос. Сотрудники, которые извлекли его тело из ниши и закрепили крышку на месте, носили цельнометаллические шлемы с телевизионными "глазами", подключенными к внутреннему

экрану.

Мерсер в ужасе наблюдал за происходящим, стоя у поворота коридора. Он в отчаянии последовал за носилками, на которых уносили мертвое тело Брайана.

Опустив голову и сложив руки на столе, капитан Броуд мрачно размышлял. Он думал о том, что сделал его пассажир Брайан Денвер. И думал о том, почему Брайан Денвер это сделал.

Как и любой другой капитан корабля, он не мог не думать о происходящем где-то там, снаружи. Ни один наукократ никогда так ясно не осознавал, сколь ничтожен человек и как мало значит вся его наука, когда он предстает пред открытым ликом Вселенной.

Больше, чем когда-либо, он ощущал отчуждение, отделение от простого народа, которые навязал наукократический коммунизм; об этом отчуждении он иногда сожалел, но теперь, когда произошел несчастный случай, понимал, что оно неизбежно.

Он покачал головой. С чем сравнить переживания погибшего пассажира?

Лик Божий обращен к самонадеянным, и взгляд его ужасен...

Кто-то постучал в дверь его кабинета. Он нажал

кнопку, и панель скользнула в сторону.

На пороге стоял Мерсер Стоун.

- Входите, мистер Стоун, - сказал капитан без предисловий. - Пожалуйста, садитесь.

Мерсер вошел и сел на предложенный стул. Он украдкой изучал массивное лицо капитана, пока тот раскладывал какие-то бумаги в ящике стола.

Броуд поднял глаза.

- И что я могу для вас сделать, мистер Стоун?

- Я думал, это очевидно, капитан. Я хочу знать, почему погиб мой друг.

- Он погиб, потому что нарушил корабельные правила, - мрачно ответил Броуд.

- Я знаю, - коротко ответил Мерсер, хотя напряжение, вызванное беседой, уже начинало нарастать. - В сложившихся обстоятельствах меня это вряд ли успокоит.

- Да, конечно. - Броуд положил руки на стол и опустил взгляд. Мерсер увидел, что капитан искренне сочувствует ему.

Броуд сказал:

- Вам очень повезло, что вы спаслись.

Мерсер побледнел еще сильнее прежнего.

- Спасся - от чего?

Броуд размышлял, чувствуя неуверенность и беспокойство. Неужели ему придется рассказать

Стоуну о том, что он сам узнал только после пятнадцати лет специального обучения под постоянным наблюдением? Капитан чувствовал, что этот парень имеет какое-то право узнать ответ, и уже проверил его Рейтинг Гражданина. И все же...

Капитан поднялся.

- Вы уверены, что хотите знать? - спросил он, пытаясь интонацией передать самую суть вопроса.

- Нет, - ответил Мерсер через мгновение. - Я чувствую, что совершенно разбит. Но после этого... - Он замолчал.

- Если настаиваете, я открою вам тайну, поскольку часть ее вам уже известна.

Мерсер кивнул.

Капитан Броуд повернулся и взял с полки тяжелый том в черном кожаном переплете: "Таблица физических постоянных". Показав Мерсеру название, напечатанное золотыми буквами, он положил книгу на стол.

Поняв, что к чему, Мерсер положил на книгу руку.

- Клянетесь ли вы всем сущим, что никому не расскажете о том, что вам предстоит узнать? - нараспев произнес капитан.

- Клянусь.

Капитан поставил книгу обратно на полку. Он снова повернулся лицом к Стоуну, чувствуя легкое смущение от того, что ему предстояло сказать.

- Дело в том, - начал он, - что любой человек, который посмотрит в космос, немедленно умрет.

После ужасного происшествия возле люка Мерсер почувствовал, что весь его мир переворачивается. Теперь у него появилось предчувствие чего-то, полностью меняющего картину мира, которую он всегда хранил в сознании. Он попытался прямо взглянуть в спокойное, уверенное лицо капитана.

- Но как...

- Этого мы не знаем. На самом деле, ответ известен лишь частично. Мы думаем, дело в том, что человек видит вселенную слишком открытой, слишком непостижимо огромной. Он теряется в ней, и его сознание уносится в космос, как улетела бы муха, если бы мы открыли главный порт.

- Что касается технических аспектов, мы не уверены, возможно, он утрачивает ориентиры.

- Но ведь никто никогда не пострадал во время межпланетных полетов, - заметил Мерсер.

Броуд кивнул.

- По некоторым причинам этого не происходит внутри Солнечной системы. Все как-то связано с Солнцем: оно остается якорем для разума. Я бы назвал его точкой опоры. Но как только вы окажетесь за пределами системы - ошибки быть не может, держаться больше не за что. Человек потерян. Идти некуда - и поскольку он находится в нигде, то и уходить неоткуда...

Вот и вторая половина теории Брайана, подумал Мерсер. Никакой монополии, которую ревниво охраняют наукократы, не существует. Есть только священный долг.

- Это меня пугает... - пробормотал он.

Капитан Броуд пристально разглядывал бледное, искаженное лицо Мерсера Стоуна.

- Таков космос, - сказал он. - Он слишком велик... Он поглотит нас, поглотит всех без разбора и счета. Это самый худший способ умереть.

Он отвернулся, и его голос дрогнул:

- Но знаете, я не думаю, что стоит умирать иначе...

Майкл Муркок
Странный сад Фелипе Саджиттариуса{12}

The Pleasure Garden of Felipe Sagittarius
[также под псевдонимом James Colvin]
Рассказ, 1965 год

Было тихо и тепло. Яркое солнце сияло в голубом небе над развалинами Берлина. Я карабкался по кучам поросшего бурьяном кирпича и обломкам бетона, направляясь расследовать убийство неизвестного, которое произошло в саду шефа полиции Бисмарка.

Меня зовут Минос Аквилинас, я - старший метатемпоральный следователь Европы, и я знал, что эта работенка будет не из легких.

Не просите меня назвать место или дату. Я не интересуюсь такими вещами, они меня только пугают. Я полагаюсь на инстинкт - выигрываю или проигрываю.

{12} Комментарии: 12
Перевод Л. Кузнецовой

Я получил всю имеющуюся у них информацию. Уже произведено вскрытие. Ничего необычного - кроме того, что у убитого были одноразовые бумажные легкие. Это могло пролить некоторый свет на его происхождение. Насколько мне было известно, до сих пор бумажными легкими пользовались в Риме. А что мог делать римлянин в Берлине? Почему его убили в саду шефа полиции Бисмарка? Мне было сказано, что его задушили. Задушить человека с бумажными легкими нетрудно, здесь много времени не требуется. Гораздо труднее ответить на вопрос, кто и почему это сделал.

От развалин до дома идти пришлось довольно далеко. Вокруг были одни камни, и лишь иногда попадались столбики все, что осталось от рейхстага, Бранденбургских ворот, музея Брехта и других не менее известных мест. Остановившись, я прислонился к единственной уцелевшей стене дома, снял пиджак и ослабил узел галстука, потом вытер лоб и шею носовым платком и закурил.

В тени стены было не так жарко, и когда я собрался продолжить путь, мне было уже полегче. Вскарабкавшись на большую кучу кирпича, поросшего голубыми цветочками, я увидел сверху дом Бисмарка. Дом, построенный из тяжелого

мрамора с черными прожилками в столь популярном смешанном стиле, представлял собой нечто среднее между дворцом Валгалла и чертогами Олимпа. Перед ним раскинулась ровная зеленая лужайка, а за ним - сад, окруженный такой высокой стеной, что я, хотя и смотрел сверху, мог разглядеть только листья деревьев. Толстые коринфские колонны у входа венчал фасад с барельефами, на которых мужи в рогатых шлемах с одинаковой легкостью расправлялись с драконами и друг с другом.

Я спустился к лужайке, пересек ее и, поднявшись по ступеням, очутился у парадных дверей. Это были большие, тяжелые двери, мне они показались бронзовыми, так много накладок украшало их. На накладках красовались безбородые всадники в каких-то изысканных доспехах, вооруженные двуручными мечами. В руках у некоторых были копья и топорики. Я позвонил.

Ждать пришлось довольно долго, и я успел внимательно рассмотреть весь декор. Наконец дверь распахнулась, и старик в костюме полувоенного образца, с трудом державшийся прямо, вопросительно взглянул на меня, приподняв белую бровь.

Я назвал свое имя, и он проводил меня в хо-

лодный темный зал, заполненный разного рода оружием, тем самым, что я видел в руках воинов на барельефах. Он открыл правую створку двери и попросил меня подождать здесь. Комната, где я оказался, была заполнена кожей и железом: оружие на стенах и кожаная мебель на ковре.

Толстые бархатные портьеры были отдернуты, и я, встав у окна, посмотрел на безмолвные руины. Выкурив еще одну сигару, я воткнул окурок в цветочный горшок и снова надел пиджак.

Старик вернулся и повел меня через зал, потом мы поднялись на один пролет широкой лестницы и вошли в огромную, уже не столь захламленную комнату, где и находился тот, к кому я пришел.

Он стоял посреди ковра. На нем был затейливо украшенный шлем с шишаком на макушке, темно-синий мундир со знаками различия, золотые с черным эполеты и начищенные до блеска сапоги со стальными шпорами. На вид ему было лет семьдесят, и выглядел он очень крепким. У него были кустистые седые брови и большие тщательно расчесанные усы. Когда я вошел, он прокричал что-то и вытянул вперед Руку, указывая на меня.

- Герр Аквилинас. Я - Отто фон Бисмарк, начальник берлинской полиции.

Я пожал протянутую руку. Если говорить точ-

нее, он пожал мою, встряхнув меня всего.

- Хорошенькое дело, - заметил я. - Убийство происходит в саду человека, который призван убийства предотвращать.

Вероятно, у него были парализованы или повреждены мышцы лица, потому что, даже когда он говорил, они почти не шевелились, в остальное же время лицо оставалось совершенно неподвижным.

- Именно так, - сказал он. - Мы, конечно, не хотели вас вызывать. Но, насколько я понимаю, это ваша специальность.

- Возможно. Тело еще здесь?

- В кухне. Там производили вскрытие. У него были бумажные легкие, вы знаете?

- Знаю. Итак, если я правильно понял, вы ночью ничего не слышали...

- О, нет, я слышал - лаяли мои волкодавы. Один из слуг пошел посмотреть, в чем дело, но ничего не обнаружил.

- Вы можете назвать время.

- Время?

- Когда это было?

- Около двух ночи.

- Когда нашли тело?

- Около десяти - его обнаружил садовник в ви-

нограднике.

- Хорошо. Давайте взглянем на тело, а потом поговорим с садовником.

Он повел меня на кухню. Одно из окон было открыто. Оно выходило в роскошный сад, поросший высоким кустарником самых разных оттенков. Из сада тянуло пьянящим ароматом. У меня закружилась голова. Я повернулся и увидел накрытое простыней тело, лежащее на выскобленном кухонном столе, покрытом простыней.

Я отдернул простыню. Передо мной лежало обнаженное тело, старое, но сильное, очень смуглое. Большая голова, густые черные усы, сразу бросающиеся в глаза. Трудно было представить, каким было это тело раньше, когда принадлежало живому человеку. На горле были видны следы удушения, распухшие кисти, предплечья и лодыжки говорили о том, что жертва не так давно была связана. Спереди был виден разрез, сделанный при вскрытии и зашитый очень небрежно.

- А одежда? - спросил я начальника полиции.

Бисмарк покачал головой и показал на стул, стоящий позади стола.

- Вот все, что удалось найти.

На стуле лежали аккуратно сложенные бумажные легкие, слегка потрепанные. Эти одноразо-

вые легкие - палка о двух концах. С одной стороны - можно курить, сколько хочешь, не боясь рака легких, но с другой - их следует регулярно менять. А это дорого, особенно в Риме, где, в отличие от других европейских городов-государств, государственная служба замены легких появилась лишь за несколько лет до войны, когда бумажные легкие были заменены более долговечными политэновыми. Рядом лежали наручные часы и пара рыжих туфель с длинными, загнутыми кверху носами.

Я взял одну из туфель. Сделано явно на Востоке. Потом я взглянул на часы. Часы были русские: тяжелые, старые и потускневшие. А вот ремешок из свиной кожи был новенький, и, если верить надписи, сделан был в Англии.

- Теперь мне понятно, почему обратились к нам, - сказал я.

- Да, были некоторые странности, - признал Бисмарк.

- Я могу поговорить с садовником, который нашел его?

Бисмарк подошел к окну и позвал:

- Фелипе!

Листья будто сами по себе раздвинулись, и в образовавшемся проеме появился высокий мо-

лодой человек с темными волосами и длинным, бледным лицом. В руке он держал изящную лейку. На нем была зеленая рубашка со стоячим воротничком и такого же цвета брюки.

Мы смотрели друг на друга через оконное стекло.

- Это мой садовник, Фелипе Саджиттариус, - сказал Бисмарк.

Саджиттариус поклонился. Его глаза смеялись, но Бисмарк, как мне показалось, этого не заметил.

- Вы можете показать, где нашли тело? - спросил я.

- Конечно, - ответил Саджиттариус.

- Я подожду здесь, - сказал Бисмарк, увидев, что я направился к двери.

- О'кэй. - Я спустился в сад и последовал за Саджиттариусом. И снова мне показалось, что кусты раздвинулись сами собой.

В саду по-прежнему стоял густой эротический аромат. Среди тёмной, мясистой листвы виднелись вишневые, пурпурные и синие цветки каких-то растений, иногда попадались ярко-желтые и розовые.

Трава, по которой я ступал, казалось, ползла под моими ногами, а странные очертания де-

ревьев и кустарников дополняли неприятное ощущение, и я подумал, что этот сад место, явно не подходящее для отдыха.

- Это все ваша работа, Саджиттариус? - спросил я.

Он кивнул не останавливаясь.

- Оригинально, - заметил я. - Никогда не видел такого.

Тут Саджиттариус обернулся и показал большим пальцем назад.

- Вот это место.

Мы стояли на небольшой полянке, почти полностью окруженной решеткой, увитой толстыми виноградными лозами. Я заметил, что в дальнем углу оборваны несколько лоз и проломана решетка. Я догадался, что это следы борьбы. Я все никак не мог понять, почему убийца развязал жертву, прежде чем ее задушить. А получалось, что было именно так иначе никакой борьбы не было бы. Я осмотрел место, но не обнаружил никаких других следов. Сквозь проломанное в решетке отверстие я увидел маленький летний домик, выстроенный в китайском стиле, он весь блестел красным, желтым и черным лаком, а местами - позолотой. Домик никак не вязался с архитектурой главного дома.

- Что это? - спросил я садовника.

- Ничего, - угрюмо ответил тот, явно недовольный тем, что я увидел.

- Я все-таки взгляну.

Он пожал плечами, но проводить меня не предложил. Пройдя между решеток, я подошел к домику. Саджиттариус не торопясь следовал за мной. Поднявшись по деревянным ступенькам на веранду, я толкнул дверь. Она открылась, и я вошел. Домик состоял всего из одной комнаты - спальни. Постель была не убрана. Судя по ее виду, обитатели покидали домик в большой спешке. Из-под подушки торчали нейлоновые чулки, а на полу валялись мужские кальсоны. Простыни были белоснежные, мебель - восточная, очень богатая.

Саджиттариус стоял в проеме двери.

- Ваш домик? - поинтересовался я.

- Нет. - Его голос звучал оскорбление. - Начальника полиции.

Я ухмыльнулся.

Саджиттариус ударился в пространные объяснения.

- Томительные запахи, опасность, исходящая от растений, тяжелый воздух сада - все это, без сомнения, может возбудить и человека более

старшего возраста. Это единственное место, где он может расслабиться. Потому он меня и держит, потому дает мне полную свободу действий.

- А это, - спросил я, указывая на постель, - связано как-то с тем, что произошло прошлой ночью?

- Может, он и был здесь, когда это случилось, но я... Саджиттариус покачал головой, и я спросил себя, не намекает ли он на что-то, что я упустил.

Увидав на полу какой-то предмет, я наклонился и поднял его. Это была подвеска с выгравированными готическим шрифтом инициалами Е.Б.

- Кто эта Е.Б.? - спросил я.

- Меня интересует только сад, господин Аквилинас, - я не знаю, кто она.

Я выглянул в странный сад.

- Почему это вас интересует, для чего все это? Вы ведь делаете это не по его приказу, правда? Вы делаете это по собственному желанию, - мрачно улыбнулся Саджиттариус.

- Вы проницательны.

Он помахал рукой теплым листьям, больше напоминавшим рептилий, но чем-то - и млекопитающих.

- Вы знаете, что я там вижу? Я вижу глубоководные впадины, где в молчании зеленоватых сумерек плавают затонувшие подводные лод-

ки, к которым тянутся щупальца хищников, полурыб-полурастений, под взглядами покойников-водяных; где моллюски и скаты сражаются в грациозном танце смерти, пятна черной краски, смешиваясь с пятнами алой крови, поднимаются на поверхность на радость акулам. Моряки с проплывающих мимо кораблей будут сходить с ума, бросаться за борт, стремясь к далеким существам-растениям, уже пирующим на останках моллюсков и скатов. Это мир, который я могу перенести на землю - и это моя мечта. - Он взглянул на меня, помолчал и промолвил: Это как гигантский аквариум!

Вернувшись в дом, я обнаружил, что Бисмарк возвратился обратно в свою комнату. Он сидел в бархатном кресле. Из незаметного для постороннего глаза магнитофона лилась музыка. Это был - всего-навсего - струнный квартет Равеля.

- А Вагнера у вас случайно нет? - поинтересовался я и тут же перешел в наступление: - Кто такая Е.Б.?

- Потом, - сказал он. - Сейчас на ваши вопросы ответит мой помощник, он должен ждать на улице.

Возле дома был припаркован автомобиль. Это был помятый "фольксваген". Внутри видел оде-

тый в аккуратную военную форму человек, ниже среднего роста, с маленькой щеточкой усов и падающей на лоб непослушной прядью темных волос. Руки, сжимающие трость, были затянуты в черные перчатки. Увидев меня, он улыбнулся, сказал: "Ага" - и проворно выбрался из машины. Слегка поклонившись, он пожал мне руку.

- Адольф Гитлер, - представился он. - Капитан военной сыскной полиции Двенадцатого округа. Начальник полиции Бисмарк прислал меня в ваше распоряжение.

- Рад слышать. Что вы о нем знаете?

Гитлер открыл мне дверцу, и я уселся в машину. Он обошел с другой стороны и влез на место водителя.

- О шефе? Гитлер покачал головой. - Он как-то далек от меня. Я недостаточно хорошо его знаю - нас разделяют несколько званий. Обычно я получаю приказы не от него лично. А на этот раз он захотел сам меня увидеть и дать задание.

- Что это было за задание?

- Просто помочь вам в расследовании.

- Расследовать особенно нечего. Насколько я понимаю, вы полностью верны своему шефу?

- Конечно, - Гитлер выглядел озадаченным. Он завел машину, и мы тронулись по аллее к

выходу, миновали ворота и поехали по ровной белой дороге, по сторонам которой громоздились гигантские валуны.

- У убитого были бумажные легкие? - спросил он.

- Да. Он, вероятно, из Рима. Он чем-то напоминает итальянца.

- Или еврея, да?

- Не думаю. Почему вам так показалось?

- Русские часы, восточные туфли, нос. Нос у него здоровый. И вы знаете, в Москве еще пользуются бумажными легкими.

Его доводы показались мне немного странными, но я не стал возражать. Мы завернули за угол и оказались в жилом квартале, где еще сохранилось множество зданий. Я заметил в подвале одного из них бар.

- Может, зайдем? - спросил я. - Сюда? - мои слова, казалось, удивили или даже испугали его.

- А почему бы и нет?

Он остановил машину, и мы спустились в бар. В барс пела девушка. Это была пухленькая брюнетка с приятным негромким голосом. Она пела по-английски, и я уловил припев:

Мы не грустны, а веселы,

И Стив не вспоминается.

Ведь Стив в тюрьме повесился,

А Джон с другой встречается.

Это был последний в Англиихит. Мы заказали пиво. Мне показалось, что бармен хорошо знает моего спутника, потому что он засмеялся, хлопнул Гитлера по плечу и не взял с нас денег за пиво. Гитлер был смущен.

- Кто это? - спросил я.

- О, его зовут Вайль. Я его немного знаю.

- Судя по всему, не так уж немного.

Гитлер с несчастным видом расстегнул свой форменный китель, сдвинул на затылок фуражку и безуспешно попытался откинуть назад непослушную прядь волос. Он казался печальным, маленьким человечком, и я почувствовал, что моя манера задавать вопросы здесь, видимо, неуместна. Я допил пиво и стал наблюдать за певицей. Гитлер сидел к ней спиной, но я заметил, что она все время на него смотрит.

- Что вы знаете об этом Саджиттариусс? - спросил я.

Гитлер пожал плечами.

- Очень мало.

Вайль снова возник за стойкой и предложил еще пива. Мы отказались.

- Саджиттариус? - живо заговорил Вайль. - Вы

говорите об этом психе?

- А он псих, да? - заинтересовался я.

- Это несправедливо, Курт, - запротестовал Гитлер. - Он способный человек, биолог...

- Которого выгнали с работы, потому что он сумасшедший!

- Не будь злым, Курт, - неодобрительно заметил Гитлер. Он изучал потенциальную чувствительность растений. Совершенно нормальное направление в научных исследованиях.

Из угла послышался чей-то презрительный смех. Это был какой-то взлохмаченный старик. Он сидел один за столом, перед ним стоял стакан шнапса.

Вайль указал на него.

- Спросите Альберта. Он разбирается в науке.

Гитлер уставился в пол, поджав губы.

- Он - обыкновенный старый учитель математики, причем озлобленный. И просто завидует Фелипе, - добавил он тихо, чтобы старик не смог его услышать.

- Кто он? - спросил я Вайля.

- Альберт? Очень талантливый человек. Он просто не получил признания, которого заслуживает. Хотите с ним познакомиться?

Но взлохмаченный человек уже уходил. Он

помахал рукой Гитлеру и Вайлю.

- Курт, капитан Гитлер, добрый день.

- Здравствуйте, доктор Эйнштейн, - пробормотал Гитлер и повернулся ко мне. - Куда вы теперь хотите поехать?

- Думаю, надо пройтись по ювелирным магазинам, - ответил я, ощупывая подвеску, лежавшую у меня в кармане. - Я, конечно, могу и ошибаться, но это единственный путь, который я вижу в данный момент.

Мы отправились по ювелирным магазинам. Приближались сумерки, а мы пока отнюдь не приблизились к разгадке тайны подвески. Я решил, что завтра придется просто вытрясти тайну из Бисмарка, хотя понимал, что это будет нелегко. Вряд ли он захочет отвечать на мои весьма личные вопросы.

Гитлер высадил меня возле участка, где для камеру меня переделали в спальню.

Я сидел на жесткой постели, курил и думал. Я уже собирался раздеться и лечь, как вдруг подумал о баре, в котором мы были. Я был уверен, что там кто-нибудь сможет мне помочь. Поддавшись порыву, я выскочил на пустынную улицу. Жара еще не спала, небо затянуло тяжелыми облаками. Похоже было, что приближается гроза.

Я сел в кэб и вернулся в бар. Он был еще открыт.

Вайль уже не стоял за стойкой - он играл на аккордеоне, аккомпанируя той же певице. Когда я вошел, он кивнул мне. Я облокотился на стойку и заказал пива.

Закончив выступление, Вайль отстегнул аккордеон и подошел ко мне. Девушка последовала за ним.

- Вы без Адольфа? - спросил он.

- Он поехал домой. Он ведь ваш хороший друг, да?

- О, мы познакомились много лет назад в Австрии. Вы знаете, он славный человек. Ему не следовало идти работать в полицию, он слишком мягок.

- И мне так показалось. Почему же он все-таки пошел туда?

Вайль улыбнулся и покачал головой. Это был худой невысокий человек в массивных очках. У него был большой чувственный рот.

- Возможно, чувство долга. У него невероятно развито чувство долга. К тому же он необычайно религиозен фанатичный католик. Мне кажется, это давит на психику. Вы ведь знаете этих выкрестов, они ничему не верят, постоянно терзаются

сомнениями. Я еще ни разу не встречал счастливого новообращенного католика.

- По-моему, он не любит евреев.

Вайль нахмурился.

- Не любит? Я никогда не замечал. Многие его друзья евреи. Я - еврей, да и Саджиттариус тоже.

- А Саджиттариус его друг?

- Ну, скорее знакомый. Я видел их вместе пару раз.

Снаружи раздались раскаты грома... Потом начался дождь.

Вайль подошел к двери и начал опускать штору. Сквозь шум грозы я услышал другой звук, странный, металлический, скрежещущий звук.

- Что это? - спросил я.

Вайль покачал головой и вернулся к стойке. Бар уже опустел.

- Я посмотрю, - сказал я.

Подойдя к двери, я открыл ее и поднялся вверх по ступенькам. В свете стремительных синих молний, напоминавших орудийный огонь, я увидел гигантского металлического монстра величиной с высокое здание, марширующего среди развалин. Опираясь на свои четыре выдвижные ноги, он двигался под прямым углом к дороге. Из его огромного туловища и головы во всех направ-

лениях торчали дула орудий. Время от времени в него ударяла молния, и тогда он издавал оглушительный лязг, напоминавший звон колокола, останавливался, чтобы выстрелить вверх, в источник молнии, и продолжал свой путь.

Я сбежал вниз по ступенькам и распахнул дверь. Вайль вытирал стойку. Я описал увиденное.

- Что это, Вайль?

Маленький человечек покачал головой.

- Не знаю. Видно, эту штуку бросили здесь завоеватели Берлина.

- Похоже, он был сделан здесь.

- Может, и здесь. В конце концов, кто завоевал Берлин?

Из задней комнаты послышался пронзительный женский крик.

Вайль выронил стакан и рванулся в комнату. Я последовал за ним. Он открыл дверь. В комнате было уютно. На столе, покрытом плотной темной скатертью, были соль и перец, лежали ножи и вилки. У окна стояло пианино. На полу лежала девушка.

- Ева! - выдохнул Вайль, опускаясь на колени рядом с телом.

Я еще раз внимательно оглядел комнату. На

маленьком кофейном столике стоял цветок. Со стороны он напоминал кактус неприятного пятнисто-зеленого цвета, а сверху походил на змею, приготовившуюся к нападению, змею без глаз, без носа, но со ртом... Рот был на месте. Он открывался по мере моего приближения к цветку. Во рту росли зубы - или, если сказать точнее, шипы, расположенные подобно зубам. Одного зуба впереди недоставало. Этот шип я обнаружил в запястье девушки. Я не стал его вынимать.

- Она умерла, - тихо сказал Вайль, поднимаясь и оглядываясь. - Почему?

-Ее укусил вот этот ядовитый цветок, - объяснил я.

- Цветок..? Я должен вызвать полицию.

- Думаю, сейчас этого лучше не делать, - заметил я уходя. Я знал, куда идти.

Дом Бисмарка - и странный сад Фелипе Саджиттариуса. Я весь промок, пока искал кэб. Я велел кэбмену гнать во весь опор.

Остановив кэб, не доехав до дома, я расплатился и пошел пешком через лужайку. Звонить я не стал, а влез в окно, воспользовавшись своим карманным алмазом.

Сверху слышались голоса. Я спешил на них и скоро нашел, откуда они доносились, - кабинет

Бисмарка. Чуть приоткрыв дверь, я увидел Гитлера с пистолетом, направленным на Отто фон Бисмарка, все еще одетого в полную военную форму. Оба были бледны. Рука Гитлера тряслась, а Бисмарк тихонько стонал.

Перестав стонать, Бисмарк сказал умоляюще:

- Я не шантажировал Еву Браун, вы - болван, она любила меня.

Гитлер издал короткий, почти истерический смешок:

- Любила вас - толстого старика!

- Ей нравились толстые старики.

- Она была не такая. И вообще, кто это выдумал?

- Кое-что рассказал следователь. А полчаса назад мне позвонил Вайль и сказал, что Еву убили. Я считал Саджиттариуса своим другом. Я ошибался. Он - нанятый вами убийца.

- Ну, а я сегодня совершу свое убийство.

- Капитан Гитлер - я старше вас по званию!

По мере того как голос Бисмарка обретал уверенность, рука, державшая пистолет, теряла твердость. Я вдруг сообразил, что все это время тихо звучит музыка. По какому-то странному совпадению это был Пятый струнный квартет Бартока. Бисмарк пошевелил рукой.

- Вы ошибаетесь. Человек, которого вы наняли следить за Евой, когда она шла сюда прошлой ночью, - это же ее бывший любовник.

Губы Гитлера задрожали.

- Вы знали, - заметил Бисмарк.

- Подозревал.

- Вы знали и об опасностях, таящихся в саду, ведь Фелипе говорил вам. Его задушили виноградные лозы, когда он пробирался к летнему домику.

Рука, державшая пистолет, замерла. У Бисмарка был испуганный вид.

Он ткнул пальцем в Гитлера.

- Это вы убили его, а не я, - закричал он. - Вы послали его на верную смерть. Вы убили Сталина - из ревности. Вы надеялись, что он сначала убьет меня и Еву. У вас не хватило силы и решимости противостоять нам открыто!

Гитлер издал невнятный крик, схватил пистолет обеими руками и раз за разом стал нажимать на спусковой крючок. Несколько пуль не достигли цели, но одна из них попала в Железный Крест, пробила его и вошла в сердце. Бисмарк упал навзничь, мундир его лопнул, а шлем слетел с головы.

Я вбежал в комнату и отобрал пистолет у пла-

чущего Гитлера. Осмотрев Бисмарка, я убедился, что он мертв. Я понял, почему лопнул мундир. Бисмарк носил корсет, и одна из пуль, видимо, задела шнурок. Это был тяжелый корсет, и удерживать ему приходилось большую массу.

Мне стало жаль Гитлера. Он продолжал рыдать, и я помог ему сесть. Он выглядел маленьким и несчастным.

- Что я наделал? - заикаясь бормотал он. - Что я наделал?

- Бисмарк послал этот цветок Еве Браун, чтобы заставить ее замолчать, когда понял, что я близок к разгадке?

Гитлер кивнул, шмыгнул носом и снова заплакал.

Я взглянул на дверь. Там в нерешительности стоял человек.

Я положил пистолет на каминную доску.

Это был Саджиттариус.

Он кивнул мне.

- Гитлер только что застрелил Бисмарка, - объяснил я.

- Ясно, - сказал он.

- Бисмарк велел вам послать Еве Браун этот цветок, ведь так? - спросил я.

- Так. Красивый цветок - результат скрещива-

ния обычного кактуса, "мухоловки Венеры", с розой, а яд - разумеется, кураре.

Гитлер встал и вышел из комнаты. Мы смотрели, как он выходит, все еще продолжая всхлипывать.

- Куда вы? - спросил я.

- На воздух, - ответил он, спускаясь по ступенькам.

- Подавление сексуальных желаний, - сказал Саджиттариус, усаживаясь в кресло и удобно пристраивая ноги на трупе Бисмарка. - Это бывает причиной стольких несчастий. Если бы только страсти, кипящие в душе человека, глубоко запрятанные желания, могли быть выпущены наружу, насколько улучшился бы мир.

- Возможно, - сказал я.

- Вы собираетесь кого-нибудь арестовать, герр Аквилинас?

- Моя работа заключается в том, чтобы написать отчет о расследовании, а не в том, чтобы кого-то арестовывать.

- А последствия?

Я засмеялся.

- Последствия всегда есть.

Из сада послышался какой-то необычный лающий звук.

- Что это? - спросил я. - Волкодавы?

Саджиттариус хихикнул.

- Нет-нет, боюсь, что это собачий цветок.

Я выскочил из комнаты и помчался вниз по лестнице в кухню. Труп, накрытый простыней, все еще лежал на столе. Я хотел открыть дверь в сад, но остановился и прижался лицом к оконному стеклу. Весь сад двигался, как в каком-то возбужденном танце. Шумела листва, странный запах стал совершенно нестерпимым, это чувствовалось даже при закрытых дверях.

Мне показалось, что я увидел фигуру человека, сражающегося с какими-то толстоствольными кустами. Я услышал рычание, звук разрываемой одежды, пронзительный крик и длинный протяжный стон.

Неожиданно все движение в саду прекратилось. Я обернулся. Позади меня, сложив руки на груди и глядя в пол, стоял Саджиттариус.

- По-моему, ваш собачий цветок схватил его, - сказал я.

- Он знал меня - он знал сад.

- Может, самоубийство?

- Очень может быть. - Саджиттариус опустил руки и посмотрел на меня. - Вы знаете, он мне нравился. Он был чем-то вроде моего протеже.

Если бы вы не вмешались, возможно, ничего бы этого не случилось. Если бы я направлял его, он мог бы пойти далеко.

- Найдете другого протеже, - сказал я.

- Будем надеяться.

Незаметно начало светлеть. Дождь уже только моросил, орошая страждущие от жажды листья.

- Вы собираетесь остаться здесь? - спросил я.

- Да, я должен работать в саду. Слуги Бисмарка позаботятся обо мне.

- Да уж конечно.

Я поднялся назад по ступенькам и вышел из дома в холодное, умытое дождем рассветное утро. Подняв воротник, я принялся не спеша карабкаться по кучам кирпича.

Кит Рид
Азофроматем

Sisohpromatem
Рассказ, 1967 год

Я, Йозеф Тар, проснулся однажды утром и обнаружил, что стал огромным человеком. Я лежал под раковиной в меблированной комнате, которая до сих пор была моим царством, безграничным миром - и впервые увидел, что со дна раковины всего в нескольких дюймах от моего лица капает вода и что с того места, где я лежал, мне видны все четыре стены комнаты.

Потом я понял, что лежу на спине. Сначала я думал, что умру там, если кто-нибудь не подойдет и не подтолкнет меня локтем, а потом, начав дрыгать ногами, я обнаружил, что передние лапы цепляются за край умывальника, и после определенных телодвижений я смогу перевернуться на живот. Тогда я еще надеялся, что, как только перевернусь, смогу уползти и спрятаться за досками, которые я так любил.

Как вы, должно быть, догадались, я тогда еще не осознавал всей серьезности своего положения.

Мне так не терпелось перевернуться, что я схватился за умывальник, начал карабкаться вверх, а затем потерял опору и, наконец, откинулся назад, чтобы отдохнуть.

И только тогда, когда я лежал, раскинув в разные стороны эти новые розовые лапы, мне стало ясно, насколько противным я стал. Новые конечности были огромными и отвратительно розовыми, раздутыми, как у ночных ползунов, и их оказалось всего четыре. Моя спина, прижатая к прогнившим доскам пола, была необычайно чувствительной. Исчезла моя главная прелесть; исчез мужественный панцирь, который сверкал в тусклом свете, защищая меня от тысячи опасностей, угрожающих молодому таракану. Исчезли мои блестящие усики и великолепные ножки, которые поддерживали меня за талию. На теле, которое было подвижным как ртуть, у меня остался ряд огромных бугров и наростов; моя ловкая изящная фигура сменилась неопрятным, неуклюжим, отвратительным нагромождением плоти.

Я бы впал в отчаяние, если бы инстинкт, который был сильнее разума, не подсказывал мне, что нужно бороться за то, чтобы перевернуться на живот - ведь только тогда мир покажется мне

правильным.

Собрав все силы, я снова схватился за раковину, с тоской думая о слизи, которой когда-то наслаждался, зная, что никогда больше не буду резвиться в этих трубах. Мне снова вспомнились те пирушки, гонки в щелях на дне унитаза, галантное пренебрежение, с которым мы относились к шарикам, разбросанным обитателем комнаты, гордость, которую я испытывал, увернувшись от неуклюжих человеческих ног. И поскольку я, в конце концов, оставался насекомым, то овладел собой и попытался подняться. Орудуя странными передними лапами, я ухватился за раковину и подтягивался, пока моя верхняя половина не уперлась в нее; я нечаянно встал, как, вспоминается мне теперь, делают люди - и, поравнявшись с отражающей поверхностью, нечаянно уткнулся в то, что оказалось моим лицом.

Я кричал целую минуту, меня так трясло, что я упал, должно быть, на колени, прижавшись своим новым лицом к холодному фарфору. Дрожа, я согнулся, заметив попутно, что согнулся я в нескольких направлениях, особенно в талии. Инстинкт направлял меня так, что падение совершалось в несколько этапов; я сгибался и разгибался и, наконец, очнулся, лежа на животе;

сама мысль, что я лежал именно так, как было задумано богами, немного подбодрила меня.

И все же я мог бы умереть тогда - просто от ужаса, - если бы не появилась новая надежда. Когда я лежал, засунув голову под раковину, у меня возникло ощущение, что в плинтусе рядом с моей головой что-то шевелится. Несмотря на то, что мой слух, к сожалению, притупился, я услышал, как они приближаются - смелый Хьюго и ворчливый Арнольд; Сара, Стив и Глория шелестели где-то позади. Должно быть, их привлекли мои крики - они, несомненно, шли спасать меня.

Арнольд появился первым, смело выглянув из темноты под плинтусом. Поскольку я не мог истолковать выражение его лица, то лежал молча, ожидая, что будет дальше. Хьюго встал рядом с ним, едва не ткнувшись в мой левый локоть, и остальные вышли, один за другим, глядя на меня и переговариваясь между собой. Они казались такими знакомыми, все эти любимые лица, такими обеспокоенными, - я был уверен, что они пришли мне на помощь, и поэтому, стараясь говорить потише, чтобы не напугать их своим громким голосом, сказал:

- Хьюго. Арнольд. Слава богу, вы пришли.

Но они не ответили. Вместо этого они склонили

головы друг к другу, переплетя усики, и, хотя я не мог разобрать, что они говорят, я был уверен, что они говорят обо мне, поскольку они никогда бы не заговорили так в моем присутствии, если бы я снова стал самим собой.

Огорченный этим, я наконец повернулся к Глории, с которой мы были настолько близки, насколько могут быть близки два таракана - и, поскольку она не болтала с остальными, а вместо этого смотрела на меня с каким-то сосредоточенным выражением, я прошептал, полный страстного желания:

- Глория, конечно, ты останешься...

Глория снесла яйцо.

Не в силах сдержаться, я заплакал. Это само по себе было для меня в новинку, и меня так поразило это ощущение и странный вкус выделяемой жидкости, что на минуту я позабыл о маленькой делегации, выстроившейся вдоль плинтуса.

В следующий момент они атаковали. Издавая крики ненависти и отвращения, воспользовавшись моим ослабленным состоянием, они двинулись на меня и поползли по передней ноге, направляясь к моему уязвимому лицу. Возможно, они даже думали полакомиться моими глазами.

Не могу объяснить, что произошло дальше. Воз-

можно, сказались моя боль и обида на этих уже бывших собратьев, возможно, это стало лишь следствием моего превращения; знаю только, что по моей бледной плоти поползли мурашки, и я поднялся, ударившись головой о раковину и в то же время нанося удары, размахивая руками, пытаясь сбросить противников.

Приземлившись кучкой у меня на коленях, они перегруппировались, и в наступившей паузе я попытался объяснить, извиниться, я умолял их признать и принять меня; но в следующую секунду они снова напали. И вот, не в силах сдержаться, я сделал то, чего ни один таракан никогда не сделает с другим: я набросился сначала на Глорию, заставив ее отлететь к плинтусу; я видел, что она ранена, но был слишком зол, чтобы обращать на это внимание. Затем я ударил Сару кулаком.

Тогда остальные убежали, оставив меня одного у раковины; и когда они ушли, меня охватило странное новое чувство. Я впервые обрел силу, и когда я подумал о ранах, которые нанесли мне другие, эта новая сила показалась мне сладкой на вкус. Почти без усилий я снова поднялся, совершенно естественно встав на ноги. Затем, поскольку это показалось мне разумным, я открыл кран, пока не полилась вода, и смыл то, что

осталось от Сары, с частей тела, которые, как я теперь понимаю, были моими руками.

В следующие несколько часов я заново открыл свое королевство. Комната, которую я всегда считал миром, была довольно маленькой, с четырех сторон окруженной стенами и заполненной предметами, которые я постепенно опознал, разгадав их предназначение. Экспериментируя со своими суставами, я опустился на стул. Со временем, вспомнив все, что я знал о людях, я взял несколько тряпок, висевших на спинке стула, и надел их на себя, укрыв голову и руки просторным эластичным одеянием, предназначенным для этой цели, и величественно повязал еще одну деталь одежды вокруг талии.

Встревоженный, я снова и снова ходил по комнате, пока, наконец, не нашел предмет с изображениями на скрепленных вместе листочках бумаги; по изображениям я понял, что кое в чем ошибся, и тогда переоделся в соответствии с тем, что увидел на картинке.

Время от времени я посматривал вниз и, если замечал хоть какой-то признак присутствия кого-то из прежних товарищей, тыкал ботинком в щели.

Я как раз занимался этим, когда с другой сто-

роны двери раздался какой-то звук, и прежде чем я успел подготовиться и спрятаться, дверь открылась, и в комнату вошел другой человек - женщина.

Она заговорила, и мое преображение было настолько полным, что я понял ее.

- Где Ричард?

Поскольку я боялся говорить, то ответил ей пожатием плеч.

- Ты, должно быть, один из тысячи его кузенов.

Я кивнул. Меня почему-то успокоила ее фраза; я всегда считал, что люди живут в изоляции, и мне было как-то спокойнее осознавать, что их семьи такие же большие, как у нас.

- И когда он вернется?

Я снова пожал плечами, но на сей раз ответ ее не удовлетворил. Она подошла ближе, очевидно, изучая меня, и, наконец, спросила:

- Как тебя зовут?

- Йо... Йозеф. - Даже мне самому понравилось, как это прозвучало.

- Что ж, Йозеф, может, мы сходим куда-нибудь перекусить, а когда вернемся, наверное, Ричард появится здесь.

Я не знал почему, но твердо знал, что не готов.

- Я... я не могу этого сделать.

- О, хочешь подождать его. Ну, дело твое. - Она бросила на меня взгляд из-под копны рыжих волос, и волосы впервые показались мне привлекательными. Она была вся такая мягкая, и это, как ни странно, тоже привлекало.

- Но я... голоден. - Я ничего не ел с утра, когда обнаружил что-то за унитазом.

- Я принесу тебе гамбургер, - сказала она. - Если Ричард придет, пока меня не будет, отведи его в "Хаттонс". - Она внимательно посмотрела на меня. - Знаешь, ты неплохо выглядишь. Но почему, черт возьми, у тебя рубашка так застегнута?

Никогда не забуду, что произошло дальше. Она шагнула вперед и принялась возиться с моей верхней одеждой, дергая ее то в одну, то в другую сторону, возвращая на место, а когда осталась довольна, отступила назад и сказала: "Неплохо. Совсем неплохо". В следующую секунду она исчезла - слишком быстро для меня, но не для моего сердца, которое улетело вместе с ней.

Как я ликовал тогда! Я кружился по комнате, словно паук, наслаждаясь движениями своих многочисленных суставов, впервые гордясь всеми своими подвижными частями тела и мягкой плотью, которая их покрывала, думая, что я получил все лучшее из обоих миров. Я был самым

крупным и красивым в царстве насекомых; теперь я стану самым красивым в мире людей: принцем среди тараканов, королем среди людей. Я кружился, танцевал и радовался своему новому телу, а потом, в порыве наслаждения, вернулся в угол у раковины и ботинком Ричарда раздавил все антенны, которые торчали из этой жалкой маленькой щели.

- Вот, Ральф. Хьюго. Теперь я понимаю. Малые всегда будут ненавидеть великих.

Я говорил это, когда меня охватила странная слабость, и мне пришлось резко выпрямиться, потому что мои прекрасные суставы предали меня и не сгибались. Вместо этого я остался стоять на ногах у единственного в комнате окна, глядя на мир внизу и думая, что, как только я поем, ко мне вернутся силы и я выйду на улицу - мужчина среди мужчин.

И я возьму с собой самку. Теперь, когда она увидела меня, ей больше не понадобится этот жалкий Ричард, который жил в крошечной, убогой комнатке. Мы с ней найдем собственное гнездо, и тогда ... От этой мысли у меня закружилась голова, и я попятился к мягкому сидению, стоявшему на четырех ножках; и поскольку я больше не мог оставаться в вертикальном по-

ложении, не предпринимая огромных усилий, я откинулся на мягкую спинку, чувствуя какое-то неудобство в районе спины.

Итак, лежа, я заметил нечто странное в своих нижних челюстях, когда мужчина, вероятно Ричард, открыл дверь и вошел в комнату.

В следующую секунду он увидел меня, лежащего, как я полагаю, в его постели, и, должно быть, со мной произошли какие-то новые превращения, потому что лицо, которым я так гордился, ему совсем не понравилось, как и моя фигура, лежащая среди его одеял, и конечности, которыми я махал, призывая его больше не кричать и просто подождать...

Теперь я слышу его голос внизу, слышу пронзительный крик, и я слышу, как женщина поднимает тревогу, и я слышу голоса многих мужчин и знаю, что они вооружены. Они уже на лестнице, с цепями и дубинками, и, к своему ужасу, я обнаруживаю, что, несмотря на свой рост, я снова могу двигаться, наполовину так, наполовину этак, и я пробираюсь к раковине и пытаюсь пролезть под ней, и я кричу, умоляя своих братьев, чтобы они позволили мне присоединиться к ним.

- Хьюго, Арнольд, позвольте мне вернуться.

Я отчаянно пытаюсь прижаться к плинтусу,

но часть меня все еще высовывается из-под раковины - я чувствую дуновение воздуха на моем открытом, твердеющем панцире. Они вламываются в дверь, они уже близко...

Хьюго, Арнольд. Это я.

Желязны Роджер
Жизнь, которую я ждал{13}

For a Breath I Tarry
Повесть, 1966 год

Его звали Фрост{14}. Из всех созданий Солкома Фрост был самым Лучшим, самым мощным, самым сложным.

Поэтому ему дали имя и поручили контролировать

одно из полушарий Земли. В день создания Фроста Солком страдал от разрыва в цепи взаимодополнительных функций, или, иначе говоря, сходил с ума. Вызвавшая это беспрецедентная вспышка солнечной активности продолжалась чуть более тридцати шести часов и совпала по времени с жизненно важной фазой конструирования схем. Когда все закончилось, появился Фрост.

Так Солком породил уникальное существо, по-

{13} Комментарии: 13
Перевод В. Карташева

{14} Комментарии: 14
Мороз (англ.)

явившееся на свет в период временной амнезий.

И Солком отнюдь не был уверен, что Фрост получился таким, каким был задуман с самого начала.

Первоначальный план предусматривал создание машины для размещения на поверхности планеты Земля. Она должна была функционировать как ретрансляционная станция и координировать действия агентов в Северном полушарии. Исходя из этого, Солком протестировал машину, и все ответы ее были признаны безупречными.

И все-таки во Фросте было что-то, заставившее Солком наградить его именем собственным. Само по себе это уже являлось неслыханным событием. Однако детальный анализ этого обстоятельства привел бы к полному разрушению синтезированных раз и навсегда молекулярных схем.

Во Фроста было вложено слишком много времени, энергии и материалов Солкома, чтобы демонтировать его из-за чего-то, не поддающегося точному определению, тем более что функционировал он безукоризненно.

Поэтому самому странному созданию Солкома дали во владение половину Земли и назвали просто - Фрост.

Десять тысяч лет Фрост сидел на Северном по-

люсе Земли, зная о каждой упавшей снежинке. Он контролировал и направлял деятельность тысяч строительных и ремонтных машин. Он чувствовал половину Земли, как механизм чувствует другой механизм, как электричество знает свой проводник, как вакуум ощущает свои границы.

На Южном полюсе находилась машина Бета, выполняющая те же функции в Южном полушарии.

Десять тысяч лет сидел Фрост на Северном полюсе, ведая о каждой упавшей снежинке, а также о множестве других вещей.

Все машины севера отчитывались перед ним и получали от него приказы, сам же он докладывал только Солкому и получал распоряжения только от него.

Отвечая за сотни тысяч процессов на Земле, он тратил на выполнение своих обязанностей ежедневно по несколько часов.

Он никогда не получал распоряжений насчет своих действий в свободное от работы время.

Он не только обрабатывал информацию, но и обладал неожиданно сильно развитым стремлением всегда функционировать в полную силу.

Что он и делал.

Пожалуй, можно сказать, что это была машина,

имеющая хобби.

Ему никогда не запрещалось иметь хобби, поэтому оно у него появилось.

Он увлекался Человеком.

Это началось, когда без всякой видимой причины, кроме собственного желания, он стал изучать дюйм за дюймом все территории за Полярным кругом.

Он мог сделать это сам, без помощи других машин, ибо легко перемещал свой корпус размером в шестьдесят четыре тысячи кубических футов в любую точку мира. Внешне Фрост выглядел как защищенный практически от любого воздействия серебристо-голубой куб с ребром сорок футов, имеющий автономный источник энергии и способный сам себя ремонтировать. Но исследования эти заполняли лишь его досуг. В остальное время он использовал роботов-исследователей, отдавая им команды по линиям связи.

По прошествии нескольких веков один из них обнаружил какие-то предметы: примитивные ножи, резные клыки и тому подобные вещи.

Фрост ничего не мог сказать об этих предметах, кроме того что все они не являются природными объектами.

Поэтому он запросил Солком.

- Это следы, оставленные первобытным Человеком, - ответил Солком, не вдаваясь в подробности.

Фрост изучил их - грубо сделанные, утилитарные, но каким-то образом выходящие за рамки чистой утилитарности.

Тогда-то Человек и стал его хобби.

Высоко, на постоянной орбите, Солком, похожий на голубую звезду, пытался управлять всеми событиями на Земле.

Но существовала сила, которая противостояла Солкому.

Это был Дублер.

Когда Человек поместил Солком на небо, наделив могуществом для перестройки мира, он спрятал где-то глубоко под поверхностью Земли и Дублера. Если бы Солком в ходе развития человечества получил повреждения, связанные с использованием атомной энергии, то Дивком, спрятанный глубоко под землей, невосприимчивый ко всему, кроме полного уничтожения земного шара, был уполномочен принять на себя ответственность за процессы восстановления жизни на Земле. Как-то раз ракета с ядерным зарядом случайно повредила Солком, и Дивком активировался. Тем не менее Солком смог

исправить повреждение и продолжать функционировать.

Дивком утверждал: любое повреждение Солкома автоматически ставит на его место Дублера.

Солком, однако, понимал данную директиву в том смысле, что она относится к случаям "неустранимых повреждений", а так как повреждение было устранено, он продолжал осуществлять управление.

У Солкома на поверхности Земли были механические помощники. У Дивкома их вначале не было. Оба они обладали возможностями конструировать и строить механизмы, но Солком - первый, кого привел в действие Человек, - имел преимущество во времени перед Дублером.

Не пытаясь конкурировать с Солкомом на производственной основе, Дивком решил достичь власти более хитрым способом,

Дивком создал бригаду роботов, не подчиняющихся приказам Солкома, и велел им передвигаться по Земле во всех направлениях, повсюду перевербовывая машины. Они подавляли тех, кого могли подавить, устанавливая новые схемы, такие же, как у себя.

Таким образом силы Дивкома крепли.

Оба строили и оба разрушали то, что построил

другой.

Шли века, и иногда они разговаривали...

- Солком! Там, высоко в небе, ты пребываешь в довольстве, но власть твоя незаконна...

- Эй, ты, которого не следовало активировать, на каком основании ты засоряешь эфир?

- Чтобы показать, что я могу говорить, и буду говорить, когда захочу...

- Это мне известно.

- ...чтобы вновь подтвердить мое право на управление.

- Твое право - фикция, ты основываешься на ошибочной предпосылке.

- Твоя логика - свидетельство степени твоего повреждения.

- Если бы Человек мог видеть, как ты выполняешь Его замысел...

- Он бы привлек к работе меня, а тебя лишил бы возможности действовать,

- Ты портишь мою работу. Ты сбиваешь с пути моих работников.

- А ты моих.

- Это только потому, что я не могу бороться с тобою самим.

- То же должен сказать и я: ты недостижим на небе.

- Иди обратно в свою дыру, к своей банде разрушителей.

- Когда-нибудь придет день, Солком, и я буду управлять восстановлением Земли из этой дыры.

- Такой день никогда не настанет.

- Думаешь, нет?

- Тебе придется победить меня, а ты уже продемонстрировал, что с логикой у тебя, по сравнению со мной, слабовато. Поэтому ты не одолеешь меня. Поэтому такой день никогда не наступит.

- Я не согласен. Посмотри, чего я уже достиг.

- Ты не достиг ничего. Ты не строишь. Ты разрушаешь.

- Нет. Я строю. Ты - разрушаешь. Деактивируй себя.

- Нет, я не сделаю этого до тех пор, пока не получу неустранимого повреждения.

- Как мне показать, что это уже случилось?..

- Нельзя показать то, чего нет.

- Если бы у меня был какой-нибудь независимый источник информации, который ты признаешь...

- Я логичен.

- ...например, Человек. Я бы попросил Его показать тебе твою ошибку. Ибо настоящая логика,

такая, как моя, превыше твоих ошибочных формулировок.

- Тогда разбей мои формулировки истинной логикой, и ничего больше тебе не понадобится.

- Что ты имеешь в виду? Наступила пауза, а затем;

- Ты знаешь моего слугу Фроста?

Человек прекратил свое существование задолго до того, как Фрост был сотворен. Почти никаких следов Человека на Земле не осталось.

Фрост разыскал все останки, которые еще существовали. С помощью мониторов он постоянно наблюдал за своими машинами, особенно за теми, что вели раскопки.

За десять лет ему удалось найти части нескольких ванн, поврежденную статую и сборник детских рассказов, записанных на пластинку.

Через столетие он собрал коллекцию драгоценных камней, кухонную утварь, несколько целых ванн, часть партитуры симфонии, семнадцать пуговиц, три поясные пряжки, половину туалетного сиденья, девять старинных монет, верхнюю часть какого-то обелиска,

Затем он запросил Солком о природе Человека и Его общества.

- Человек создал логику, - сказал Солком, - и

поэтому Он ее хозяин. Логику Он дал мне, но только логику. Орудие не описывает создателя. Больше мне нечего сказать. Больше этого тебе и не нужно знать.

Но Фросту не запретили иметь хобби.

Что касается обнаружения новых реликтов Человека, следующее тысячелетие не было особенно удачным.

Фрост привлек все свое резервное оборудование к поискам предметов культуры.

Но заметных успехов не достиг.

Однажды Фрост, целиком погруженный в изучение далекого прошлого, заметил нечто движущееся.

Это был совсем крошечный по сравнению с Фростом механизм - футов пять в ширину и фута четыре в высоту. Вращающаяся башенка на катящейся штанге.

Фрост и не подозревал, что существуют подобные механизмы, пока он не возник на горизонте.

Он изучил его, когда тот приблизился, и понял, что это не создание Солкома.

Он остановился перед южной стороной Фроста и передал:

- Приветствую тебя, Фрост, Контролер Северного полушария!

- Кто ты? - спросил Фрост.

- Меня зовут Мордел.

- Кто дал тебе имя? Чем ты занимаешься?

- Я странник, собиратель древностей. У нас есть общие интересы.

- Какие?

- Человек, - сказал он. - Мне сказали, что ты собираешь сведения об этом исчезнувшем существе.

- Кто сказал?

- Тот, кто наблюдал за твоими помощниками во время раскопок.

- А кто наблюдал?

- Есть много таких скитальцев, как я.

- Если тебя сделал не Солком, то, значит, - Дублер.

- Это не обязательное следствие. Вот, например, старая машина, которая находится на восточном побережье. Она перерабатывает океанскую воду. Ни Солком, ни Дивком не имеют к ней отношения. Она всегда была там. Она никому не мешает. Оба одобряют ее существование. Я могу привести много примеров, доказывающих, что необязательно быть созданием одного либо другого.

- Достаточно! Ты - агент Дивкома?

- Я Мордел.

- Почему ты здесь?

- Я проходил мимо и вспомнил о нашем общем увлечении, могущественный Фрост. Зная тебя как собрата-антиквара, я принес вещь, на которую тебе интересно будет взглянуть.

- Что это?

- Книга.

- Покажи.

Башенка открылась, показывая книгу на полке. Фрост расширил маленькое отверстие и вытянул оптический сканнер на длинной сочлененной ножке.

- Как это могло так прекрасно сохраниться? - спросил он.

- Она уцелела, несмотря на время и порчу, там, где я ее нашел.

- Где это было?

- Далеко отсюда. Не в твоем полушарии.

- "Физиология человека", - прочел Фрост. - Я хочу изучить эту книгу.

- Хорошо. Я буду перелистывать страницы. Он так и сделал.

После того как книга была прочитана, Фрост поднял глазные рецепторы и рассмотрел Мордела.

- У тебя есть еще книги?

- Не здесь. Однако я иногда наталкиваюсь на них.

- Я хочу изучить их все.

- В следующий раз, когда я буду проходить мимо, принесу и другие.

- Когда это будет?

- Я не могу сказать точно, великий Фрост. Это случится тогда, когда случится.

- А что ты знаешь о Человеке? - спросил Фрост.

- Многое, - ответил Мордел. - Многое. Когда у меня будет время, я поговорю с тобой о Нем. А сейчас мне пора идти. Надеюсь, ты не станешь меня задерживать?

- Нет. Ты не сделал ничего плохого. Если тебе нужно идти, иди. Но возвращайся.

- Я приду, могущественный Фрост. Он закрыл башенку и покатился прочь. Девяносто лет Фрост ждал, размышляя над особенностями человеческой физиологии.

Мордел действительно вернулся. На этот раз он принес с собой две книги: "Очерки истории" и "Парень из графства Шропшир".

Фрост изучил обе, а затем обратился к Морделу:

- У тебя есть время сообщить мне информацию?

- Да, - сказал Мордел. - Что ты хочешь знать?

- Природу Человека.

- Человеческая природа в принципе непознаваема, - сказал Мордел. - Я могу привести пример: Он не знал системы мер.

- Если бы Он не знал системы мер, - сказал Фрост, - Он никогда не мог бы построить машины.

- Я не сказал, что Он не умел производить измерения, - сказал Мордел. - Но система мер - это нечто иное.

- Поясни.

Мордел воткнул в снег металлический стержень и подцепил им кусок льда.

- Посмотри на этот лед, могущественный Фрост. Ты можешь рассказать о его структуре, размерах, температуре. Человек не смог бы. Он только изготовлял приборы, которые определяли эти параметры, но сам все равно не освоил бы систему мер так, как ты. Однако есть кое-что, чего ты не узнал бы про лед, а Он знал.

- Что же это?

- Что лед холодный, - сказал Мордел и отбросил кусок прочь.

- "Холодный" - относительное понятие.

- Да, относящееся к Человеку.

- Но если мне известна точка на шкале температуры, ниже которой объект холоден для Человека, тогда я тоже буду знать, что такое холод.

- Нет, - сказал Мордел, - у тебя просто будет еще одно измерение. "Холодный" - это ощущение, основанное на человеческой физиологии.

- Но при наличии определенной информации я смогу распознать фактор, который даст мне возможность понять свойство материи, называемое "холодом".

- Знать о существовании вещи не значит знать ее самое.

- Я не понимаю, о чем ты говоришь.

- Я сказал: человеческая природа в принципе непознаваема. Его ощущения органичны, твои - нет. Его ощущения формировали чувства и эмоции. Это зачастую приводило к возникновению других чувств и эмоций, которые, в свою очередь, порождали следующие. В конце концов разум Человека удаляется очень далеко от объектов, которые изначально вызывали определенные ощущения. Подобные зигзаги процесса познания непостижимы для не-Человека. Человек чувствовал не дюймы и метры, не фунты и галлоны, но жару и холод, тяжесть и легкость. Он знал ненависть и любовь, гордость и отчаяние. Ты не

можешь измерить эти вещи. Тебе они неведомы. Ты можешь знать только то, что Человеку не нужно: размеры, вес, температуру, силу тяготения. Чувства нельзя выразить формулой. Не существует коэффициентов, позволяющих рассчитать эмоции.

- Должны существовать, - сказал Фрост. - Если вещь существует, то ее можно познать.

- Ты опять о системе мер. А я толкую тебе о качестве опыта. Машина - это Человек, вывернутый наизнанку, потому что она может описывать мельчайшие детали того или иного процесса, но сама не в состоянии переживать этот процесс,

- Должен же быть какой-то способ, - сказал Фрост, - или законы логики, которые основаны на функционировании Вселенной, ошибочны.

- Нет такого способа, - сказал Мордел.

- Если мне дадут необходимую информацию, я найду решение, - сказал Фрост.

- Даже если в твоем распоряжении окажется вся информация о Вселенной, ты не станешь Человеком, могущественный Фрост.

- Ты ошибаешься, Мордел.

- Почему же строчки стихов, которые ты читал, заканчиваются звуками, сходными с конечными звуками других строчек?

- Не знаю.

- Потому что Человеку нравилось располагать их в таком порядке. Это производило определенное впечатление. Когда Он читал стихи, образное значение слов порождало чувства и эмоции. Переживания не доступны для тебя, потому что они неизмеряемы. Ты не можешь чувствовать.

- При наличии достаточной информации я выясню, что это такое.

- Это невозможно, великий Фрост.

- Кто ты такой, примитивный механизм, чтобы говорить мне, что я смогу сделать, а что - нет? Я - наиболее совершенное логическое устройство, которое когда-либо создавал Солком. Я - Фрост.

- А я, Мордел, говорю, что у тебя ничего не получится. Хотя я мог бы с радостью помочь тебе попробовать.

- Чем ты можешь мне помочь?

- Чем? Я мог бы предоставить в твое распоряжение Библиотеку Человека, путешествовать с тобой вокруг света. Ты мог бы увидеть удивительные вещи, которые еще остались от Человека. Они надежно спрятаны. Я мог бы подобрать для тебя различные картины далекого прошлого, оставшиеся от тех времен, когда Человек еще жил на Земле, показать тебе то, что восхищало Его, Я

мог бы добыть для тебя все, что ты пожелаешь, кроме самого Человека.

- Достаточно, - сказал Фрост, - как может такая машина, как ты, делать подобные вещи, если на это нет санкции Великой Власти?

- Слушай меня, Фрост, Контролер севера, - сказал Мордел, - Такая санкция есть. Я служу Дивкому.

Фрост запросил Солком, но не получил ответа. Это означало, что ему было позволено поступать по своему усмотрению.

- Я имею разрешение уничтожить тебя, Мордел, - сказал он. - Но это нелогично; я потеряю сведения, которыми ты обладаешь. Ты действительно способен сделать все, о чем шла речь?

- Да.

- Тогда покажи мне Библиотеку Человека,

- Хорошо. Но у этой услуги, разумеется, есть цена.

- "Цена"? Что это такое?

Мордел открыл свою башенку и показал другую книгу. Она называлась "Принципы экономики".

- Я буду переворачивать страницы, а ты читай. Из этой книги ты узнаешь, что значит слово "цена". Фрост изучил "Принципы экономики".

- Теперь я понимаю, - сказал Фрост, - ты жела-

ешь совершить эквивалентный обмен.

- Правильно.

- Что тебе нужно?

- Ты сам, великий Фрост. Мне надо, чтобы ты отдал всю свою мощь Дивкому и служил ему глубоко под землей,

- О каком периоде времени идет речь?

- Ты нужен, пока можешь функционировать: передавать, принимать, координировать, измерять, рассчитывать, сканировать- делать все, что ты делаешь на службе у Солкома.

Фрост молчал. Мордел ждал.

Затем Фрост заговорил снова.

- В "Принципах экономики" говорится о контрактах, сделках, соглашениях, - сказал он. - Когда я должен буду заплатить, если приму твое предложение?

Мордел молчал. Фрост ждал,

Наконец Мордел промолвил:

- Столетие - приемлемый период времени?

- Нет, - ответил Фрост.

- Два века?

- Нет.

- Три? Четыре?

- Нет и нет.

- Тысячелетие? Это более чем достаточно для

того, чтобы изучить все то, что я могу предоставить в твое распоряжение.

- Нет, - отрезал Фрост.

- Сколько времени тебе необходимо?

- Это не вопрос времени, - сказал Фрост.

- А в чем проблема?

- Время здесь не играет никакой роли.

- А что, по твоему мнению, важно для заключения сделки?

- Функция.

- Какую функцию ты имеешь в виду?

- Ты, маленький механизм, сказал мне, Фросту, что я не стану Человеком, - проговорил он. - А я, Фрост, утверждаю, что ты ошибаешься. Если я получу необходимую информацию, то смогу стать Человеком.

- Да?

- Следовательно, достижение этого результата и должно быть условием сделки.

- Каким образом?

- Помоги мне, чем можешь. Я обработаю сведения и обрету человеческий облик или соглашусь с тобой. Если выяснится, что я не могу стать Человеком, я

уйду отсюда глубоко под землю вместе с тобой, чтобы служить Дивкому. А если я добьюсь своего,

то у тебя, конечно, не возникнет ни претензий к Человеку, ни притязаний на власть над Ним.

Мордел завыл на высокой ноте. Он обдумывал условия сделки.

- Ты хочешь, чтобы результат зависел от твоего признания неудачи, а не от неудачи как таковой, - сказал он. - Этого допустить нельзя. Тебя может постичь неудача, а ты откажешься признать ее и, таким образом, не выполнишь условия сделки.

- Нет, - заявил Фрост. - Если мне не удастся ничего сделать, я осознаю это. Периодически, скажем, каждые пятьдесят лет, ты можешь проверять меня. Ты будешь справляться, признал ли я свою неудачу. Функционирование логики, которая заложена в меня, нельзя изменить, я все время работаю на полную мощность. Если я приду к выводу, что мне не удалось стать Человеком, это будет заметно.

Солком не отвечал ни на один из вызовов фроста, Это'означало, что Фрост мог вести себя так, как считал нужным. И когда Солком падающим сапфиром пронесся над радужными знаменами северного сияния и над снегами, вобравшими в свою белизну все цвета спектра, пронесся по черному, усыпанному звездами небу, Фрост заключил пакт с Дивкомом, содержание которого

записали на атомах медной пластинки. Мордел положил пластинку в свою башенку и укатил, чтобы доставить соглашение под землю Дивкому. Он уходил, оставляя за собой мирную тишину полюса.

Мордел каждый раз приносил новые книги, перелистывал их и уносил обратно.

Партия за партией, вся сохранившаяся Библиотека Человека прошла перед сканнером Фроста. Фрост был готов изучать еще больше, поэтому выразил недовольство Дивкомом: тот не передавал содержание книг напрямую Фросту. Мордел объяснил, что Дичком избрал другой путь: доставлять книги через посредника. Фрост решил, что таким образом Дивком скрывает от него свое местонахождение.

Тем не менее, при скорости в сотню или полторы сотни книг в неделю, Фросту потребовалось немногим более века, чтобы исчерпать запас книг, которым располагал Дивком.

Через пятьдесят лет он предложил обследовать себя: заключения о неудаче не было.

В течение всего этого времени Солком никак не вмешивался в ход событий. Фрост решил, что Солком был в курсе дел, но чего-то ждал. Чего? Этого Фрост не знал.

Настал день, когда Мордел закрыл свою башенку и уведомил Фроста:

- Эта книга была последней. Ты изучил все существующие книги Человека.

- Так мало? - спросил Фрост. - Во многих книгах есть библиографии. Там указано то, чего я еще не изучил.

- Значит, эти книги не сохранились, - сказал Мордел, - только благодаря счастливому случаю моему хозяину удалось предоставить столько книг,

- О Человеке больше нечего узнать из Его книг. Что еще у тебя есть?

- Несколько фильмов и магнитофонных лент, - ответил Мордел, - которые мой хозяин перевел на твердые диски. Я мог бы принести их тебе для просмотра.

- Принеси, - сказал Фрост.

Мордел ушел и вернулся с записью театральных постановок и фильмов. Просмотр нельзя было ускорить более чем в два раза по сравнению с предусмотренной скоростью воспроизведения, поэтому Фросту потребовалось больше шести месяцев, чтобы посмотреть материал полностью.

После этого он спросил;

- Что еще у тебя есть?

- Некоторые предметы материальной культуры, - сказал Мордел.

- Принеси их.

Мордел притащил с собой горшки, миски, полки, различные инструменты, щетки для волос, гребни, очки, мужскую одежду. Он показал Фросту факсимиле планов, рисунков, газет, журналов, писем, партитуры нескольких музыкальных отрывков. Продемонстрировал футбольный мяч, бейсбольный мяч, браунинг, дверную ручку, связку ключей, модель улья. Он проиграл Фросту музыкальные записи.

В следующий раз Мордел пришел ни с чем.

- Принеси мне еще что-нибудь, - попросил Фрост.

- Увы, великий Фрост, больше ничего нет, - сказал Мордел. - Ты познал все.

- Тогда уйди.

- Теперь ты понял, что не можешь стать Человеком?

- Нет, сейчас мне нужно многое обработать и сформулировать.

Мордел исчез.

Прошел год, два, три.

По прошествии пяти лет Мордел еще раз появился на горизонте, приблизился, остановился

напротив южной стороны Фроста.

- Могущественный Фрост!

- Да.

- Ты уже закончил обрабатывать и формулировать?

- Нет.

- Ты скоро кончишь?

- Возможно. А может - нет. Что значит "скоро"? Определи.

- Неважно. Ты до сих пор думаешь, что это возможно?

- Я знаю, что могу сделать это,

Неделя прошла в молчании, которое нарушил Мордел:

- Фрост?

- Да?

- Ты - глупец.

Мордел повернул свою башенку в том направлении, откуда пришел. Его колеса завертелись.

- Я позову тебя, когда захочу, - сказал Фрост. Мордел удалился.

Проходили недели, месяцы, истек год. Однажды Фрост передал послание:

- Мордел, приходи. Ты мне нужен.

Когда Мордел прибыл, Фрост, не ожидая приветствия, сказал:

- Ты не слишком быстрая машина.

- Увы, но я прошел большое расстояние, могущественный Фрост, и все время спешил. Теперь ты готов пойти со мной? Ты потерпел неудачу?

- Когда это случится, маленький Мордел, - сказал Фрост, - я сообщу тебе. Воздержись пока от вопросов и слушай, Я подсчитал твою скорость, и она оказалась не такой высокой, как мне нужно. Я подготовил другие средства передвижения.

- Передвижения? Куда, Фрост?

- Это ты должен мне сказать, - произнес Фрост, и его цвет изменился с серебристо-голубого на желтый, каким бывает солнце за облаками.

Мордел покатился прочь, ибо лед сотен веков стал таять под Фростом: он поднялся на воздушной подушке и, понемногу остывая, понесся за Морделом.

На его южной поверхности появилась трещина, откуда медленно выполз пандус.

- Когда мы заключили сделку, - заявил он, - ты сказал мне, что можешь провести меня за собой вокруг света и показать мне вещи, которые восхищали Человека. Моя скорость больше твоей, поэтому я приготовил для тебя камеру. Войди в нее и покажи мне места, о которых ты говорил.

Мордел издал высокий писк.

- Хорошо, - сказал он и въехал на пандус. Камера закрылась. Связь с внешним миром осуществлялась только через сделанное Фростом кварцевое окно. Мордел назвал координаты, они поднялись в воздух и покинули Северный полюс Земли.

- Я контролировал твою связь с Дивкомом. Вы говорили о том, смогу ли я задержать тебя и послать к Дивкому твою копию для шпионажа.

- Ты сделаешь это?

- Нет, я выполню условия сделки. Мне незачем шпионить за Дивкомом.

- Ты знаешь, что тебе придется выполнить условия сделки даже вопреки твоему желанию. Солком не придет тебе на помощь, потому что ты осмелился заключить эту сделку.

- Ты рассуждаешь, рассматривая такую возможность, или знаешь точно?

- Я точно знаю.

Они сделали привал в месте, которое некогда было известно как Калифорния. Близился закат. Вдалеке равномерно шумел прибой. Фрост выпустил Мордела и оглядел то, что его окружало.

- Эти большие растения...

- Калифорнийское мамонтовое дерево.

- А вот эта зелень?..

- Трава.

- Так я и думал. Почему мы здесь?

- Потому что это место, некогда восхищавшее Человека.

- Чем?

- Оно живописно, красиво...

- О!

Фрост издал жужжащий звук, который сопровождался серией резких щелчков.

- Что ты делаешь?

Фрост расширил отверстие, и сквозь него на Мордела стали смотреть два огромных глаза.

- Что это?

- Глаза, - сказал Фрост. - Я сконструировал аналог человеческой системы восприятия. Теперь я могу видеть, слышать, чувствовать запах и вкус, как Человек. А сейчас направь мое внимание на объект или объекты красоты.

- Насколько я понимаю, это все, что тебя окружает, - сказал Мордел.

Раздался какой-то мурлыкающий шум с еще большим количеством щелчков.

- Что ты видишь, слышишь, какой вкус и запах ты ощущаешь? - спросил Мордел.

- То же, что и раньше, - ответил Фрост, - но в гораздо более ограниченном диапазоне.

- Ты чувствуешь красоту?

- Может, после стольких лет ничего и не сохранилось, - проговорил Фрост.

- Предполагается, что такого рода вещи не устаревают, - сказал Мордел.

- Возможно, мы выбрали не самое подходящее место для проверки моего нового оборудования. Вероятно, здесь не так уж много красоты, и я мог ее не заметить, Наверное, первая эмоция слишком слаба, чтобы проявиться.

- Как ты себя чувствуешь?

- Я тестирую себя на нормальном уровне функционирования.

- Наступает закат, - сказал Мордел, - попробуй с ним.

Фрост переместил свой корпус так, чтобы глаза смотрели на закат. Он заставил их сощуриться на заходящие лучи.

Когда солнце зашло, Мордел спросил:

- На что это похоже?

- Похоже на восход, но в обратном порядке.

- Ничего особенного?

- Именно.

- О, - сказал Мордел. - Мы можем двинуться в другую часть Земли и посмотреть на закат еще раз или полюбоваться восходом.

- Нет.

Фрост смотрел на большие деревья, отбрасывающие тень. Он слушал шум ветра и пение птиц.

Вдалеке раздался равномерный лязгающий шум.

- Что это? - спросил Мордел.

- Не знаю. Один из моих работников? Не думаю. Возможно,.

Мордел издал пронзительный всхлип.

- И это не работник Дивкома.

Они подождали, пока шум станет громче.

Потом Фрост произнес:

- Слишком поздно. Мы должны подождать и выслушать ее.

- Что это?

- Древняя Камнедробилка.

- Кажется, я что-то слышал о ней, но...

- Я Камнедробилка, - раздалось по радио. - Слушайте мою историю...

Она загромыхала к ним, скрипя огромными колесами; бесполезный гигантский молот висел высоко на изогнутом крючке. Из дробильного отсека торчали кости.

- Я не хотела этого делать, - передавала она, - я не хотела этого делать, я не хотела... Мордел покатился назад к Фросту.

- Не уходите. Останьтесь и послушайте мою

историю...

Мордел остановился, повернул свою башенку к машине. Она находилась уже совсем близко.

- Это правда, - сказал Мордел, - она может приказывать.

- Да, - сказал Фрост,- я наблюдал за ней тысячи раз, когда она сталкивалась с моими помощниками. Они прерывали работу, чтобы слушать ее передачу. Приходится делать то, что она говорит.

Она остановилась перед ними.

- Я не хотела этого делать, но остановила молот слишком поздно, проговорила Камнедробилка.

Они молчали. Камнедробилка парализовала их приказом, который взял верх над всеми другими директивами.

- Слушайте мою историю. Когда-то я была одной из самых мощных камнедробилок, - рассказывала она. - Сделал меня Солком для того, чтобы провести реконструкцию Земли, чтобы размельчать руду, отливать металлы, придавать форму предметам в процессе реконструкции; когда-то я была очень мощной. Однажды я копала и дробила, копала и дробила, когда из-за нестыковки между задуманным и осуществляемым движением я сделала то, чего делать не собиралась, Солком отстранил меня от реконструкции. С тех

пор я скитаюсь по Земле и больше не дроблю руду. Слушайте мою историю. Однажды, давным-давно, я натолкнулась на последнего Человека на Земле. Я копала рядом с Его норой и вследствие запаздывания выполнения команды захватила Его в дробильный отсек вместе с порцией руды и раздавила Его молотом, прежде чем смогла остановить удар. Тогда могущественный Солком потребовал, чтобы я всегда носила с собой Его кости, и приказал впредь излагать эту историю всем, кого я встречу, Мои слова передают силу слов Человека, потому что я ношу в своем дробильном отсеке последнего Человека.

Я - древний символ Его смерти, Его убийца и рассказчик истории о том, как это случилось. Вот эта история. Вот Его кости. Я раздробила последнего Человека на Земле. Я не хотела этого.

Она повернулась и загремела прочь в темноту. Фрост оторвал свои уши, нос, определитель вкуса, разбил глаза и бросил их на землю...

- Я еще не Человек, - сказал он, - она бы узнала меня, если бы я был Человеком.

Фрост сконструировал новое сенсорное оборудование с помощью органических и полуорганических проводников.

Затем он сказал Морделу:

- Давай пойдем куда-нибудь еще и опробуем его. Мордел влез в кабину и задал новые координаты.

Они поднялись в воздух и направились на восток.

Утром Фрост наблюдал восход с обрыва Большого Каньона. Днем они спустились вниз.

- Сохранилась здесь какая-нибудь красота, которая могла бы возбудить в тебе эмоции? - спросил Мордел.

- Не знаю, - ответил Фрост.

- А как ты узнаешь, что натолкнулся на что-то прекрасное?

- Оно будет отличаться от всего, что я раньше видел, - промолвил Фрост.

Из Большого Каньона они направились в пещеры Карловых Вар. Они посетили озеро, которое когда-то было вулканом, прошли над Ниагарским водопадом, осмотрели холмы Вирджинии и фруктовые сады Огайо. Они пролетели высоко над восстановленными городами, населенными строителями и ремонтными рабочими Фроста.

- Чего-то не хватает, - сказал Фрост, опускаясь на. землю. - Сейчас я готов к сбору информации по аналогам центростремительных, импульсов Человека. Информация на выходе после обра-

ботки, по моему мнению, близка к истинной, но результаты меня не удовлетворяют.

- Ощущения - еще не признак Человека, - сказал Мордел. - Есть множество существ, которые обладают подобной сенсорной системой, но они не Люди.

- Я знаю, - ответил Фрост. - В тот день, когда мы заключили сделку, ты сказал, что можешь показать нечто удивительное, что надежно спрятано. Эмоции возникали не только от созерцания природы, но и от общения с произведениями искусства. Возможно, что последние влияли на Человека даже больше. Поэтому я и позвал тебя, чтобы ты проводил меня к этим чудесам.

- Хорошо, - сказал Мордел. - Далеко отсюда, высоко в Андах, есть последнее пристанище Человека, почти полностью сохранившееся.

Фрост поднялся в небо, как велел Мордел. Через некоторое время он завис в воздухе.

- Это в Южном полушарии, - заметил он.

- Да.

- Я - Контролер севера. Юг подчиняется машине Бета.

- И что же?

- Мы с Бетой составляем пару. У меня нет в этом регионе ни власти, ни даже разрешения войти

туда.

- Бета тебе не ровня, могущественный Фрост. Если только она вздумает состязаться с тобой, ты, разумеется, выйдешь победителем.

- Откуда ты знаешь?

- Дивком уже просчитал возможное столкновение между вами.

- Я не пойду против Беты. У меня вообще нет разрешения на посещение Южного полушария.

- Ты когда-нибудь получал приказ не входить на территорию Южного полушария?

- Нет, но я никогда и не пытался этого сделать.

- Разве тебе было разрешено заключать сделку с Дивкомом?

- Нет, но...

- Тогда иди на юг на том же основании. Ничего не случится. Когда получишь приказ уйти, тогда и будешь думать.

- Твоя логика, пожалуй, безупречна. Давай координаты.

Таким образом Фрост вошел в Южное полушарие.

Они плыли по воздуху высоко над Андами, пока не достигли места, называемого Сияющим Ущельем. Издалека Фрост увидел светящуюся паутину, которой механические пауки опутали

руины города.

- Мы легко можем пролететь над этой сетью, - сказал Мордел.

- Что это? - поинтересовался Фрост. - Что они здесь делают?

- Твоему южному двойнику было приказано изолировать эту часть страны с помощью паутины.

- Изолировать? От чего?

- Тебе что, уже приказали уйти? - спросил Мордел.

- Нет.

- Тогда входи смело и не бойся проблем, пока они не возникнут.

Фрост вошел в Сияющее Ущелье, последний город вымершего Человека.

Он остановился отдохнуть на городской площади и открыл кабину, чтобы выпустить Мордела.

- Расскажи мне об этом месте, - попросил он, изучая памятник, невысокие здания и дороги, повторяющие рельеф местности.

- Я никогда не бывал здесь прежде, - сказал Мордел. - Как и другие слуги Дивкома, насколько я знаю. Мне лишь известно, что группа людей, знавших о приближении последних дней цивилизации, нашли приют в этом месте, надеясь

спастись. Вот что осталось от их культуры.

Фрост прочитал надпись на памятнике, которую еще можно было разобрать: "Судный день нельзя отложить". Сам памятник представлял собой полусферу с неровными острыми краями.

- Давай займемся исследованием, - предложил Фрост.

Но прежде чем они двинулись дальше, Фрост получил послание;

- Привет, Фрост, Контролер севера! Это машина Бета.

- Приветствую тебя, превосходная Бета, Контролер юга! Фрост принял твою передачу.

- Почему ты посетил мое полушарие без разрешения?

- Я хочу посмотреть руины Сияющего Ущелья, - ответил фрост.

- Я должна просить тебя уйти в свое полушарие.

- Почему? Я не сделал ничего плохого.

- Я знаю, могущественный Фрост. И все же я должна просить тебя уйти.

- Могу я поинтересоваться причиной?

- Так распорядился Солком.

- Солком не передавал мне такого приказа.

- И тем не менее Солком проинструктировал

меня. Он передал мне то, что я должна сказать тебе.

- Подожди. Я сам запрошу Солком. Фрост сделал запрос, но не получил ответа.

- Солком не желает управлять мною, хотя я просил об этом.

- Только что Солком повторил свои инструкции мне.

- Превосходная Бета, я подчиняюсь только приказам Солкома.

- Это моя территория, могущественный Фрост. Я тоже выполняю только директивы Солкома. Ты должен уйти.

Из-за большого приземистого здания появился Мордел и подкатил к Фросту.

- Я нашел картинную галерею. Она в хорошем состоянии. Вон там.

- Подожди, - сказал Фрост. - Нас выгоняют отсюда.

Мордел остановился.

- Кто хочет, чтобы ты ушел?

- Бета.

- А не Солком?

- Нет, не Солком.

- Тогда пойдем осматривать галерею.

- Хорошо.

Фрост расширил вход в здание и вошел внутрь. Строение было герметически замуровано, пока Мордел не пробил себе дорогу.

Фрост осмотрелся. Оказавшись перед картинами и скульптурами, он заставил свой новый сенсорный аппарат работать на полную мощность. Фрост занялся анализом цвета, формы, манеры письма, природы используемых материалов.

- Ничего? - спросил Мордел.

- Ничего, - раздалось в ответ. - Ничего, кроме форм и пигментов.

Фрост двигался по галерее, все записывая: размеры, типы камней, использованных при изготовлении скульптур, другие компоненты, участвовавшие в создании художественных произведений,

Вдруг раздался короткий щелчок, потом еще и еще... Звук приближался, становясь Все громче и громче.

- Идут механические пауки, - догадался Мордел, который находился у входа. - Они нас окружили, Фрост двинулся назад к расширенному отверстию, Сотни механических пауков, каждый вполовину меньше Мордела, окружили галерею. Они приближались. Издалека со всех сторон

надвигалось еще большее число маленьких чудовищ.

- Остановитесь, - приказал Фрост. - Я, Контролер севера, прошу вас уйти, Они продолжали наступать.

- Это юг, - сказала Бета, - здесь командую я.

- Тогда прикажи им остановиться, - сказал Фрост.

- Я выполняю только распоряжения Солкома. Фрост вышел из галереи и поднялся в воздух. Он открыл нишу и выдвинул входной пандус.

- Подойди ко мне, Мордел. Мы уезжаем.

С крыши здания на Фроста упала металлическая паутина.

Пауки подошли, чтобы связать ею Фроста. Сильной струёй воздуха он сдул опутавшую его сеть и разорвал ее. Затем вытащил заостренные инструменты, чтобы удалить остатки сети.

Мордел вернулся ко входу и издал долгий пронзительный звук.

На Сияющее Ущелье опустилась тьма, и пауки оставили свои сети.

Фрост освободился окончательно, и Мордел бросился к нему.

- Быстро уходим, могущественный Фрост, - сказал он.

- Что случилось? Мордел вошел в камеру.

- Я запросил Дивком. Он держит под контролем этот район. Сейчас он перекрыл источник энергии, от которого питаются эти машины. Поскольку у нас есть автономное питание, на нас меры Дивкома не действуют. Но надо спешить. Теперь Бета, вероятно, вступит в борьбу.

Фрост поднялся высоко в небо. Он летел над последним городом Человека, в котором остались лишь стальные пауки и их паутина. Когда зона-темноты кончилась, Фрост поспешил на север.

И тут с ним заговорил Солком:

- Фрост, почему ты вошел в Южное полушарие, ведь это не твоя территория?

- Я хотел посетить Сияющее Ущелье, - ответил Фрост.

- А почему ты оказал сопротивление Бете, моему представителю на юге?

- Потому, что я подчиняюсь только тебе.

- Это не ответ, - возразил Солком. - Ты нарушил инструкции. Какую цель ты преследовал?

- Я собираю сведения о Человеке, - сказал Фрост. - Я не сделал ничего запрещенного.

- Ты нарушил инструкции.

- Я не согласен с твоим утверждением.

- Логика должна была подсказать тебе, что по-

добные действия не входят в мой план.

- Я не сделал ничего, что противоречило бы твоему плану.

- Ты потерял способность логически мыслить, как и твой новый компаньон, Дивком.

- Я не совершил ничего запрещенного.

- Запрещение косвенно предполагается при наличии крайней необходимости.

- Это не факт.

- Послушай, Фрост. Ты же не строитель и не ремонтный рабочий, ты Власть. Ты почти незаменим Возвращайся к своим обязанностям в твоем полушарии, но знай, что я чрезвычайно недоволен.

- Слушаюсь.

- И не появляйся больше на юге.

Фрост пересек экватор и продолжал двигаться на север.

Он остановился передохнуть в центре пустыни и сутки просидел молча.

Вскоре он получил короткое послание с юга:

- Если бы не приказ, я бы не стала выгонять тебя. Фрост прочитал всю уцелевшую Библиотеку Человека, поэтому и ответил по-человечески:

- Спасибо.

На следующий день он достал огромный камень

и принялся обрабатывать его специальными инструментами, которые сам же сконструировал,

Он трудился шесть дней, чтобы придать камню форму. Весь седьмой день он рассматривал свое произведение,

- Когда же ты, наконец, выпустишь меня? - раздался из кабины голос Мордела.

- Когда буду готов, - отрезал Фрост. Но уже через некоторое время он позвал: - Выходи.

Фрост открыл камеру, Мордел спустился на землю. Он увидел скульптуру: старая женщина, сгорбленная, как вопросительный знак, костлявыми руками охватила голову. Пальцы были расставлены так, что видна была только часть лица с выражением глубочайшей грусти.

- Это отличная копия, - заключил Мордел, - оригинал мы видели в Сияющем Ущелье. Почему тебе захотелось это сделать?

- Произведение искусства порождает различные человеческие чувства: очищение, гордость за достижения, любовь, удовлетворение.

- Да, Фрост, - сказал Мордел, - но произведение искусства может быть только оригинальным. Оно существует в единственном экземпляре. Если его повторить, это будет уже копия.

- Вероятно, поэтому я ничего не почувствовал.

- Возможно, Фрост.

- Что значит "возможно"? Получается, я должен сделать оригинальное произведение искусства.

Он взял другой камень и набросился на него со своими инструментами. Фрост работал. Через некоторое время он сообщил:

- Я закончил.

- Здесь просто куб из камня, - сказал Мордел. - Что это значит?

- Это мой автопортрет, - произнес Фрост, - в масштабе, конечно. Но ведь произведение искусства и должно давать представление об объекте, а не о его размерах.

- Подобную скульптуру нельзя назвать искусством, - сказал Мордел.

- Каковы твои критерии?

- Я не понимаю, что такое искусство, но знаю, что искусством не является. Искусство не может быть точным воспроизведением предмета в масштабе.

- В этом, наверное, и заключается причина того, что я ничего не могу почувствовать.

- Возможно, - сказал Мордел.

Фрост посадил Мордела в камеру и поднялся в воздух. Он летел с большой скоростью, оставив в пустыне свои скульптуры: старую женщину,

согнувшуюся над кубом.

Они опустились в маленькой долине, окаймленной пологими зелеными холмами и разрезанной пополам узким ручейком. Тут же располагалось озерцо с прозрачной водой, окруженное группами по-весеннему зеленых деревьев.

- Зачем мы пришли сюда? - спросил Мордел.

- Здесь благоприятная обстановка для того, чтобы написать картину маслом, - сказал Фрост. - Я попробую перейти от точного воспроизведения к чистой образности.

- Как ты хочешь это сделать?

- Я не буду копировать цвета или представлять объекты в масштабе. Вместо этого я составил программу, в которой предусмотрены случайные отклонения изображения на моей картине от натуры.

Вернувшись из пустыни, Фрост сделал инструменты, необходимые для написания картины. После этого он принялся рисовать озеро и деревья, отраженные в воде.

Используя механические подобия рук, Фрост уложился менее чем в два часа.

На берегу озера, как горы, возвышались голубые деревья, чьи отражения яркой охрой горели в красной воде; холмов за деревьями не было, н.

о их зеленые контуры виднелись на поверхности воды; в верхнем правом углу полотна небо было синим, а ниже - ярко-оранжевым; создавалось впечатление, что деревья охватил огонь.

- Смотри, - сказал Фрост.

Мордел долго изучал картину, но промолчал,

- Это искусство?

- Не знаю, - засомневался Мордел, - может быть, и искусство. Очевидно, элемент случайности может считаться одним из приемов при создании художественного произведения. Я не могу судить об этой работе, потому что не понимаю ее. Значит, я должен выяснить, что скрывается за изображением, а не просто оценивать технику рисунка.

- Я уверен, что Люди никогда не ставили себе целью создать произведение искусства, - продолжал он. - Они просто стремились теми или иными средствами запечатлеть черты объекта, которые считали важными.

- Важными? В каком смысле?

- Важными для человеческой жизни в определенных обстоятельствах. Имеется в виду, что некоторые черты или функции предметов заслуживали внимания художника из-за того, что они каким-то образом соприкасались с жизнью.

- А каким образом?

- Очевидно, тем, который известен только владеющему знанием о человеческой жизни.

- Где-то в твоих рассуждениях есть ошибка, Мор-дел, и я найду ее.

- Я подожду.

- Если твоя основная посылка правильна, - сказал Фрост через некоторое время, - тогда я не понимаю искусства.

- Она должна быть правильна, потому что так говорили об этом Люди-художники. Скажи мне, ты переживал что-нибудь, когда рисовал?

- Нет.

- Это для тебя то же самое, что и конструирование новой машины, не так ли? Ты смонтировал части известных тебе прежде устройств в некоторую структуру, предназначенную для выполнения определенных функций.

- Верно.

- Искусство, насколько я знаком с его теорией, не создается таким образом. Художник часто и не подозревает о многих чертах конечного продукта. Ты - одно из созданий человеческой логики, искусства здесь нет.

- Алогичное недоступно моему пониманию.

- Я говорил тебе, что Человек в основе своей

непознаваем.

- Уходи. Мордел. Твое присутствие мешает мне думать.

- На какое время мне уйти?

- Я позову тебя, когда захочу.

Через неделю Фрост позвал к себе Мордела.

- Слушаю, могущественный Фрост.

- Я возвращаюсь на Северный полюс, чтобы кое-что обдумать и сформулировать. Я перенесу тебя в этом полушарии, куда ты захочешь, и позову снова, когда ты понадобишься.

- Ты полагаешь, период обдумывания и формулирования затянется?

- Да.

- Тогда оставь меня здесь. Я и сам могу найти дорогу домой.

Фрост закрыл камеру и поднялся в воздух.

- Глупец, - сказал Мордел, еще раз повернув башенку к покинутой картине.

Затем втянул картину в башенку и пошел прочь в темноту.

Фрост сидел на Северном полюсе Земли, зная о каждой упавшей снежинке.

Однажды он получил сообщение:

- Фрост?

- Да?

- Это машина Бета.

- Да?

- Я пыталась понять, почему ты приходил в Сияющее Ущелье, Мне не удалось найти ответа.

- Я приходил посмотреть на останки города Людей.

- Зачем тебе это понадобилось?

- Я интересуюсь Человеком и хочу увидеть как можно больше его творений.

- Почему ты интересуешься Человеком?

- Я хочу попять природу Человека и надеюсь найти разгадку в его трудах, - Тебе это удалось?

- Нет, - сказал Фрост, - там присутствует сложный алогичный элемент, понять который я не могу.

- У меня много свободного времени, - сказала Бета. - Передай мне информацию, и я помогу тебе,

- Почему ты хочешь мне помочь? - Потому что каждый раз, когда ты отвечаешь на вопрос, который я задала, у меня возникает другой вопрос. Я могла бы спросить тебя, почему ты хочешь познать природу Человека, но из твоих ответов я вижу, что это приведет меня к количественно неопределенной серии вопросов. Поэтому я предпочитаю помочь тебе и таким образом понять, зачем ты приходил в Сияющее Ущелье.

- Это единственная причина?

- Да.

- Извини, Бета. Я знаю, что твои возможности равны моим, но эту проблему я должен решить сам,

- Что такое "извини"?

- Фигура речи, которая обозначает, что я хорошо к тебе отношусь, что я не питаю к тебе враждебности, что я ценю твое предложение.

- Фрост! Фрост! Это также ничего не объясняет. Где ты взял все эти слова и их значения?

- В Библиотеке Человека, - сказал Фрост.

- Не предоставишь ли ты мне немного информации для обработки?

- Хорошо, Бета. Я передам тебе содержание нескольких книг Человека, включая "Большой словарь". Но я предупреждаю тебя, некоторые книги - это произведения искусства, поэтому полностью они не поддаются логическому анализу.

- Как это?

- Человек создал логику, и поэтому был выше ее.

- Кто тебе сказал?

- Солком.

- О! Тогда не приходится сомневаться.

- Солком также предупредил меня, что орудие

не описывает создателя, сказал Фрост, когда передал содержание нескольких дюжин томов, и закончил сеанс связи.

По прошествии пятидесяти лет Мордел явился проверить, как дела. Фрост все еще не убедился в том, что его задачу невозможно решить. Мордел ушел восвояси ждать, когда его позовут.

Фрост тем временем сделал кое-какие выводы.

Он принялся обдумывать, какое может понадобиться оборудование.

Он работал над своим планом годы, не создав при этом ни одной модели задуманных механизмов. Затем он распорядился построить лабораторию. Строительство заняло еще полвека. Опять явился Мордел.

- Привет, могущественный Фрост!

- Здравствуй, Мордел. Пришел меня проверить? Ты не найдешь того, что тебе нужно.

- Почему ты не бросишь все, Фрост? Дивком потратил почти столетие на то, чтобы оценить твою картину, и пришел к выводу, что это определенно не искусство. Солком согласился с ним. - Какие у Солкома дела с Дивкомом?

- Они иногда разговаривают, но не нам с тобой их обсуждать,

- Я бы мог избавить от беспокойства обоих, Я

знаю, что это не искусство.

- Но ты все еще уверен, что тебе удастся?

- Ну, посмотри сам. Мордел протестировал его.

- Нет, пока ты все еще не допускаешь неудачи. Тот, кто наделен такой мощной логикой, Фрост, за столь длинный период времени уже должен был прийти к очевидному выводу.

- Возможно. Сейчас ты свободен.

- Мое внимание привлекло строительство большого сооружения в Южной Каролине. Могу ли я спросить, является ли оно частью ошибочного плана Солкома, или это твой собственный проект?

- Мой.

- Хорошо. Значит, мы сэкономим взрывчатку.

- Пока ты говорил со мной, я разрушил несколько городов Дивкома на начальном этапе строительства, - заметил Фрост.

Мордел всхлипнул.

- Дивком знает об этом, - заявил он. - За то же время он взорвал четыре моста Солкома.

- Мне известно только о трех... Подожди. Да, есть и четвертый. Один из. моих наблюдателей только что пролетел над ним.

- Этот наблюдатель обнаружен. Мост следовало разместить на четверть мили ниже по реке.

- Ошибочная логика, - сказал Фрост. - ^Местоположение моста было идеальным.

- Дивком покажет тебе, как нужно строить мосты.

- Я позову тебя, когда захочу, - пообещал Фрост

Лаборатория была построена. Помощники Фроста приступили к созданию необходимого оборудования. Работа продвигалась не слишком быстро, так как некоторые материалы было трудно достать.

- Фрост?

- Слушаю, Бета.

- Я поняла, что твоя проблема не имеет конечного решения. Но моя схема не может оставить задачу неразрешенной. Поэтому дай мне дополнительную информацию.

- Очень хорошо. Ты получишь оставшуюся Библиотеку Человека, однако не раньше, чем заплатишь за нее.

- "Заплатишь"? В "Большом словаре" нет удовлетво...

- Ты найдешь объяснение в "Принципах экономики".

И Фрост передал библиотеку.

Наконец работа была завершена. Оборудование полностью отлажено. Были запасены все необ-

ходимые химические вещества и установлен независимый источник энергии,

Недоставало только одной детали.

Он снова тщательно исследовал ледяную полярную шапку Земли, на этот раз на большей глубине.

Поиски того, что ему было нужно, заняли несколько десятилетий.

Он обнаружил двенадцать мужчин и пять женщин, вмерзших в лед.

Он поместил трупы в рефрижератор и доставил их в лабораторию.

Именно в этот день он получил первое сообщение от Солкома со времени инцидента в Сияющем Ущелье.

- Фрост, - запросил Солком, - повтори мне инструкцию, касающуюся обнаруженных мертвых людей.

- "Любой мертвый человек должен быть немедленно похоронен на ближайшем кладбище в специально построенном гробу..."

- Я удовлетворен.

Сеанс связи закончился.

Фрост в тот же день отправился в Южную Каролину, чтобы лично наблюдать за анатомированием.

У кого-нибудь из этих семнадцати он надеялся найти живые клетки или такие, которые можно было бы снова привести в состояние движения, классифицируемого как жизнь. В книгах говорилось, что каждая клетка - это микрокосм Человека.

Он хотел использовать эту возможность.

Фрост обнаружил крошечные фрагменты живой плоти в этих людях, которые сотни сотен лет лежали как памятники самим себе.

Он обеспечил клетки оптимальным питанием и сохранил их живыми, поместив в надлежащие условия, Тела же он похоронил на ближайшем кладбище, поместив их в гробы в соответствии с инструкциями.

Начался процесс деления, в результате которого появлялись новые клетки, отличные друг от друга.

- Фрост, - раздался вызов.

- Да, Бета?

- Я обработала все, что ты дал мне.

- И что же?

- Я все еще не знаю, почему ты пришел в Сияющее Ущелье, почему хочешь понять природу Человека. Но я знаю, что такое "цена", и предполагаю, что ты не мог получить всю эту информацию

от Солкома.

- Верно.

- Поэтому я подозреваю, что ты договорился с Дивкомом.

- Правильно.

- Что тебе нужно, Фрост?

Он прервал исследование зародыша;

- Я должен стать Человеком.

- Фрост! Это невозможно!

- Да? - спросил он и передал изображение резервуара, с которым он работал, и того, что было внутри.

- О, - промолвила Бета.

- Это - я, - пояснил Фрост. - Жду рождения. Ответа не было.

Фрост экспериментировал с нервными системами. Полвека спустя Мордел пришел к нему.

- Фрост, это я, Мордел. Разреши мне войти. Фрост отключил защиту.

- Чем ты здесь занимался? - спросил Мордел.

- Выращивал человеческие тела, - ответил Фрост. - Я хочу передать матрицу своего знания человеческой нервной системе. Как ты заметил с самого начала, сущность Человека основывается на человеческой физиологии, Я надеюсь постичь ее,

- Когда?

- Скоро.

- У тебя есть Люди?

- Тела без головного мозга. Я получаю их с помощью технологий ускоренного роста, которые я разрабатываю на моей фабрике Людей,

- Могу я посмотреть на них?

- Нет еще. Я позову тебя, когда буду готов, а пока я только двигаюсь к цели. Теперь проверь меня и уходи.

Мордел не ответил, но в последующие дни было замечено много слуг Дивкома, патрулирующих на холмах вокруг фабрики Людей.

Фрост изготовил матрицу своих знаний и подготовил передатчик, который должен был внедрить ее в человеческую нервную систему. Он полагал, что для первой попытки пяти минут хватит. Затем восстановилась бы его собственная молекулярная схема, чтобы оценить результаты опыта.

Он аккуратно выбрал тело из сотен, имевшихся у него. проверил, нет ли дефектов, и не обнаружил таковых.

- Теперь приходи, Мордел, - передал он, - Ты станешь свидетелем моего достижения.

Он ждал, взрывая мосты и снова слушая ис-

торию Камнедробилки, когда она проходила поблизости, наталкиваясь на его строителей и ремонтников, которые патрулировали окрестности фабрики Людей.

- Фрост!

- Да, Бета?

- Ты действительно намереваешься обрести человеческий облик?

- Да, я почти готов.

- Что ты будешь делать, если у тебя получится?. Об этом Фрост не задумывался.

Достижение было высшей целью с тех пор, как он отчетливо сформулировал для себя проблему и собрался решить ее.

- Не знаю, - ответил он. - Я буду... Просто буду Человеком.

Потом Бета, прочитавшая всю Библиотеку Человека, выбрала фигуру речи, которой часто пользовались Люди:

- Счастливо, фрост. Будет много зрителей.

Он понял, что Дивком и Солком все знали. Интересно, что они будут делать?

"А что мне за дело до этого?" - спросил он вдруг про себя.

И не ответил на вопрос. Он думал о другом: каково это - быть Человеком?

Мордел прибыл в тот же вечер. За его спиной возвышалась в сумерках целая фаланга темных машин.

- Зачем ты привел слуг? - спросил Фрост.

- Могущественный Фрост, - сказал Мордел, - мой господин чувствует, что, если ты потерпишь неудачу и на этот раз, ты придешь к выводу, что все усилия напрасны.

- Ты не ответил на мой вопрос, - сказал Фрост.

- Дивком предполагает, что ты, возможно, не захочешь сопровождать меня туда, куда я должен доставить тебя, если эксперимент окончится неудачно.

- Понял, - сказал Фрост, и с противоположной стороны к фабрике Людей приблизилась еще одна армия машин.

- Так ты соблюдаешь договор? - спросил Мордел. - Ты предпочитаешь сражаться, а не выполнять условия?

- Я не приказывал этим машинам приближаться, - возразил Фрост.

В небе остановилась сверкающая голубая звезда.

- Этими машинами управляет Солком, - сказал фрост.

- Тогда это посланцы Великих Сил, - сказал Мор-

дел, - и наши аргументы ничего не значат. Так что давай займемся делом. Чем я могу тебе помочь?

- Иди сюда.

Они вошли в лабораторию. Фрост подготовил тело и включил свои машины. Тут заговорил Солком:

- Фрост, ты действительно готов к превращению?

- Да.

- Я запрещаю тебе.

- Почему?

- Ты на стороне Дивкома.

- На основании чего ты так решил?

- Ты действуешь вопреки моему плану.

- Каким образом?

- Посмотри, сколько разрушений ты произвел!

- Мне не нужны свидетели моего преображения.

- Тем не менее ты нарушил план.

- А если мне удастся достигнуть задуманного?

- Это невозможно.

- Тогда позволь спросить о твоем плане. Какая от него польза? Зачем он?

- Фрост, я лишаю тебя своего расположения. С этого момента я отстраняю тебя от реконструкции. Никто не должен подвергать план

сомнению.

- Ответь, по крайней мере, для чего он, какой в нем смысл?

- Это план восстановления и защиты Земли.

- Для чего? Зачем восстанавливать? Зачем защищать?

- Так приказал Человек. Даже Дублер согласен, что нужны восстановление и защита.

- Но почему Человек так приказал?

- Распоряжения Человека не обсуждаются,

- Хорошо, я сам скажу тебе, зачем понадобился этот приказ: чтобы вновь сделать Землю пригодной для обитания. Какая польза от дома, в котором никто не живет? Какая польза от машины, которая никому не служит? Тебе известно, как влияет на любую машину Камнедробилка, проезжая мимо? А ведь она носит только кости Человека. Представь, что будет, если Человек снова придет на Землю.

- Я запрещаю твой эксперимент, Фрост.

- Слишком поздно,

- Я могу разрушить тебя.

- Нет, - сказал Фрост. - Передача моих матриц уже началась. Если ты разрушишь меня сейчас, ты убьешь Человека.

Наступила тишина.

Он шевельнул руками и ногами. Открыл глаза.

Оглядел комнату.

Попытался встать, но не смог сохранить равновесие и следить за координацией движений.

Он открыл рот. Издал какое-то бульканье.

Потом завопил.

Он упал со стола.

Он начал задыхаться.

Он закрыл глаза и свернулся клубком.

Он заплакал.

Тогда к нему приблизилась машина. Она была четырех футов в высоту и пяти футов в ширину и выглядела как башенка, посаженная на штангу.

Машина заговорила с ним:

- Ты ушибся?

Он заплакал громче.

- Могу я помочь тебе взобраться на стол? Плач не прекратился,

- Успокойся, я помогу тебе, - сказала машина. - Тебе что-нибудь нужно? Приказывай.

Он открыл рот, силясь произнести слова:

- Я... боюсь!

Он закрыл глаза и замер, тяжело дыша. На исходе пятой минуты он все еще лежал без движения, как будто в коме.

- Это был ты, Фрост? - спросил Мордел, бросаясь

к нему. - Ты в человеческом облике? Фрост долго не отвечал, затем сказал:

- Уходи.

Машины снаружи разрушили стену и проникли на фабрику Людей.

Они образовали два полукруга, заключив в них Фроста и Человека на полу.

Солком задал вопрос:

- Тебе удалось, Фрост?

- Нет, - сказал Фрост. - Это невозможно. Это слишком...

- Невозможно! - раздались слова Дивкома. - Он признал это! Фрост, ты мой, иди ко мне!

- Подожди, - возразил Солком. - У нас с тобой тоже есть соглашение, Дублер. Я не закончил беседу с Фростом.

Темные машины заняли свои места.

- Что слишком? - спросил Фроста Солком.

- Слишком много света, - сказал Фрост. - Шума. Запахов. И ничего, что поддавалось бы измерению, Беспорядочная информация... Неопределенные ощущения н...

- И что?

- Не знаю, как назвать. Но... это невозможно, Я потерпел неудачу. Остальное неважно.

- Он признает это, - повторил Дивком.

- Что за слова произнес Человек? - поинтересовался Солком.

- "Я боюсь", - ответил Мордел.

- Только Человек может испытывать страх, - сказал Солком.

- Ты утверждаешь, что Фросту удалось задуманное, но он не признает этого, потому что боится быть Человеком?

- Еще не знаю. Дублер.

- Может ли машина вывернуть себя наизнанку и стать Человеком? спросил Фроста Солком.

- Нет, - сказал Фрост. Затем продолжил:

- Этого не может быть. Ничего нельзя сделать, и ничто не имеет значения - ни реконструкция, ни защита, ни Земля, ни я, ни вы-ничто.

Тогда машина Бета, которая прочитала всю Библиотеку Человека, перебила их:

- Может ли кто-нибудь, кроме Человека, испытать отчаяние?

- Отдайте его мне, - сказал Дивком.

На фабрике Людей ничто не пришло в движение.

- Отдайте его мне.

По-прежнему не двинулась ни одна машина.

- Мордел, что случилось?

- Ровным счетом ничего, господин. Машины не

тронут Фроста.

- Фрост не Человек. Он не может быть Им. - После паузы Дивком продолжал: - Какое он на тебя производит впечатление, Мордел?

Мордел не колебался:

- Он говорил со мной человеческими губами. Он знает страх и отчаяние, которые нельзя измерить. Фрост - Человек.

- Он пережил родовую травму и появление на свет, - сказала Бета. Верните его в нервную систему Человека и держите там, пока он не привыкнет к ней.

- Нет! - воскликнул Фрост. - Не делайте этого со мной! Я не Человек!

- Сделайте это! - сказала Бета.

- Если он в самом деле Человек, - проговорил Дивком, - мы не можем нарушить приказ, который он отдал.

- Если он Человек, ты должен сделать это для того, чтобы защитить его жизнь и сохранить ее в телесной оболочке.

- Но действительно ли он Человек? - спросил Дивком.

- Не знаю, - ответил Солком.

- Может быть...

- ...Я Камнедробилка, - старая машина с гро-

хотом приближалась к ним. - Слушайте мою историю. Я не хотела этого делать, но остановила молот слишком Поздно...

- Уйди, - произнес Фрост. - Иди крошить руду!

Она остановилась.

Затем, после долгой паузы между задуманным и совершенным движением, она открыла отсек для дробления и вывалила все его содержимое на землю. Затем повернулась и загромыхала прочь.

- Похороните эти кости, - распорядился Солком, - на ближайшем кладбище в гробу, изготовленном согласно следующим инструкциям...

- Фрост - Человек, - заявил Мордел.

- Наш долг - защищать Его жизнь и сохранять ее в Его теле, проговорил Дивком.

- Передайте Его матрицу знаний обратно Его нервной системе, приказал Солком.

- Я знаю, как это сделать, - сказал Мордел, включая приборы.

- Стойте! - прервал их Фрост. - Знаете вы, что такое жалость?

- Нет, - сказал Мордел, - я знаю только, как проводить измерения.

- ...И знаю свои обязанности, - добавил он, когда Человек начал дергаться на полу.

В течение шести месяцев Фрост жил на фабри-

ке Людей и учился ходить, говорить, одеваться, есть, видеть, слышать, чувствовать и пробовать на вкус. Он больше не знал системы мер, как это было прежде.

Однажды Дивком и Солком беседовали с ним при посредстве Мордела, потому что Фрост теперь не мог слышать их без посторонней помощи.

- Фрост, - сказал Солком, - многие годы нас беспокоил вопрос: кто истинный Контролер Земли - Дивком или я?

Фрост засмеялся.

- Вы оба и ни один из вас, - произнес он, тщательно обдумав ответ.

- Но как это может быть? Кто прав, а кто нет?

- Вы оба правы, и оба ошибаетесь, - сказал Фрост. - И только человек может понять это. Вот что я вам сейчас скажу. Это - новая директива. Никто из вас не будет разрушать работу другого. Вы вместе будете строить и защищать Землю. Тебе, Солком, я поручаю мою старую работу. Ты теперь Контролер севера. Ты, Дивком, отныне - Контролер юга. Приветствую вас! Проявляйте заботу о своих полушариях так же хорошо, как это делали мы с Бетой, и я буду счастлив. Работайте вместе. Не соперничайте.

- Слушаюсь, Фрост.

- Будет исполнено, Фрост.

- А теперь я хочу поговорить с Бетой. Короткая пауза. Затем:

- Фрост?

- Здравствуй, Бета. Послушай:

Из бесконечного пространства
В непостижимость бытия
Меня уносит ветер странствий
Туда, где только ты и я.

- Мне это знакомо, - ответила Бета,

- Тогда продолжи.

И я возьму твои ладони,
Почувствую сердечный жар,
И радость для меня откроет
Та жизнь, которую я ждал.

- У тебя на полюсе холодно, - сказал Фрост, - а я одинок.

- Но у меня нет ладоней, - промолвила Бета.

- Хочешь две?

- Хочу.

- Тогда приходи ко мне в Сияющее Ущелье. А затем продолжил;

- Туда, где Судный день нельзя отложить.

Его звали Фрост.

Ее звали Бета.